

Саша Тумп

Наш друг

Димка

С. Тумп. Наш друг Димка.

Оглавление

Оглавление	- 3 -
Наш друг Димка	- 4 -
Димка, мы и дед Иван	- 4 -
Димка и внук кошачьего генерала.....	- 9 -
Димка и число «Пи»	- 13 -
Димка и литература.....	- 15 -
Димка, Серёга и крокодилы	- 19 -
Димка, дождь и футбол	- 22 -
Димка и Песня о Варяге	- 25 -
Димка и Ю. Шевчук.....	- 28 -
Димка и Архангельский кокошник	- 32 -
Димка и его предпоследнее школьное сочинение	- 36 -
Димка и Юрий-русофил	- 39 -
Димка и Новый год.....	- 52 -
Димка и Чухпелек	- 56 -
Мой сосед Бендриков	- 67 -
Будь проклят свет этот!	- 67 -
Художнику было страшно	- 71 -
Видел я... инопланетян-то... ..	- 74 -
Вроде как про лошадь Пржевальского!	- 75 -
Как думаешь-то?	- 78 -
Ничего не понял!	- 82 -
Террористы и вымогатели	- 88 -
Любит – не любит!	- 92 -
Никита и Витька	- 99 -
Вчера приходил Соломон... тот самый	- 99 -
Ох, уж эти разговоры... ..	- 100 -
Дуэль не состоялась или перенесена?	- 112 -
Второе воскресенье сентября.....	- 118 -
Последнее воскресенье сентября	- 122 -
Второе воскресенье ноября	- 126 -
Новый-старый год	- 131 -

Наш друг Димка

Димка, мы и дед Иван

Дед был, мягко сказать, немолод.

Спросили, где машину на дней пять оставить – нам указали. Пришли – дед. Спросили – говорит: «Ставьте – пригляжу!» Да там и пригляд-то какой? Коровы!..

Эти японцы зеркала ставят на свои джипы в аккурат для наших коров. А у коров, видимо, в основном чешется за лопаткой. А зеркала как будто для этого и придумали. Зеркала – не выдерживают... Видимо, не рассчитает, лопаткой зацепит – и... двести баксов нет – и две недели новых ждать ещё.

Вот мы и обосновались на улице. Машину поставили, где дед указал. Рядом кедр здоровенный такой, а в метрах пяти стол. Вот мы там и накрыли его, деда пригласили. Накрыли – его к столу, как хозяина. Подошел – сел.

Выпили по рюмке.

Беда в том, что в Димку вселяется какой-то бес после этой первой рюмки.

...Димка свято верил, что в последней колонне из Афгана мы были на последнем броннике.

На самом деле все было не так. Были мы в «последней колонне». И не на последнем броннике. А в середине колонны. Когда уходили, там-то еще народу много оставалось. Но Димке вот надо было, чтоб «в последней» и на «последней броне». Мы его никогда не перебивали, тем более, что он великодушно делился с нами славой, говоря, глядя на нас: «Помнишь?..»

Потом к каждому из нас в отдельности: «Ты, брат, помнишь?..»

Я себя даже иногда ловил на мысли, что может правда – мы были в колонне последними? А вот что под телекамеры не попали – точно. Когда выходили, ТВшников уже не было.

Пленки, наверное, на самолет уже везли.

Вот с того моста мы втроем так и живем.

...Бес вселялся сразу, как только Димка делал этот первый глоток. Потом следовал выдох, потом – вдох, потом слова: «Одной в желудке неуютно, двоим к утру там будет ...». Что там будет потом, за все годы знакомства всех нас с Димкой никто не знал. Он эту фразу растягивал таким образом, что успевал наполнить

все пустое на столе, оглядеть всех, поднять свой второй стакан или рюмку, выпить, оглядеть всех и выдохнуть.

Димка не был ни забудыгой, ни алкоголиком, вообще он к алкоголю не имел никакого отношения. Он имел отношения только к первой рюмке. Она вместе с бесом творила с ним невиданные дела. Она включала какой-то неведомый тумблер, и Димку уже грела не водка, а осознание чего-то другого, но, как правило, и то, что в машине два ящика водки на троих. Он преображался.

Не скажу, что он становился каким-то уж очень другим, но он становился мягким, и ему хотелось поговорить.

Главное – поговорить. Вот уж что хотелось, то хотелось.

Тема могла быть любой... Вообще любой! От «Как тяжело Солнцу удерживать водородную реакцию под контролем» до «Самое главное при беременности – следить за голеностопом».

Откуда и как он брал темы, для нас загадка. Казалось бы, вся его жизнь последние лет двадцать была у нас на виду, но он всегда удивлял чем-то новым.

Последняя тема, которая его волновала, когда мы были на реках Северного Урала, это – «У гусеницы клетки мышцы имеют пять различных принципиально явно выраженных форм». Вот у человека все клетки одинаковы по строению, а у гусеницы – нет! «Понимаете! У гусеницы клетки мышц отличаются друг от друга...» Подобные темы его захватывали. И попробуй кто вступить в полемику или, не дай Бог, с ним в спор – все!.. Конеч человеку!

Димка подсаживался рядом, внимательно смотрел на оппонента, иногда обнимал его за плечо и произносил: «Обоснуй!»

Мы это знали, внимания не обращали, в спор не вступали. Но новый человек попадался... Видимо, желая как-то влиться в наш коллектив, он произносил какие-то роковые слова в ответ на Димкины, и – все!..

...Все согласились: «По второй, так по второй.»

– А в деревне много народу раньше было? – Димка подсел к деду.

– Много, – дед посмотрел на Димку.

– Безработица? – это Димка для затравки.

– Жизнь! – дед явно не хотел говорить с Димкой.

– А Вы сам из местных?

– Да. Тут и родился. Вот там ближе к реке дом дедовский стоял. Там и родился. В бане.

– А шас где дом? Там вроде нет ничего? – Димка нашел собеседника.

– Старый был дом. Да в тумане. Нет его.

– Как это «дом в тумане»?

– Близко к реке. Туманы набегают и утром и вечером. Дерево не дюжит...

– Так зачем так близко дом ставить. Твой-то вон повыше.

– Не мой это. Отцовский. А тот – нижний был – так бабушка хотела. Хотела, чтоб ближе к реке. Любила она её. А дед не перечил. Попросила – там и поставил.

Мы все молчали. Даже у Димки что-то остановилось в голове. Мы просто сидели и молчали.

– Любила она речку. Так на скамейке на берегу и умерла.

Мы все поодаль сидели. Вон там ... – дед показал в сторону реки.

– Ну, давайте, – Димка поднял стакан, замешкался. Перехватил его сверху, сжав всей своей пятерней.

Налили третью!

– Давай, дед, помянем всех.

– Отчего же не помянуть. Помянем, – дед встал и, молча, выпил. Постоял, посмотрел на речку – сел. Встали и мы. Было почему-то не по себе.

Так надоело в этой жизни вот так стоять со стаканом в руке, вспоминая... Господи, когда же это кончится!

Да что же это такое? Столько лет прошло. Не могу слышать слово «погибли»... Сколько же это можно? Даже там, тогда, когда молодыми были, 90-е... Все мы такие!.. Чуть ниже и под горлом правее комок стоит всегда.

Налили еще. Сидим. Димка начал ёрзать на лавке.

– А мы вот втроем на последней броне из Афгана, так и не расстаемся. Там уже перед выходом познакомились. Земляки, значит. Вот и не расстаемся. Так вот! – Димка хотел что-то еще сказать, но передумал.

– А как по отчеству-то Вас? – вздохнул Димка.

– А на постой просился – не расслышал?

Димка замялся.

– Да ладно! Как?

– Иван Иванович я. Отец тоже был Иван Иванович. Младший я был. Младшие у нас все Ивановы.

– А дети там, внуки есть? Где?

– Внуки?!.. Правнуки уже бегают!

– А мы вот только внуков ждем. Да не дождемся, наверное, в этой жизни.

– Дождетесь! Бабам сейчас тяжело. Понять их надо. Мужиков нет. Вот и ходят яловыми. Их ведь тоже торопить не след! Баба знает! А не знает – не баба!

...– Иван Иванович, а ты на Войне был?

– Да не ломай ты язык. Просто – Иванович. Был.

– А где победу встретил?

– Победу? Не знаю, как его теперь зовут, тот остров. На острове.

– Где?

– В океане. От Японии недалеко.

– Это значит – ты в японской участвовал?

– В японской... В Отечественной. Ты думал, Берлину конец, то и войне п...дец. Как бы не так! Война! Она, брат... – Иванович что-то хотел сказать, да передумал, – заканчивалась ли?.. Там – на востоке ведь тоже головушек лежит немеряно.

Победа – это когда спишь и не вздрагиваешь. Ты после своего Афгана вздрагиваешь? Вот то-то и оно...

– Это вас, значит, с западного фронта – на восточный!

– Да нет. С 43 как были там, так и до 46!

– Не понял... – Димка даже встал, – А чё вы там в 43 делали?

– Тушенку жрали. В Китае. Китайскую.

Дед рассердился, поднялся. Взял со стола вилку, посмотрел на неё... «Вжик...» Вилка воткнулась в кедр ...

Димка посмотрел на вилку, почему-то на верхушку кедр, потом на нас, потом на деда.

– Стоп! Ничё не понимаю. А Китай при чем?

– Мы были в Китае. Кто другой где был – не знаю. Мы... в Китае.

– Постой! Иванович! Вы 9 мая в Китае были?

– Вот 9 мая – нет. Уже в бухте. У себя.

– В какой бухте?.. В какой бухте?.. Победа же!..

Димка бегал вокруг стола. Мы тоже сидели, боясь вставить хоть слово.

– 9 мая – Победа! Вы чё, не знали?

– Нет!

– А узнали когда?

– 12-го. От летчиков. Нашу группу тогда на выброску загрузили, а самолет задержали. Вот тогда и узнали.

– Стоп! Стоп! Стоп! – Димка бегал вокруг стола, – Какая выброска?.. Задача на десантирование какая была поставлена?

– Задача?.. А ты кто такой, чтоб спрашивать?..

– Во! Вы видели... «Кто я такой?» Ты понял?.. Кто я такой?..

Димка забегал вокруг стола, смотря то на нас, то на стол, то на кедр. Немного успокоился. Еще налили, выпили. Сел. Молчим. Димка был никакой!..

– Иваныч! Мы все офицеры. Что за задача-то была?.. – встрял в разговор и я.

– «Водрузить на вершине острова знамя СССР и удерживать его неприкосновенность до прихода основных сил», – процитировал кого-то Иваныч.

– И сколько вас было? – опять я встрял, пока Димка приходил в себя.

– Пятеро. Я, Сашка из Костромы, из-под Мологи – Васька, еще Сашка – из Красноярска, и Василий – тот был из Ставрополя. Вот – все!.. Самолет взять больше не мог. Да других-то и не было никого. У других – другие дела. Никого, кроме нас!

– И от кого же вы его, это Знамя, удерживали? – Димка пришел в себя.

– От всех! «До подхода основных сил».

– Подошли? – Димка почти лег головой на плечо деда.

– Подошли.

– Удержали?

– Удержали.... Удержал.

– Как это – удержал? А парняги?..

– Ребята погибли все.

Димка замолк и стал смотреть под ноги. Редко бывает.

– Дядя Ваня! А как было? – он поднял голову.

– Как было?.. День нормально было. А потом катера подошли. Стрелять начали.

– Японцы?..

– Да чтой-то японцы? Американцы! Флаг, значит, убирайте.

– А вы?

– А что мы? Флаг наш, мы рядом. Если б не было нас... А так?..

... Чё главу-то склонять?

– Так они в атаку ж пошли? – Димка даже привстал.

– Так солдаты ж... Приказали. Пошли!

– А вы?

– Так мы тоже... Солдаты же!

– Та-а-а-к! Значит, вы сверху под флагом... Тьфу – под Знаменем. Они снизу. Кругом камень. Рикошет уходит вверх. Им гранатой не размахнуться... А сколько их?

– Сначала на трех катерах.

Ну, сколько?.. Человек сто! Потом еще высадились. Ну, может – человек двести – триста. Если по пулеметам судить – штатный батальон... ихний. Может еще, что предали им...

Мы притихли.

...– Они вокруг пошли? – спросил я.

– Конечно. А как еще? Нам сверху не всё видно было. Конечно. Так и пошли. Правильно пошли. Кругом.

– И сколько все это было? – Димка не выдержал.

– Дня два.

– Сколько?.. Два дня они вокруг вас пятерых топтались?..

– Не хотели б – не топтались! Люди... Тоже ж люди! О Победе они, поди, тоже знали. Всем жить хотелось, – Дед Иван насупился.

...– Значит, не склонили!..

...Ты знаешь... Мы ведь тоже ... Не пальцем сделаны... Три года в спецроте... Повидали... Одно дело поднять... Другое – склонить... Третье – не дать склонить! Я про знамя...

...А как остров-то называется, знаешь?..

– Откуда? Я ведь в госпитале только на третий день в себя пришел.

– Наградили?

– Наградили. Прямо в госпитале. Потом уже, осенью. Командир батальона медаль вручил – «За победу над Германией».

Мы-то её и не видели ещё. Первая у меня была из этих-то медалей... У нас ни у кого не было тогда... Только у меня. Первый я был ... А Япония-то что? Уже сдалась тогда, пока я в госпитале...

...Осень была уже.

Димка и внук кошачьего генерала

С Алексеем мы познакомились под Тюменью.

Узнав, что мы с Димкой едем с Байкала северной трассой в Ярославскую область, он пригласил нас переночевать у него в «человеческих условиях».

Условия были действительно «человеческие».

Коттедж, большой участок, окруженный плотным забором, не вызывал сомнений в том, что у хозяина всё в порядке.

Баня, шашлык, наше желание задержаться ещё на день сделали своё дело.

Поскольку по возрасту мы были примерно одинаковы, то нам было о чём поговорить, обменяться своими впечатлениями об окружающей действительности, о нашем отношении ко всему, в чём пришлось участвовать и свидетелями чего мы были сами.

...– А я ведь, можно сказать, из семьи военных. Дед был у меня генерал. Да не просто генерал. Он сам сформировал армию, сам и на фронт ушёл с ней. За три дня!

Алексей сделал паузу и, довольный, смотрел на нас, ожидая наших вопросов.

– За три дня не сформировать!

Димка уже прошел все этапы от «одной в желудке неуютно, двоим к утру там будет ...», поэтому его суждения были пространны и жестки.

– А, вот! – Алешка сидел довольный, – Я вот почему вспомнил?..

Вы про Ярославль начали! А едете через Иркутск! А дед-то армию формировал на выручку ярославскому соединению. Там его армия и иркутская объединились и успели вовремя. В самое время!

– Не было никакой ярославской армии! А иркутская?.. И её не было!

Под Москвой в 41 – да!.. Сибиряки вовремя успели! Да! Дивизии Полосухина, Белобородова!..

Эх! Забыли мужиков! Хоть бы памятник в Москве сибирякам поставили! А Панфиловская?.. Та из Алма-Аты пришла!.. 70 национальностей в ней было. Опять же казаки в ней не последними были!.. Не было Тюменской!

Димка был непреклонен.

– Была! Была сначала Ярославская! Была сформирована весной 1943 года и воевала в Ленинграде.

– Зимой блокаду сняли. Какие боевые действия? Ты это... Леш... Не надо! Не надо! Какой номер? Кто командовал?

– Номера не знаю! Командовал кто – не знаю! Четыре вагона! Четыре!

...Ярославские дымчатые кошки!

– Кто?!!

– Кошки!!! Ну и коты, конечно!

Мобилизовали их весной и сразу в бой! Прямо с колёс. Как под Москвой сибиряков! Вот!

Алёшка сидел довольный, глядя на нас и радуясь произведенному эффекту.

– Это нереально!

...Кошек мерить вагонами! Привезти – верю! Загрузить их в вагон – никогда! Вагон кошек! Да ты, Лёша, чё?.. Ты представляешь себе это? Ты видел когда-нибудь фотографию человека с двумя кошками на руках? То-то!! А тут в одном вагоне коты и кошки!.. Весной! Брехня! Нет!

Это понятно, блокада, своих кошек нет, крысы свирепствуют, для них весна – тоже весна! Нет! Брехня!

Теперь уже Димка подыгрывал Лешке, желая узнать подробности, и, откинувшись на спинку кресла, ждал продолжения.

– Так вот! Дед тогда работал в комсомоле! По ранению его демобилизовали. Вызывают в обком. Ставят задачу. Так, мол, и так – надо сформировать ополчение из сибирских кошек и котов на подмогу ленинградским. Те не справляются, терпят поражение за поражением в яростной битве с крысами.

И хотя ленинградские кошки стали применять коллективные тактические приёмы борьбы с ними, что, безусловно, дало свои результаты, но численное превосходство противника – есть численное превосходство противника!..

А ленинградские кошки быстро освоили все методы охоты, которые используют волки. Быстро! Сами! Сообразительные оказались!

Настоящую коллективную войну крысам устроили! Это вроде как, кошки-то, в знак благодарности ленинградцам за то, что тогда высоко в городе кошки ценились людьми.

...Ну дед – и ни в какую! Молодой был! Говорит: «На смех поднимут!» А ему – так с прищуром: «А ты хочешь, чтоб этим делом кошачьим обком партии занимался?» Дед притих!

...Как? С какого конца за дело браться? Куда их девать? Чем кормить? Сколько их надо? Он – к специалистам! К ветеринарам. Те плечами пожимают. Он – к ученым в институт!

Попался там ему один профессор!.. Начал: «Это вопрос непростой! В Ленинграде, возможно, мы столкнулись с проявлением инбридинга. Ярославские кошки все уже родственники! Им нужна новая линия! Тут надо сначала изучить процесс! Может быть, тут надо объявлять мобилизацию либо

одних котов, либо одних кошек! Либо надо согласовывать действия с другими регионами!

И понёс... и понёс! А дед – фронтовик! Приказ есть приказ!

... Выделили деду вагон! Вот в этом вагоне он с ними и ехал до Ленинграда! Зелёный свет был. Вместе со снарядами ехал! А ты говоришь – «не армия»!

Говорил, что вагоны как специально для кошек построены. Там тамбуры. Вот по одной и загружали. Через тамбур. Уж не знаю, кто потом в этом вагоне ездил! Видимо, попахивал вагончик-то?

Но привёз! То ли 200?!.. То ли 300 их было, кошек-то! А первым загрузили кота – его звали Амур! Вы-то вот с востока едете. Я и вспомнил!

... Ну вот! Вагон-то пришел, а его встречают! Встречают! Народ стоит, ждёт! Все спасибо говорят! А как теперь выгружать? Люди-то хотят в руки кошку взять да домой нести!

Через туалет!..

Вот дед всех кошек через окно в туалете и из рук в руки передал! А документы?.. Чуть деда не засудили! И принял без документов, и отдал без документов! От кого взял, кому отдал – не ведомо! А теперь уже никто не знает! Не осталось никаких документов-то!

... Представили деда к медали «За отвагу»! Да!.. А дед ни в какую! «Да вы что?! Да меня девки в Тюмени близко к себе не подпустят! «За отвагу» – за кошек. Не надо!

...А все-таки наградили! Дед за кошек получил «За боевые заслуги». Вот там-то он и узнал, что были кошки ещё и из Иркутска и Омска.

Прав был этот профессор-то очкарик! Кто-то всё-таки подумал о том, что кошки должны быть из разных мест!

Так что в ленинградских кошках кровь наша сибирская. А может, и до Дальнего Востока! Первого-то кота недаром кликали Амуром! А может, и не поэтому! Может, был до любви охоч? Тоже неплохо!

... А от народа-то не скроешь! Так деда и окрестили – «кошачий генерал»! Батяка был «сын генерала», а я, значит, «внук генерала»!

Алёшка сидел довольный, наблюдая за нашими лицами.

... – Вот ведь как! Вся страна воевала!

А ведь точно! Так фашистов и называли – «серые крысы»! Вот ведь! Вот заложено в нас, сибиряках это – не терпим мы

крысятничества всякого! Все у нас его не терпят! И люди и кошки! И всегда на выручку придём людям!

Димка выразительно посмотрел на стол.

– Да уж! Где, как не в Тюмени, и хвалить Сибирь?!..

За столом с сибиряками...

...Не уехать нам завтра! – подумал я.

Димка и число «Пи»

Дождь начался, как только выехали за город.

– Вот и «друг» появился, – Димка включил «дворники».

– И, правда, давно не виделись, – Володька посмотрел на меня.

– Обратного-то выберемся? – Димка имел в виду, как мы поедем обратно с охоты, – Смотрите.

Это означало, что толкать нам с Володькой, а ему – сидеть в машине.

Подъехали к самому берегу. Я пошел сразу ставить свою палатку. Настроение было, как у удава, ничего делать не хотелось, ни о чем думать – тем более. Неделя работы вымотала. Хотелось просто закрыть глаза и побыть одному только с собою.

– Может, вернемся. Надолго... – Димка, стоя у машины, посмотрел на небо.

– Без тебя дома пропылесосят, – Володька тоже ставил свою палатку.

– Давайте, мою тентом растянем, – Димка почувствовал, что ляпнул что-то не то.

...Поставили стол, стулья сели, курим, молчим, глядим на воду сквозь пелену мелкого, как пыль, дождя.

– Не будет охоты! – Димке не сиделось, – Пойду, пройдуся, может грибы где есть.

Вот что за человек! Какие, к черту, сейчас грибы?.. Сидишь – сиди! Смотришь – смотри! Так нет ведь!.. Баламут – одно слово!

– Ещё посмотри, – может где новый комплект резины есть или кто оставил... – Володька грустно смотрел на болото.

– С литыми дисками, – добавил я, глядя на Вовку.

– Резина вездеходовская, – добавил Вовка, глядя на меня.

– Широкая, – добавил я.

Димка плюнул и ушел к машине.

Тихо.

...– А это вот внезапная ... неучтенка ... можно сказать, внеплановая. Из заглавника... Дождь-то вне плана?!..

Ему можно, а нам?.. – Димка вырос из-за спины, ставя одной рукой на стол бутылку, другой – кружки, вилки, тушенку, бутылку воды и пучок лука.

– Давай мечи, – а что тут еще можно сказать?

Выпили. Сидим, смотрим, молчим.

– Ты тушенку-то не всю лопай. К грибам оставь, – Вовка посмотрел на Димку.

– Тушенка к грибам – это в самый раз, – добавил я, намекая на то, как однажды Димка нас уже накормил лет пять назад «грибницей» с тушенкой. Что тогда было? То ли гриб какой попался не тот? То ли тушенка была с браком? Но мы это блюдо запомнили надолго.

– Да идите вы... «Одной в желудке неуютно, двоим к утру там будет ...», – Димка уже не мог остановиться.

– В заглавник-то что, – только одна умещается? – Вовка смотрел на меня, говоря явно Димке.

– Какой хозяин, такой и заглавник! – я убрал пустую бутылку.

– Ага! Заглавник он на то и заглавник... А плановые будут лежать и смеяться, да? – Димка встал.

– А ты их все – в заглавник. Чтоб не «хахалились».

– Все не войдут. Одна не поместится.

– Вот и тащи её сюда. К смерти приговорим, – Вовка улыбался.

– Под трибунал её. Без обжалования, – добавил я. Дождь вроде как поутих.

– Я вот что думаю... – Димка поставил на стол две бутылки и какие-то свертки.

Сделал паузу, глядя на нашу реакцию, и продолжил: – Это ведь какое-то вредительство – выпускать в стране разную водку.

Вот раньше! Была «Московская»! По праздникам – «Столичная»! И ведь весь народ, в едином порыве, знал, что сейчас все пьют «Московскую», ну или там «Столичную» ...

А сейчас! Кто на что горазд... Кто что пьет... Нет единства в стране... Сегрегация! Разделение произошло. Нет, так сказать, общенациональной идеи! Разобщены люди-то... Разве это дело?.. Я пью одно... А ты, например, совсем другое... Разные у нас, значит, взгляды на жизнь... А это значит, что и мы разные... А как же общая идея..? Вот и нет её!

– Много ты её успел попить-то, «Московской»? По два восемьдесят семь-то? Еще скажи, по двадцать два двадцать лопал, – Вовка думал о чем-то своем.

– Я-то вот помню её. С сургучом ... Пробка была бумажная... А этикетка такая же, как и на «два восемьдесят семь»... Зеленая... – добавил он.

– И на «чекушках» такая же была. Только меньше по размеру. Те были по рубль сорок девять, – сказал я.

– А вы, кстати, знаете, что если рубль сорок девять – столько стоила чекушка 0,25 «Московской» – возвести в степень два восемьдесят семь – а столько стоила пол-литра «Московской», то получится число «пи», до чёрти какого знака точностью... – Димка убрал со стола вторую бутылку.

– До четвертого! – Вовка стал возбуждаться.

– Да-а?!.. Число «пи» – удивительное число все-таки?! – Димка вытащил Вовку на разговор.

– Ещё какое! В нём есть точка Феймана! Когда до неё дошли, думают всё, «пи» – рациональное число. Нет... Прошли её! Всё!

Оказалось, что «пи» – иррациональное число, – Вовка погрустнел.

– Как они его только высчитали? Греки-то! Веревкой, что ли, мерили... А как верёвку оцифровали?.. Чудеса!.. – Димка уже сидел рядом с Вовкой.

– Да нет! Там по-другому додумались. На коленке... Без веревок... Архимед там начудил... – Вовке было грустно.

– Да ладно!.. Чё ты..? Мало ли, по жизни всякое бывает!

...Вот иногда думаешь – рационально делаешь... А приглядишься – опять бодягу какую-то замутил...

Я вот, например, число «пи» уважаю! Пусть нерациональное, зато своё. Без него-то как?

А так – всё просто! Знаешь диаметр – знаешь, сколько по кругу бежать! Хоть за кем, хоть от кого! – услышал я, уходя спать.

Димка и литература

Дождь шел и шел.

Ладно бы – был дождь. Пелена, словно марля, закрывала деревья и болото, и берег, плавно уходя куда-то вверх.

Я лежал, выглядывая из палатки, решая, что делать. То ли поваляться еще, то ли прислушаться к организму и вылезти, размяться.

Хлопнула дверь машины – Димка тоже проснулся.

– Ты что так рано лёг вчера? Мы с Вовкой посидели... – Димка подошел, потягиваясь.

– За грибами не ходили? – вспомнил я вчерашний разговор.

– Ходили. Нет ничего, – беззлобно огрызнулся Димка, – Вовка спит. Пусть спит. Нанервничался он вчера... Вот заводится по каждому пустяку... У него дома-то как? Всё ли в порядке?

– Да как у всех. Посуда помыта, холодильник работает, розетки исправны, – пробурчал я.

– Пойдем под тент. А то бубним, Вовку разбудим, – Димка направился к тенту.

– С вами уснешь тут ... Бу-бу-бу, да бу-бу-бу... Чё не спится людям? – Вовка вылез из палатки.

– Красотища-то какая! – он потянулся и крикнул.

Мы с Димкой переглянулись.

– Удачный день. Дождь! А то ходи тут по лесу, ходи, – Вовка пошел к тенту.

– Вчера, что ли, всех приговорили к вышке? – спросил я у обоих.

– Да нет! Как ты ушел, так и всё... Посидели поговорили, погуляли, да спать. А чё?.. Ясно, что сегодня–то никуда не едем...– Димка вопросительно посмотрел на нас.

– Не едем, не едем! – Вовка разлил остатки водки по кружкам.

– Не едем! Костер реанимируем. Я картошки почищу. Супец заварганим. Чайку-то не помешает, – Димка встал, беря топор.

– А вроде как машина ночью фырчала, а? – Вовка непонятно кого спросил.

– Думаешь, еще идиоты кроме нас есть? – Димка остановился.

– Грибники. Им какая разница? Что днем, что ночью! Что а дождь, что в пургу! – вспомнил я вчерашние разговоры.

– Да пошли вы! Со мной кто пойдет или опять – двадцать пять – чья идея – тому и реализовывать? – Димка остановился.

– Да, вон подбрось сухих из-под тента... Да в машину сходи... А то нам с Сашкой самим там копать, что ли? – Вовка стал укладывать бересту и ветки в остывший костер.

– Уйдешь – и с концами... Посиди! – я успокоил Димку.

– Ага! А то на грибы нарвешься... – поддакнул Вовка.

Димка ушел к машине и вернулся с двумя или тремя сумками.

– Пусть здесь стоят. Здесь сухо. А то – «Дима туда, Дима сюда...» Нашли салагу!..

Сели. Костер стал разгораться.

– А пойдемте сушину притащим все-таки всю. Здесь недалеко, – Димке явно не хотелось одному уходить из-за стола.

– Действительно, пойдемте! Здоровая! Надолго хватит, – Вовка встал.

Сушина была действительно здоровая. С перекурами мы притащили ее к костру.

– Пойдем, пойдем к столу. Вы давайте, давайте – не зевайте, а я картошку почищу, – Димка примостился на краешке.

Посидели. Димка сходил за водой. Подвесили котелки.

– А мы с этой сушиной... – здорово. Как на узкоколейке, – Димка задумчиво смотрел вдаль.

– На какой? – Вовка развернулся к Димке.

– Так на этой... У Островского... У Николая... Тоже дождь...

Мы сидели, молчали. Каждый думал о своем, а может – об одном и том же.

– Вот чёрти-чёр получается... Что они сейчас читают... Да причем здесь гражданская... Там ведь о человеческом Духе...

Моим принесли книжку. Открыл. Медведь – не медведь...

Тигр – не тигр... Что рисовал художник?..

А помните? Мама мне читала: «Ду-ду-ду, ду-ду-ду-ду! Сидит ворон на дубу... Сидит ворон на дубу, приго –ва...а...а-ри-ва-ет...». И картинки человеческие были. И книжки большие – удобно читать. И буквы большие ...

Замолчал.

– Действительно, хрень какая-то, – думал я, вспоминая книжки Мишки и Матвея.

– Вот свои не сохранили... А надо бы... – сказал я вслух.

– У вас такая же хрень? – встрепенулся Димка.

– Хуже. Вообще нет книжек. Телек и компьютер, – Вовка встал поправить костер.

– Вот откуда они у нас такие? Ну, ладно, у других... А у нас-то откуда? Где, что не так сделали? Когда упустили? Думал – не знаю... – Димка совсем расстроился.

– Среда, Димка! Вспомни, куда у нас ушли восьмидесятые и девяностые. На одной руке – эти сопливые, на другой – родители без пенсии. И всем есть надо. Помнишь? – Вовка посмотрел на меня. Я помнил.

– Как еще в кювет не свалились. Ох, и зол я тогда был...

Как судьба уберегла? Может, от того, что в Афгане настрелялись... Чесались руки-то... Чесались! – Димка смотрел на нас с Вовкой.

– Чесались? – уже с вызовом переспросил, глядя на нас.

А что отпираться?.. Мы кивнули.

– Да, уберегли мы себя для стариков да для детей наших.

Вон, внуки у всех! – Димка опять замолчал.

– Чё читают? Вернее – почему не читают?.. Я вот «Трое в лодке не считая собаки», помню, читал. Смеюсь... Мамка подошла, говорит: « Димка, у тебя все в порядке?..»

– Не в порядке у тебя всегда было! Из института – в армию убежал... Какой порядок?.. Ветер в голове!

Повоевать хотелось... – пробурчал Вовка.

– Да ладно, закончил ведь! А об Афгане не жалею!..

– Конечно, живые-то не жалеют... – опять пробурчал Вовка.

Добавил: – Да! Переломало-то потом всех...

– Ну, тебя-то не переломало? – встрял я.

– Сломать – не сломало. А что-то внутри лопнуло, – Вовка смотрел куда-то туда, куда смотрел Димка.

– Да, ладно... – Димка развернулся к столу.

Котелки кипели уже минут десять.

– Давай! За тех, кто вернулся, кто не вернулся. Кто ждал, кто дождался. Кто потом не понятно для чего землю грыз, – Димка встал.

Постояли. Димка пошел снимать котелки.

...– Я вот и говорю. Все-таки литература имеет огромное влияние на становление личности. Особенно в период полового созревания, а так же в период формирования взглядов молодого человека, в период осознания им причастности к социуму, – Димка распрямился.

– Ау, на пароме... – Вовка помахал ладонью пред глазами Димки.

– А чё не так-то? Вот у меня, например. Помните, был роман братьев Стругацких. Там еще был один «шар», который все время смотрел, у кого волосы в ушах растут.

Как увидит, сразу гундел: «Стареешь, стареешь! Вон и волосы у тебя в ушах растут...» Так мне это тогда запало... Литература!..

Я вот до сих пор, как увижу у себя, когда бреюсь – выдергиваю.

... Блин! Так стареть не хочется!..

Димка, Серёга и крокодилы

Позвонил Димка и сказал, что вечером придет Серёга – его друг детства.

Мы же собирались на рыбалку – март, поэтому стоял вопрос, как все совместить.

Сложные переговоры между нами привели к соглашению, что Димка встретит Серёгу сам, не трогая нас, а утром забирает его с собой на лёд – там или в гараже и встретимся. Решение получилось элегантным, поскольку отпала проблема – как утром ехать на рыбалку, если вечером застолье.

Серёга – школьный друг Димки.

Раньше мы встречали его достаточно часто, но потом дела завели его в Москву, где он, «зацепившись своим крючком, прикипел навсегда». Дела его, похоже, шли неплохо, а уж как там на самом деле... кто его знает.

Отличительной особенностью Серёги было то, что ему стоило больших трудов согнать улыбку со своего лица. Улыбка была добродушная и искренняя, что удивляло любого, хоть немного знающего Серегу, но сразу же и располагало к нему.

– Серёга, тебе в Америку надо. Там ты со своей дурацкой улыбкой великим человеком будешь. Там из себя выдавливают, а у тебя она сама лезет.

Димка уже не раз говорил ему это.

– Я в Америке буду опасен для их общества. Ибо сразу увидят, что мне чужда их идеология. А раз так, я – опасен.

Так всегда отвечал Серега. За что и получил кличку – «Опасный».

В девяностых же такая кличка была полезной.

Вообще вся жизнь его была полна событиями и приключениями.

В девяностых, когда все серьёзные люди серьезно решили осваивать нарождающийся рынок, он создал в своем районе городке ТОО «Шахты Воркуты и Шпицбергена».

Вот так! Ни много ни мало. Поехал и зарегистрировал «товарищество с ограниченной ответственностью».

Он первый из нас догадался, что государство ограничило ответственность для «своих», и тут же, приняв правила игры, влился в эти ряды «своих».

Ни у одного человека не возник вопрос, «почему шахты», а тем более «Воркуты и Шпицбергена». Одна половина городка

прекрасно помнила, если не по своим воспоминаниям, то по воспоминаниям родственников, что такое Воркута, поэтому молчала. Вторая половина городка не знала, что такое Шпицберген, и молчала по этой причине.

И всех заставляло молчать слово «шахта», вселявшее ужас на генетическом уровне в каждого, кто вырос в наших местах, где болота и озёра занимают чуть ли не половину территории.

Одним словом, к осени все бывшие «топы»: «Облтоп», «Гортоп», «Райтоп» и все бывшие государственные организации, в названии которых было слово «уголь» или «торф», так или иначе, работали на ТОО «ШВШ».

А поскольку все ещё хорошо помнили сочетание букв «ВПШ» – «высшая партийная школа», то вопросов к Серёге не было, тем более, что все знали, что он – Опасный.

...Естественно, что в холода все стали топиться «воркутинским углем», отсюда и цена его была не самая низкая.

Серёга же за наличку таскал уголь из Новокузнецка, чем немало гордился, поскольку шахтёрам, которых в это время государство забыло, Серёгины деньги были очень нужны.

Потом Серёге стало тесно, и он «зацепился крючком...», но никогда не забывал дом, где родился, и всегда приезжал к родителям, хотя его батя по-другому, кроме как «супостат», его не называл.

Весна требовала, кроме решения проблем со снегом на крышах, решить еще кучу других проблем, кроме того, у его мамы был в это время день рождения, и он всегда приезжал в марте. А приехав, недели две колобродил по местам своей юности, конечно, заезжая к Димке, прицепом к которому шли мы все.

... Утром мы все встретились в гараже.

Поскольку в команде Димки и Серёги за рулем был Сашка, то было ясно, что вечер и ночь у нихудались. Да, собственно, это было видно и по их лицам, а так же по ароматам, навеваемым утренним ветерком с их стороны.

...Выезд на места рыбалки наших местных рыбаков был через мост. Слева за мостом была своротка, а уж там кто как, как у кого сложилось по жизни, туда и разбредался в поисках своей рыбацкой удачи по своим и чужим исхоженным местам.

...Вот перед этой свороткой Димкина машина и остановилась. Остановились и мы.

Утро уже разгулялось, но солнце еще не выкатилось. Остановились. За нами ещё шли, машина – две.

Вышли, подходим, спрашиваем: «Что вдруг встали, или что там случилось?..» «Укачало», – говорят, а сами смеются да на дорогу всё поглядывают, ждут, когда машины проедут, а сами вроде как на капот тряпицу расстилают, вроде как чайку попить перед рыбалкой.

...Только те машины нас объехали, они достают из своей какой-то плакат на палке, относят в сторону и в снег втыкают. Читаю: «Внимание! С целью адаптации на данной территории «Green Alligators» (кайманы обычные), выпущенных в связи с программой «Green Word», ПРЕДУПРЕЖДАЕМ, что запрещены преследование, ловля кайманов, а так же причинение какого-либо вреда особям. А так же ПРЕДУПРЕЖДАЕМ, что особи всех возрастов могут быть крайне опасны. В случае возникновения проблем звоните по тел...» – и указан телефон.

Только они воткнули этот плакат и к машине подошли, подъезжает ещё машина.

– Мужики, что там за хрень написана? Опять запретили, что ли, на лёд выезжать? – мужичок открыл окно и нас спрашивает.

– Хуже. Крокодилов выпустили. Говорят, к ним близко подходить нельзя, – Димка старался говорить спокойно, одновременно заслоня Серёгу, который уже давился от смеха.

– А ну!.. – мужик вышел из машины и стал внимательно читать объявление.

– Не, вы видели?.. Не сегодня – завтра воду начнут сбрасывать, вроде как к паводку готовиться... Рыбу погубят... Лед по берегу обломают... А эти... – он махнул в сторону плаката, – знают, что ли? Попадут где-нибудь под лед...

Задавит их к чёртовой матери... А отвечай ты... Звони им... Бегай тут за ними, выручай... Лоботрясы...

Ничего путью сделать не могут... Бардак! Кругом один бардак... Подождать не могли... Нет, давай их сразу, этих малышей непривыкших, и на снег... Лед ещё кругом... Идиоты! Кругом одни идиоты!.. Это, наверняка, нужно было деньги по первому кварталу списать... Зла не хватает! Кругом одни бездушные идиоты!!

Он резко сел в машину, что-то объясняя попутчикам.

Пока мужик крыл по чём попади порядки, я, делая вид, что занят и боясь мужика спугнуть, записал телефон.

Мы, смеясь, поехали дальше. Настроение было хорошее.

... Клёв был не очень активный, а иногда – никакой. Позвонил домой, решил позвонить и про кайманов. Вызов шел, но трубку никто не брал...

... Сразу после обеда решили ехать домой. Димка с Серёгой были навеселе. Сашка не очень. Мы – грустные. На обратном пути остановились около плаката. Плакат кто-то перенёс поближе к дороге и, судя по следам вокруг него, многих он заинтересовал. При нас около него фотографировались несколько рыбаков.

– До первого апреля достоин? Мы с Димкой всю ночь рисовали... Насмеялись... – спросил меня Серёга, кивнув головой в сторону плаката.

– А кто его знает. Народ у нас жалостливый, может, и достоин. Телефон только не отвечает... – я кивнул головой туда же.

– Трёсся, трёсся телефон-то ... – Серёга стал доставать телефон из глубины ватных штанов.

– О!.. Сорок семь неотвеченных вызовов...

...И вправду народ у нас хороший, добрый и жалостливый... – вздохнул Серёга, с удовольствием глядя на весеннее небо.

Димка, дождь и футбол

Дождь шел третьи сутки.

По словам Димки, «он переставал утром для того, чтоб могли сходить в лес, днём немного стихал, чтоб костёр мог разгореться, а мы могли согреть чай, вечером не переставал, а ночью он отдыхал».

Дождь перевёл нас на «донки», «верши» и расслабил под свое мерное гудение настолько, что мы выспались, казалось, на неделю вперед.

Поскольку большинство слов мы сказали за предыдущие годы, то говорить тоже особо не хотелось, а тем более – слушать. Новых впечатлений, хорошего улова не было, и мы, в молчании, набирались не только сил, но и лишнего веса, наверное.

Димка от нечего делать забрал у меня тетрадь, припёр стул в палатку, каким-то образом его перевязал так, что можно было полулежать-полусидеть, упираясь в него спиной.

Сидел с ручкой, что-то писал.

Вовка «на всё забил», выходил под тент, сидел там курил, смотрел на воду, изредка подымал глаза к небу, опять смотрел на воду, поправлял на шнурах висящую одежду и опять возвращался в палатку.

– Хоть не жарко! – говорил он и отворачивался от нас.
Я тоже пытался что-то карябать ручкой на бумаге. Иногда в голову приходила какая-то ленивая мысль, но у неё тоже не было сил что-либо делать в голове.
– Пойду, машины обмою. Вся грязь отмокла.
Димка, отложив тетрадь, сказав кому-то.
– А и дело! А то как через лужи в лесу обратно поедем? Грязными! – пробурчал Вовка, не поворачиваясь к нам.
– Идите к чёрту тогда! – «послал» и меня за компанию Димка.
– Дай почитать, что ты написал! – Димка толкнул меня локтем.
– «Не показывай никогда дуракам незаконченную работу», – процитировал я всем нам троим известную истину, – Иди, возьми «Атлас дорог», пофантазируй. Может, уснёшь.
– С вами уснёшь.
Димка опять взял свою тетрадь.
– А вот это: «А помнишь ли, старик Яков, как мы лихо «рубали» в гражданскую?» – «Охо –хо!» – говорил старик Яков.» Откуда? – Димка опять толкнул меня локтем.
– «Судьба барабанщика». Гайдар. Что вдруг вспомнил?
– Да, вспомнил, как такой же дождь шёл.
Мы тогда тоже в палатке сидели, а по радио, «Океан» был, передавали радиопостановку. Палатка была в раза три меньше.
Вот вспомнил.
– А когда было?
Я вдруг вспомнил, что я тоже помню эту радиопостановку, и тоже в палатке, и тоже шёл дождь.
– В семидесятых. ... Тоже, вроде, лето было. Может, сразу после выпускного, а может, уже поступил и учился.
Не помню. Вот начал писать, а вспоминается только прошлое. Вспоминал, вспоминал, а потом подумал, уж не старость ли?
И до меня все только и делали, что свою молодость вспоминали. И выскочило вот это: «Охо-хо! – говорил старик Яков».
– Слушай! А чемпионата мира по футболу не было? – я весь напрягся, ожидая ответа.
– А ведь и правда был. Мы ведь и его слушали. Был. Был. Вспомнил.
– А где вы были?
– Не помню уже. ...Так! ...Помню.
Были мы на Тургояке.
– А где там?

Сердце у меня было готово выскочить из груди.
– За Золотым пляжем. Туда дальше. Мы всегда туда ходили. Ближе – народу много. А что встрепенулся так?
– Димка, а мы с Валеркой Славновым были прямо под Липовской, справа от Веры, на самом краю залива в это время. Там ещё распадок вверх уходит. А был это конец июня в семидесятом. Был чемпионат мира по футболу. В Мексике. Тогда впервые показывали по телевизору чемпионат, а мы всё равно ушли. А финал был 21 июня. Я хорошо помню. За день до «начала войны». В финале Бразилия – Италия. Обе два раза Никой владели. Пеле первый мяч головой забил. 4:1. И Нику навсегда в Бразилию увезли. Страна чуть с ума не сошла. Только на аэродроме насмерть задавили более пятидесяти человек, а больше двух тысяч в больницы отправили.
...Да! Внеочередной карнавал устроили. Несколько дней не спали и не работали люди-то!
Я замолчал, вспоминая то время.
– Ага! Увезли навсегда!.. Спёрли вашу Нику у них второй раз – и с концами. Стоит где-нибудь в подвале у какого-нибудь «шара», крылышки сложила, – Вовка повернулся к нам.
– Да, Пеле был в ударе. 1:1 после первого тайма-то было! Развернул разговор обратно Димка.
– Ага! Это Пеле, который потом – «кофе». А до этого с четырёх метров в ворота не попал, – пробурчал Вовка, вылезая из спальника.
– Ты это... Между воротами и им ещё Бенкс был. Не пальцем деланный парняга-то был. Ты это не учитываешь, – астрепенулся Димка.
– Я учитываю, что с четырех метров и учитываю, что потом – «кофе».
– Ну, если ты такой умный, тогда учитывай и то, что пас победного гола Жаирзиньо он дал.
И не дал, а на ножку мячик-то положил. Ты потом видел такое когда-нибудь?
– И в пустые ворота промазал ваш Пеле.
– Ты это... Удар был с центрального круга.
– Да хоть «от ворот до ворот». Премазал ваш Пеле. Премазал. И вообще его вред футболу безразмерен... Угробил весь футбол ваш Пеле.
– Ты это... Чё говоришь-то? «Базар» уже не фильтруем?
Димка подскочил, а Володька сел.

– Ты сейчас смотришь футбол? Я смотрю? Ты смотришь? – Вовка посмотрел на нас, – О! После его и смотреть не хочется.

Некого смотреть! Тогда пацаны «за идею», «за страну» работали. И как работали! С поля выходили и падали!

... А за бабло... Ещё и кружочек по полю сделает. «Вот смотрите на меня, какой я красивый!» Попугай!

Мы все замолчали.

– ... Да! Могли ещё тогда познакомиться, – задумчиво сказал Димка.

– Уберег Бог-то людей. Дал лишних полтора десятка лет спокойно пожить, – Вовка опять стал забираться в спальник, – Слава Ему, что в разное время вы родились. А то до роддома бы дотрепались.

...Бу...бу...бу! Бу...бу...бу! «Старик Яков, старик Яков.» Дождь кончился, а они всё сидят.

Футболисты! Дайте пройти. А то с вами уже все кости болят. И уши тоже.

Я выглянул из палатки.

Правда, дождь кончился, светило солнце, Вовка вылез из палатки и пошел к кострищу.

Димка и Песня о Варяге

Димка зашел грустный. Молча сел в кресло напротив меня. Сидел, смотрел на меня.

– Пойду я, пожалуй, на кухню покурю, – встал и ушел.

Смотрю – долго его нет. Захожу на кухню. Сидит, облокотился на подоконник, смотрит на улицу. Молчит.

– Димк, случилось что? Или просто – весна?

– А хрен его знает!.. Дома всё нормально. С утра разлетелись все, кто куда.

...Мне кажется, еще ночью что-то накатило. Что-то накатило... Думал – сердце. Прислушался – нет. Пошел на улицу. Вот до тебя дошел. Что-то не так! А что?

...Всякая хрень в голову лезет. Возится там, возится. Слюнями всё измажет, истопчет, а не успокаивается. У тебя так бывает?

– Бывает. Раньше – чаще. Ребятишки малые были. За них еще тягу нёсешь. Сейчас, вроде, пореже. Но тоже бывает.

– И чё делаешь?

– К тебе иду!

– Давно не был.

Мы посмеялись.

– А ты знаешь, – Димка оживился, – ... песню о «Варяге» немец написал! Вернее, австриец. Её сначала в Австрии и Германии пели. Потом девчонка какая-то на русский перевела. Чудно!

...А я вот сегодня с утра телевизор щёлкал, на индийский канал наткнулся. Поют. Танцуют. Ты знаешь, вроде нормально поют. Раньше как-то не замечал. А тут – сел, послушал. Нормально.

Взял достал старые пластинки. Нашел Русланову. Сидел – слушал. Дома-то никого нет.

...А ещё!.. В Японии есть русский народный хор. Что-то у них там с языком. Какие-то закавыки. Может, и название как-то по-другому, а на наш так переводится. «Русский народный». Чудно!

Ты вникни, не «японский хор, исполняющий русские народные песни», не «хор русской народной песни», а «русский народный хор». А ведь правильнее – «Японский русский народный хор». А?..

А если с ихнего перевести – «Русский народный хор». Молодцы. И поют хорошо!..

... Да и «Варяг» они не затопили. Дали до порта дойти.

А теперь вот беда какая у них! Чё уж их-то трясти-то? Итак им тесно.

...А помнишь, мы на 23 февраля в тайге парад устроили? Я ещё его, как на мавзолее, у вас с Вовкой принимал. А вы с ружьями наперевес кругами ходили. Тогда «Варяг» пели.

– Это было на 7 ноября! «Варяг» не пели! Орали: «Прощание славянки», потом «Не плачь, девчонка», потом «Вы слышали, как поют дрозды?» Потом ты не выдержал и к нам спустился.

Чё-то ведь ещё пели? – сказал я.

– Точно! Вспомнил! Потом мы втроем ходили сначала «повзводно», а потом, вроде, дошли до полка.

«К торжественному маршу! Повзводно! Равнение на знамя! Марш!»

...«Этот день Победы» и «Наш ротный старшина имеет ордена...», – вот ещё что орали, – Димка сидел и улыбался, – Да!.. Точно! Мы тогда на чернотроп поехали. Вроде уже на демонстрации не гоняли? Не помню!

Он опять притих.

– ...А, вот! Что ещё я хотел-то сказать!

Что-то я подумал... – не дело нам на охоту-то сейчас ехать.

Представляешь, они домой летят, а мы тут в засаде, как душманы. Как-то некрасиво! Считаю, гвардия домой возвращается. Сколько там, на чужбине-то, всякого у них было! Они – домой, а мы их – «троечкой». Племенные ведь все. Сильные. Сколько выдержали. Туда, обратно. Им же ещё рожать.

... А мы тут их – «влёт». Что-то тут не так. Домой ведь летят... Они то...

...Горит опять. Тайга горит. Зверью-то плодиться надо, а тут – жизнь спасай... И мы, идиоты, ещё в засаде!.. – Димка опять замолк.

– Ну вот! Совсем ты расклеился, – я протянул ему сигареты.

– Нет! Я серьёзно! В этом году стрелять не буду. Может, даже ружье возьму, а стрелять не буду.

...Они домой летят, а я тут!.. Не буду. Может, вообще больше стрелять не буду никогда. Может, никогда не буду.

Я вот и зашёл вам с Вовкой сказать. А то – потом начнёте!.. Знаю я вас!

А у Вовки-то как дела? А ну, набери мне его!

Я протянул телефон Димке.

– Володь, привет! ... Да вот собрались, сидим. ...Телевизор смотрим. ...А я не знаю.

...Когда твои придут? – Димка повернулся ко мне, прикрыв телефон рукой.

– Какая разница. Пацаны?.. Кто их знает? В шесть, в седьмом... остальные-то, – сказал я, прислушиваясь к разговору Димки и Вовки.

– Говорит, до семи никого не будет. ...Да нет, ничего не собираемся. ...Ага! ...Ага! ...Ну, сам смотри! ...Ага! ...Ага! ...Конечно, дождёмся. ...Не знаю... Ну, возьми буханку. ...Смотри сам! ...Ага! ...Давай! Ждём! – Димка, улыбаясь, как на дне рождения, вернул мне телефон.

– Вовка подъедет. Говорит, дело у него. «Дождитесь», – говорит. Я сказал – дождёмся, – Димка смотрел на меня в упор.

...«Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не жела ...а...ет!

...Наверх вы, товарищи, все по местам!.. Готовьтесь к бою!.. Орудия в ряд!.. Ы... ы... ы. Гвардейский на гафеле плещется флаг, застыли на старте раке-е-е-ты...»

... Слушай, а у тебя в доме хлеб есть? Вовка сказал, что купит по дороге. Ты бы хоть включил телевизор. А то сидим тут... –

Димка повеселел, хитро посмотрел на меня, потирая руки.

Димка и Ю. Шевчук

- Димка пропал.
- Где отец? – звоню его сыну Сашке.
 - А я знаю? Вы, что ли, кому чего когда говорите? Я думал, с вами где-то ...
 - А сколько нет-то его?
 - А я знаю? Дня четыре, наверное.
 - Саша! А может, он умер где? Как это – «не знаю»?
 - Так ты же, дядя Саша, тоже не знаешь!
 - Действительно – я тоже не знал.
 - Димка где? Не знаешь?.. – звоню Володьке.
 - Я ему звонил позавчера. «Недоступен...» Подумал... Да мало ли чё... – Вовка был явно спросонья.
 - Ну, и что делать? Сашка говорит – нет уже четыре дня... Примерно. Где его черти носят? Давай увидимся. Ты будь дома – я сейчас приеду, – я стал одеваться.
 - Дядя Саша, что случилось? – Машка открыла мне дверь сразу.
 - С чего взяла?
 - Да... Папка с утра начал ... «Ходите тут... ходите ...» Что случилось-то?
 - Сами не знаем. Иди к себе.
 - ...Вовка сидел на кухне, пил кофе.
 - Во дурак! Нет... Ты понял? И никому нет дела!.. Во жись... Я ему звонил позавчера. «Недоступен»! Кофе будешь? – Вовка стал наливать мне кофе.
 - Раздался звонок. Звонил Сашка.
 - И чё? – я старался быть спокойным.
 - Дядя Саша! Я посмотрел – «Нива» в гараже, а джипа нет. Нет ружья, палатки, удочек и что-то еще... Но чего – я пока не понял, – голос у Сашки был тревожный, – Понял! Дядя Саша! Флага нет...
 - Флага какого-то нет! – смотрю на Вовку.
 - Какого флага? – говорю Сашке.
 - А в большом гараже был на стене. ВДВ...
 - Какой флаг, Сашка?.. Это знамя...
 - Знамя с собой взял. Наше... С БТРа ... – я смотрел на Вовку.
 - Ну, держись, страна родная ... – Вовка встал.

– Звони Олегу, – Вовка мотнул головой в сторону моего телефона.

...– Олег. Привет. Как там у тебя жизнь молодая? В порядке... Да, дело тут...

Ты не мог бы своих бойцов озадачить? Пусть по сводкам пошарят – не засветился ли где джип Димкин? Дня за четыре-пять пусть посмотрят... Ладно? И мне сразу перезвони... Хорошо?

– Вовк, номер на джипе у Димки какой? – я смотрел на Димку.

– О Господи! Я свой-то не помню толком... Сколько их было, – Вовка удивленно смотрел на меня.

– Олег. Номера не помним. Посмотри по картотеке сам. Отчество... Александрович. Да... Дмитрий Александрович! Ну, пока. Жду, – я отключил телефон.

– Во дурак... – Вовка опять разлил кофе.

...Позвонил Олег, сказал, что по его сводкам и сводкам МВД нигде не проходит ни Димка, ни его джип.

– Убью! – Вовка опять принялся за кофе.

– Дядя Саша! Вы бы вон мяса поели. Бутербродов. Что на кофе-то подсели? – Машка стояла в дверях.

– Конечно! А мы не знаем, что нам есть!.. Если не скажут, так и будем голодать...

Ходят тут... Ходят... Иди, Маша... Иди... От греха. И дверь закрой. А то дыма натянет в комнату ... Иди. А? – Вовка встал и закрыл дверь.

– Какие мысли посетили? – я взял печенье, – Машка пекла?

– Ага... пекла!.. А может, и нет... Может, купила! ...Да никаких... Может, у наших у кого? – Вовка выжидательно смотрел на меня.

– Исключено! Из наших?.. Нет! Уже бы нам позвонили... Пусть втихаря, но позвонили бы... Что-то не так...

– А он ничего такого не говорил? – Вовка опять стал наливать кофе.

– Вроде нет! Всё как всегда! Говорил – плечо опять болеть стало... Больше ничего вроде, – я пытался вспомнить все последние разговоры с Димкой.

Зазвонил телефон. Сашка опять повторил сказанное ранее.

Все точно. В этом не приходилось сомневаться. Один. С карабином. С палаткой. Со знаменем. Могло быть все что угодно.

– По телеку там ничего не было? – Вовка читал мои мысли.

– Уже бы знали!

– Убью! Вернётся – убью!

Правда, может, колбасы нарезать? Будешь? – Вовка достал из холодильника колбасу и какое-то мясо.

– Пап! Звонит кто-то, – Маша принесла трещащий телефон.

Вовка посмотрел на экран.

– Сам говори... Я не буду... Димка!

Я взял телефон.

– Привет, Димка. Вовки нет. Машка в гараж послала за картошкой. Жду его. Ничего не собираемся... Маша вот кофею угощает... Всё нормально... Нет! Я на машине... Ага! Отгонит он?.. Ну, смотри... Да нет, ничего не планировали... Ну, сам смотри... А чё Вовка?.. Машка дома. Ну, смотри сам...

Говорит, сейчас подъедет, – говорю Вовке.

– Во дурак... Ну, скажи, дурак ведь?.. – Вовка подвинулся ближе.

– Скоро узнаем! – мне почему-то не хотелось разговаривать.

– Машк! Ты куда не собираешься? А то сейчас дядя Дима приедет. Мы говорить будем, – крикнул Вовка в комнату.

Маша зашла на кухню:

– Нет... Никуда не собираюсь... Все в холодильнике... Нужна буду – кричите. Как в лесу... На весь дом... Пусть все знают, что у нас гости!..

– О, зануда! В мать... В свою мать!.. – Вовка засмеялся.

– Ольга-то где? – мне тоже стало смешно.

– У тётки. С утра уехала. До вечера не будет, – Вовка дёрнул подбородком вверх.

Слышим – позвонили в дверь. Маша открыла. Зашел Димка.

– А чё сидим с утра?.. Планы какие?.. Здорово всем! О, бутерброды... А кофе есть? – Димка сел за стол.

– Вот мимо ехал... Позвонил тебе – «вне зоны». Думали, может, на болота выбраться. Холодно... Жор у щуки-то, – я говорил и смотрел на Вовку.

– Слушай! Дай я картошку почищу. Вот тут у меня... – Димка стал выставлять из пакета еду на стол, – Вот! Тушенка и лук!.. Заварганим?..

Вовка резко встал и ушел в большую комнату.

– Чтой-то он?.. Случилось чё? – Димка сделал настороженные глаза.

– Ты покой знамя-то с собой взял... Баламут! – я смотрел прямо на Димку.

– Хватились, значит!..

Я так-то вчера планировал вернуться... Так бы все и было шито-крыто... Да вот смотри... – Димка протянул телефон.

На экранчике был задний правый диск димкиного джипа с одной согнутой шпилькой.

– И это где ты так? – я вернул телефон Димке.

– Что там? Нет картошки. Идти надо, – Вовка перехватил телефон.

– Ну не дурак ли?.. А?.. – Вовка вернул телефон Димке, – Где так идиотов учат?

Вовка сел за стол.

– Под Чусовым!

– А как они, идиоты, там оказались? – я посмотрел на Вовку, призывая его к поддержке.

– Так я сначала на ту сторону... Потом на север... Потом от Кунгура туда в горы... Потом по горам... Потом через Чусовой на нашу сторону... И тут спустился, – Димка смотрел то на нас, то на стол.

– А нас что не взял? – я смотрел на Димку испепеляющим взглядом.

– Так я по горам же... Всем троим-то как? Не дело. Мало ли что?.. Горы...

Надоело что-то – всё ... Вот и поехал!..

Мы сидели, молчали.

– А это... Где? – Вовка постучал пальцем по Димкиному телефону.

– Да это... Это почти перед Чусовым... Хорошо, что колесо нашел... Далеко улетело. Еле нашел... Потом еле втащил... Ехал, смотрю – впереди меня колесо... Пригляделся – моё...

...Ну, там повертело немного... Встречных не было... Нормально все... – Димка крутил в руках телефон.

– По кой оно оторвалось-то? А справа от дороги что? – не унимался я.

– А хрен его знает! Оторвалось. Может, в горах расштал. Я ведь еще и по целине поездил. Потом в наклонку. Камни.

Справа? Да там... А что там справа?.. Речка там!.. Внизу!

– Во-во!.. Внизу. Знаю я там дороги! – продолжил я.

– А по кой карабин с собой брал? – я не мог успокоиться.

– Карабин? Выспаться хотел. Что-то последнее время плохо спал. Подумал – поеду, выплюсь, – Димка крутил в руках телефон, – Да ладно вас! Проехали.

– Ну, и как ты? Шпильки с собой, что ли, были? – перебил Вовка.

– Нет! Парень – дальнобой молодой помог. Болты у него там всякие были. Прилепили кое-как. Почти вдвоем и справились. Три часа возились. Он остановился, говорит: «Ты чё, дед, тут делаешь в таком непотребном виде...». Потом ещё ребята остановились... Сделали!

– А ты хоть лебедку с собой брал? – перебил его я.

– Да! Лебедки обе брал. И тросы брал. Обе бухты. Горы ведь! В горах пользовал их. Там тоже... Покатилась было раз. Остановилась потом. А так на всякий случай взял. А пригодились. Знал, что спросите!

– Ну, и что дальше? – Вовка перебил нас.

– Ну, что? Сделали. Они за мной ехали. Тихонько ехали. Доехал до Чусового. Там купил шпильки – сделал все. Сам! Не стал доверять, – Димка гордо посмотрел на нас.

– Диску-то кранты?.. Стер небось? – я опять смотрел на Димку.

– Диску – кранты! Стер! Менять надо! Пока крутило там... да и протащило нехило... Заменяю! – Димка замолчал.

...– А ребята – молодцы. Молодые, а молодцы! Правильные! И музыка у них правильная. Пока делали, они включили... Высоккий там... Сукачев... Наши все!.. Этот еще... этот, как его?.. Помните – «Осень, ты на жизнь мою похожа, осень! Не люблю тебя, но все же... Будет осень до зимы», – пробурчал Димка.

Потом помолчал.

– Вообще-то, вроде, не это?.. Вроде, там по-другому?

Ну, там, помните?.. Осень ... Листья уже все облетели. Только на дубах остались... В лесу тихо, сухо... Кто-то разжег костер... Дым низко так стелется... листья ещё сырые, и в овраг стекает... Вечер, но светло... Солнце низко-низко... За деревьями его не видно ... И тихо!..

...Шевчук – вот кто! Юрий Шевчук!.. Да вы тоже его знаете!..

Димка и Архангельский кокошник

– Ты дома? Я сейчас буду, – в трубке раздались гудки. Звонил Димка.

– Пригвоздил к месту, чтоб не сдвинулся, и сразу отключил телефон, – подумал я, в душе радуясь тому, что он вернулся из своего путешествия куда-то на Кировские озера.

– ... Вот! – вместо положенного «как дела» он положил какие-то фотографии на стол, как только влетел на кухню.

– Домик, – я посмотрел на него недоуменно.

– Баня! – Димка смотрел на меня.

– И что? – я посмотрел на Димку.

– И что?.. Вглядиесь! – выражение его лица осталось неизменным.

Я взял и стал разглядывать фотографии.

– Что-то есть необычное, а что – не знаю, – наконец признался я в том, что ничего из того, что он хочет от меня, я не знаю и вопроса его не понимаю.

– Фронтон! Фронтон не вертикально. Стена вертикально, а фронтон не вертикально! По коньку вперед выставлен на метра полтора, – Димка почему-то выглядел довольным.

– Ну и что? – мне яснее не становилось.

Димка поднял руку и резко бросил её вниз.

– Да и хрен с тобой! Дай кофе, – он сел за стол.

– Возьми сам. Забыл, где оно? – я остался сидеть на месте.

– Съездим к Зосиме? А? – Димка застыл у плиты с чайником.

...Зосима Петрович был из редкого вида людей, которые рождаются, уже умея всё.

– Когда я родился, то в одной руке у меня был топор, а в другой – стамеска, чем немало удивил болельщиков при родах, – говорил он иногда с усмешкой, – поэтому не старайтесь повторить то, как и что делаю я, но стремитесь к этому, недостижимому для вас.

...– Давай съездим, тем более что давно у него не были. Только что за беда-то? – я отхлебнул кофе, поставленное мне Димкой.

– Понимаешь, я там остановился, ну, мы остановились у одного мужичка. Мужичок, как мужичок. То да сё, к вечеру банька, потом после баньки сидим, я и обратил внимание, что банька-то какая-то не такая. Я его спросил, а он говорит: «Архангельский кокошник это!» Я ему: «Ну, и чё?» А он так, знаешь, руку поднял и так её резко вниз бросил. И всё! Как отрезало! Я уж и так, и этак, – молчит!

Потом говорит: «Поздно тебе, парень, об этом голову ломать уже! Я к «кокошнику» сорок пять лет шел. А ты вот так сразу захотел? Поздно, парень, твой паровоз уже ушел».

Обидел он меня.

Приехал сегодня, перерыл весь Интернет, – нет ни слова про этот «кокошник». Представляешь, в Интернете – и нет! Ни слова, ни полслова. Может, как-то по-другому назвали, но я и картинки все пересмотрел – нет.

И вспомнил я, что он, этот мужичок-то, как-то так, вроде как мимоходом, вроде, как и не мне, перед отъездом говорит: «Пожалуй, на тысяч пять верст-то в округе нет второго «кокошника». Архангельского».

А я – так, вроде, как и не ему: «А почему?»

А он – вроде, как и не мне: «Чтоб «архангельский кокошник» ставить, надо быть либо очень счастливым, либо очень глупым человеком. Хотя, по сути, это одно и то же». И опять, ты знаешь, вот так рукой сверху вниз.

Димка сделал брезгливое выражение лица и посмотрел на свою руку, как будто намереваясь что-то на ней увидеть.

– Вот! Давай до Зосимы мотнемся, а?

– Давай Вовке позвоним, заберём его да поедем все. А то как-то не по-людски без него. Ты когда приехал-то?

– Когда, когда. Какая разница. Говорю тебе – Интернет шерудил.

...Когда мы приехали к Зосиме Петровичу, он пил чай.

Можно представить всё, но представить Засиму, как мы его называли за глаза, без заварного чайничка напротив, невозможно.

Обрадованный нашему приезду, он обнюхал привезенные нами пакетики с коллекционным чаем, молча, отложил их в сторону и потащил нас в комнату.

– Чайку, чайку сейчас сганашим, как без чайка-то, гости, чай... непрошенные, неожиданные, за тыщи верст спешащие, бегущие и падающие, – намекнул нам на редкие посещения его, хотя до его дома от нас было не так уж и далеко, по нашим меркам.

– Ночевать, или как... будете? – он семенил от нас на кухню и обратно, то с какими-то вазочками, то с какими-то плетенками, в которых были все мыслимые и немыслимые разносолы к чаю.

После долгих разговоров о новостях и «как жизнь и здоровье» очередь дошла до Димки.

Димка достал фотографии и, молча, положил их на стол перед Зосимой.

Тот приближал то одну, то другую к носу, потом положил на стол и, молча, пошел за очками. Взял фотографии и подозрительно долго разглядывая, он всё-таки закончил их изучение и аккуратно вернул и на стол.

– Да! «Архангельский кокошник!» – произнес он и замолчал.
Молчали и мы, боясь что-то сказать не так или не о том.

– Многие знают, как сделать, ещё больше хотели бы иметь его, но только единицы видели. А уж сделать?!.. А скоро уже и желающих не будет. Не знают – не ведают, не свербит! Сначала понятия нет, а потом времени, а потом сил, а потом ... – Зосима загрустил.

Мы боялись нарушить его молчание.

– Вот так и проходит жизнь! Откладываешь на потом, а оказывается – навсегда! – кому-то сказал он, глядя поверх наших голов.

– А что тут такого? А, Зосима Петрович? – Димка подвинулся и почти лег на стол грудью.

– Если не видишь – уже не увидишь!

Опоздал ты на свой поезд, парень! Кокошника, наверное, на тыщ десять в округе уже нигде не стоит, кроме этого. Да и видели-то его ты да я, да мы с тобой! А другие, может, и видели, да мимо прошли, не увидели.

...Вот я не сподобился за свою жизнь поставить. А ведь как хотел! Хотел. Думал: «А ну, как кокошник поставлю!»

...Не сделал. А вот кто-то смог. Выкроил из жизни кусок. Смог! И денег-то особых не надо. Желание надо, а Бог время бы дал! А я замотался вот! Да! Думать – думал, а сделать не – сделал.

– Ну, уж десять тысяч! – выдал из себя Димка. Это же ... это же туда ...туда... Это что, вообще, может один, что ли, на Земле?

– Может, и один! – Засима сидел и крутил кружку с чаем.

– Да я на следующий год такой же сделаю у себя на даче, – Димка встал и пошел нарезать круги вокруг стола.

– Многие так думали! Только вот...

Да и непросто всё. Ты видишь, он конек сдвинул в бок немного, венцы верхние под крышу скрыл. Трубу кругом где-то под полом пустил, чтоб у ребятишек ладошки на ногах не мерзли, у бани-то трубы нет – посмеялся над людьми-то, посмеялся... Мастер!

Тут ещё голова и руки нужны будут, а не только судьба, – Зосима метнул взгляд на фотографии.

– Да вы что, все взбеленились, что ли? Что тут такого, в самом деле? Димка не на шутку рассердился и тоже посмотрел на фотографии.

– Да вроде и ничего нет тут такого, что человек не может, только... – Зосима Петрович встал, грустно обвёл нас глазами, поднял руку и резко бросил её вниз, – Судьба нужна такая!

Он сел, взял кружку, наклонился над ней, обняв её ладонями.

Димка и его предпоследнее школьное сочинение

Зашел Димка: – Весна! Скоро выпускные! Счастливые!.. Вот вспомнил про последнее своё сочинение в школе. Если считать на экзамене, то предпоследнее. Знаешь, как было?..

...Тогда Елена Ивановна Кропотова прошла в класс и сказала, что сегодня будет сочинение на свободную тему.

Оглядев нас, пройдя к окну, потом к столу, она сказала, что «ввиду сложности задания, на сочинение отводится четыре часа».

Удовлетворенно посмотрев на нас, она добавила, что «это не издевательство, а обычная проверка нас на точность и правильность мировоззрения, на готовность принимать решение, на способность жить людьми с людьми после школы».

– Вы можете пользоваться любой литературой, любыми словарями, вставать, ходить, выходить на улицу, общаться между собой, спрашивать друг друга, учителей всех о чём угодно, но не меня...

Елена Ивановна села, глядя на наши довольные лица.

– Ваши довольные лица подсказывают мне, что перед экзаменами вы все завалите сочинение, а некоторые не получат в аттестате то, на что они рассчитывали! – её взгляд прошелся по Верке Гриненко, Люське Петровой и остановился на мне.

– Итак! Все вы взрослые и готовы принимать решения. А некоторые готовы уже осудить не только Наташу Ростову... – тут её взгляд остановился на мне, минуя Верку, – Поэтому вместо того, чтоб высказывать поддержку Андрею Болконскому непосредственно на страницах библиотечного второго тома «Войны и мира», почерком, знакомым мне, у вас есть возможность изложить своё внутреннее содержание и видение неправоты автора непосредственно на листочках со штампом нашей школы.

Кому не хватит листочков – вот на столе можете брать.

На этот раз она сначала посмотрела на Верку, а только потом на меня.

– Тема сочинения проста, как... Среди нас есть люди, которые считают, что самыми простыми вещами являются молоток и колесо, так что тема проста так же...

Елена Ивановна процитировала меня, и мне показалось, что в её глазах зажглось что-то зелёное.

– Тема сочинения...

Меня просто обдало зелёным светом.

– ... Тема сочинения «Я бы написал так...»

Елена Ивановна посмотрела на меня, и я понял, как смотрит гладиатор на лежащего у его ног противника.

– Вы берете эпизод из любого литературного произведения, известного вам, и переписываете его по своему усмотрению.

То, что потом придётся переписывать автору всё произведение, не должно вас смущать. Берёте эпизод и переписываете его так, как считаете нужным.

...Вопросы есть?

Мы притихли.

...Я понял, что я могу оставить Катерину живой. Островский мне вообще никогда не нравился. Играет на нервах человека!

Опять же было жалко Остапа Бендера. Эти дураки – румынские пограничники ...

Монморанси!.. Несправедливо к нему относились!

... Елена Ивановна встала и осмотрела нас.

– Если вам не хватит времени, я добавлю вам ещё два часа.

... И ушла!

Нет! В дверях она сказала: «Вперёд!»

...Я не помню, кто что делал. Помню, что решил – перепису письмо Евгения к Татьяне. Опять же было жалко Базарова!

Я оглядел класс. Все смотрели на потолок. Посмотрел и я. Его я уже видел.

Убрать серебряную пепельницу со стола в «Отцы и дети»?!.. Как-то мелко!

«Добавить в «Гренаду» пару четверостиший?!..

Герасима развернуть от речки?!..

Эта Наташа!.. Столько мужиков сменила!.. В каком месте исправить?..

На балу?! Или убрать тот вечер, где Соня кудахчет у окна? В каком месте?!

И как Андрей не мог понравиться?! Полковник! Батяка у него – кремень! Элен... закопать?! Ведь испортила Пьеру всю жизнь! Почему испортила? Может Человека сделала из «пельменя»!

...Я сидел и перебирал всех, кого знал. Было так одиноко.

Вспомнил «В глубине обороны» Абрамова. Её изъяли тогда из библиотеки. Там Финская война, что изменишь?.. Серпилина вспомнил. Тоже ... что там изменишь?

«Чайку»! «Чайку» перепишу! Вот! Не дело так быть одинокой! Перебрал всех, кто рядом с ней – нет, уж пусть будет как есть!

...– Пойдём! – Витька Выюнов стоял рядом. – Я сдал! А что там ... писать-то?!

– А ты про что написал?

– Про Крылова. Помнишь, там Лебедь, Рак и Щука?..

– Помню!

– Ну, я и написал... Не помню уж, подожди...

Витька пошел к столу. Вернулся со своим сочинением.

– О! ... «Когда Ворона-дура сидела на дубу

Ей каркнул Рак: – Командуй...

А то не вытащим возяку никогда...

Ворона гаркнула: «Сейчас!»

Лиса-плутовка воз не помогла тащить,

Хотя нажралась сыру!»

Витька посмотрел на меня.

Я смотрел на Витьку.

– Я хотел добавить, что перед ними была земляничная поляна. Но это слишком! Елена не поймёт! Битлы для неё, наверное, лес зеленый! Темнота! Детское мыло!

...Витька был «гитара-соло» в клубном ансамбле. И играли они в форме, оставшейся от съёмок «Войны и мира», и назывались «Гусары». Была бы другая форма – назывались бы по-другому.

– Ты про что написал? – переспросил я, ничего не поняв в Витькиной писанине.

– А кто его знает?! Никогда не понимал, чё они за телегу схватились? Хотел мартышку вставить!.. Много будет!

...К старости зрение падает, чтоб себя в зеркале не видеть! ...Пойдём! Что тут сидеть?! Не в рифму?!.. Так никто и не требовал!

Мы пошли.

Сашка Жаравин и Вовка Клятвин встали и пошли с нами. Пошли к котельной.

– Елена! Придумала!.. Сразу и не решишь! – Сашка достал сигареты «ТУ-134».

– Ты что писал? – Вова достал сигареты «Варна», глядя на меня. Мы стояли, курили, болтали! О чём-то смеялись! Потом

Сашка пошел к углу, отвернулся от нас, а Вовка громко в никуда сказал: «Здравствуйте, Галина Ивановна!»

Галина Ивановна Новак была наша классная.

Сашка орал: «Убью!», в качестве аргумента показывая сырые штаны-клёш с широким поясом и двумя карманами-полосками, по низу с латунным блеском от вшитой молнии, которые ему сшил Витька Вьюнов.

... Хотите – верьте, хотите – нет!

Я тогда написал: «Подбежала мышка! Тянут-потянут! Так и не вытянули репку. Посмотрел дед на всех и говорит: «Пойдёмте-ка домой, ребята!»

И всё! На одном листочке сверху всё уместилось!

Где этих родителей мотает по миру, когда за работой только старый да малый?!..

...Димка замолчал.

...– И где наша «земляничная поляна»?.. Где Витькина гитара?.. Где все?.. Как они?..

Димка и Юрий-русофил

Занесла нас судьба на озера под Тверью.

Димка с Вовкой выбросили меня, удочки, палатку на берегу какого-то озера, а сами поехали в поисках мало-мальского прибежища на дня два-три.

Рыбалка – это странное дело. Бывают люди, которые не умеют петь, но любят. Бывают, не умеют сочинять стихи, но тянет их на это дело. По себе знаю.

А вот рыбалка – если ты не любишь её, то тебя не загонишь никакими коврижками к воде, в дождь или там – на снег и лед в мороз.

Опять же рыбалка!.. Это ведь целый комплекс мероприятий, которые никак не связаны между собой, но все они так или иначе имеют место быть при этом таинстве.

Конечно, со стороны – просто времяпрепровождение, или более точно – убийство времени. Такое мнение усиливается, если нет рыбы. Если есть, то мероприятие пахнет меркантильностью.

Однако рыбалка – единственное место, где ты можешь ничего не делать, и никто, даже изощренный придира, не скажет, что ты ничего не делаешь. Ты можешь просто тупо сидеть и так же тупо глядеть на воду и ни одна душа в мире не скажет тебе, что ты ничего не делаешь.

...По большому счету, можно вообще не привязывать крючок. Забросил и сиди, смотри на воду, слушай костер за спиной, разглядывай берег. Никто ничего не скажет. Попробуй так посидеть где-нибудь в другом месте?!.. Вот, то-то и оно!

...Подшел к берегу. Смотрю – лодки привязаны. Чужое имущество, не дело тут – рядом ошиваться, пошел по берегу. Смотрю – у берега рогатки в воде стоят. Раз люди здесь ловили, то и мне не за позор. Перебрался поближе, удочку достал, кроссовки снял – сапоги надел. Медленно так готовлюсь.

– Здесь Вы ничего не поймаете.

Мужичок стоит. Тоже с удочками. На меня смотрит. Разглядывает.

– Ловили же...

Показываю на рогатки.

– На ночь донки ставят ребятишки, – стоит не уходит, – в наших краях-то как?.. Случайно или цель какая?

– Случайно. Решили отдохнуть дня два. Места хорошие... Может рыбу половить.

– А где те, кто «ли»? Одного вижу. Попрятались, что ли?

– Дальше поехали. Сказали, там турбаза есть. Поехали, посмотрят, что да как. Потом либо здесь переночуем, либо там. В дороге мы. Помыться хотелось. Нет – так нет. Дальше завтра поедem.

Я махнул неопределенно рукой в сторону, откуда мы приехали.

– Не поймаете тут ничего. ...Меня Юрий зовут. Живу я тут.

– Нет – так нет, – повторил я.

– Давай со мной на лодку. Вон там за мыском встанем. Если твои подъедут – увидим.

– А это куда? – я указал на рюкзак и палатку.

– С собой. Много тут всяких ездит. ...Туристов.

...Да и не туристов тоже... Я, чтоб тебе ясно было, ярый русофил. Понял?! Это я к тому, чтоб на берегу знал.

Юрий, оглядывая меня с головы до ног, намекал на мою азиатскую внешность.

– Русофил или русьофил? Или ксенофоб? – меня несколько это задело.

– Интересно... Интересно ... А ведь в моем понимании я – русофил тогда, – сказал он, как мне показалось, с удивлением.

– Тогда ничего страшного. Я – тоже. Но я – ксенофоб! – мне хотелось отомстить.

– Интересно... Интересно ... Похоже, я тоже ксенофоб. Только я либеральный ксенофоб, – Юрий задумался.

– А я – толерантный ксенофоб, – мне было забавно.

– Пожалуй, «толерантный» – правильное. Я тоже – толерантный ксенофоб. Но русофил... А ты почему так сказал – «руссофил»?

Он затих.

– Так время такое. Россия – теперь не только русские. Да и не была такой никогда. Отчего же – «руссофил»? А Пушкин? Арап – как ни крути. «Тунгус и друг степей – калмык?..» Багратион, Окуджава – грузины. Ландау – еврей. Объединила-то Русь!

Значит, «руссофил»... Или близко к этому...

Мы уже подошли к лодке, я положил свои вещи и ждал приказа, куда сесть.

– Интересно ... Интересно...

Юрий стоял и смотрел на озеро.

– Значит, «руссофил». Может, проще в словарях все поменять? – он так и стоял на берегу, задумавшись.

– В словарях?..

А что, русских как нации уже нет, что ли? Будет нация – будут и «филь», и «фобы». Мы же о стране говорим. А не о нации. Правильно было задумано – «советский народ». Теперь надо – «народ России». Или там «российский»... Или – «россияне»... Придумают...

...Солнце скоро сядет, – намекнул я.

– Да... Да... Поплыли. Садись на корму.

Вечер был, как специально для того, чтоб показать всю прелесть этих мест.

– Болот много? – я посмотрел на Юрия.

– Много. Они да озера всегда защищали эти места. Княжество-то Тверское – ого!.. Сила была ...

– То-то войска свои не выставили на поле Куликовом. Спасибо хоть, что, как рязанцы, не встали под знамена Мамаю.

– Не надо!.. Вот только не надо так!.. Не только мы. А новгородцы, а нижегородцы, а смоленские... А?..

– Вот-вот! Спасибо вам и им, что хоть не встали под знамена Мамаю ... – меня как черт за язык тянул.

Юрий явно обиделся. Но мы уже были далеко от берега. Он замолчал.

– Сложно там всё было. Ну, так ведь исправились. Повинились, – он умело грёб, легко выводя лодку к островам.

– Ага!.. После Тохтамыша повинились... Сто лет ждали. Сидели, размышляли, прикидывали... А теперь все горазды... «Когда Россия задержалась?..» «Где Россия задержалась?..» «Кто виноват?..» «Ой, что теперь делать?..» – я не мог забыть, как он разглядывал меня.

– Зато в России не было никогда «хороший тунгус – мертвый тунгус»! – он опять оглядел меня с головы до ног, опять намекая на мою внешность.

– Не было! – я согласился, – Что, правда, то правда.

Кзаки вместе с ружьями по Руси тащили и соху.

Да и то!.. Местные все были или охотники, или кочевники – а земли сколько угодно. Паши. Сей. Даже хорошо. Хлеб рядом.

...Опять же дома крепкие рубили.

В наших-то краях, не как под пальмой, не всегда переночуешь. Опять же к рекам привыкшие. А реки? О-о-о! Реки – дороги. Телеги там, сани тоже давно под лошадь были освоены.

– А мы, знаешь, что?.. Давай сети мои проверим. Вдвоем сподручней. И рыба на вечер будет. Хоть там ночевать будете, хоть здесь... Сети-то выбирать приходилось когда?

– Приходилось!

Мне предложение понравилось. Было бы еще неплохо все это сделать до того, как пацаны подъедут. Во, лица будут!

– А это ты, Юра, хорошо сказал... Ну, про тунгуса... Да, эти америкосы... Мать их... – мне всё больше нравилась идея – проверить сети.

– Да не в них дело...

Там же... англичане, французы... кого там не было...

Это только русские пацаны все бредили после Фенимора Купера индейцев защищать. То индейцев, то буров... У себя-то защищать некого было... А душа требовала...

В России даже присягу в армии иноверцы принимали по своим обычаям...

Россия знала, на кого опереться. Сибирские дивизии потом к Москве-то подоспели. А в них!.. Десятки... сотни народностей!

Красную площадь-то от Кремля на северо-восток поставили. А! Все дома ставили крыльцом на юго-восток. А площадь главную на северо... А!

И Царскую Башню Кремля поставили на северо-восток. А!

Понимали! Понимали цари, куда смотреть надо!

...А слово-то «кремль» отсюда пошло. Видишь, по берегу стоят сосны да ёлки. Это и есть «кремль». Это тебе и «край», это тебе и «кремень», это тебе... всё!

...Ты думаешь, что так в Америке исландцев не любят? А не любят их, друг мой ситный, потому, что язык и обычаи они сохранили. Язык свой не запоганили. Любой исландец сейчас возьмет книгу... пусть даже тысячеклетней давности... и свободно читает.

И Христа они приняли без крови.

Хочешь – так верь, хочешь – так. Как душа у тебя лежит, так и верь.

И у них была поголовная грамотность. Все читали и писали. Все! Как у нас когда-то...

Вот и не любят их за это.

...Рыба в сетях была. Трудно судить – много, мало. Но судя по настроению Юрия, улов был неплохой.

– Ну, вот! Уха у вас будет что надо.

А может, у меня переночуете. Я здесь только летом живу. Брат рядом. За домом смотрит. Связь есть. Зимой приезжаю. А так-то я в Москве живу. Вообще я – историк. Абсолютно не нужная специальность... Сколько существует история, столько существует желающих что-то из неё выудить.

А история – это, брат, как борщ. Не получится одному мясо, другому капуста. Нет!.. Ты уж всё чёрпай... Да со дна побольше... Не любят у нас этого.

... Смотри, солнце на деревья упало... Смотри, сейчас нырнёт... Вот говорят, что только на Руси солнце с птицей сравнивают. А то и правда... «Сéло» – говорят.

«Полетели, полетели... – на головку сели...»

О, спряталось! Отдыхать пошло...

Насмотрелось на людские дела... Устало...

... Ты, я смотрю, книжки-то почитываешь...

Я вот опять про Исландию. Самая читающая страна в мире. Во! А оставалось всего из исландцев-то триста человек – ну, это в Рейкьявике, да по деревням еще столько же... Выжили... Наша закалка.

...Мы сидели и смотрели, как вечер укутывал берега озера.

В дальнем краю от воды пошло вечернее дыхание.

Тонкая пленка тумана росла, закрывая пеленой берег. Казалось, что деревья вырастают прямо из тумана.

– Вот ведь, как из снега. Хотя и холодно у нас, в Исландии-то теплее, а всё ж – «снежок», «снежинка». Не может русский человек без трудности. Ведь крутит его и так, и сяк. А нет – «снежок»... Чудно!

... Смотри! Не твои ли там, на берегу?

Я повернулся. На берегу стояли Володька с Димкой. Стояли, молча, тоже смотрели на дальний берег озера.

– Ты удочку-то не собирай пока... Скажем, на удочку набили. Хотя и свои... Сеть, сам понимаешь... Не каждый ведь и поймет ... – Юрий как-то неестественно привел аргументы.

– Ага! Будешь ты здесь кого-то бояться, если здесь родился, – подумал я.

..Димка схватил и вытащил лодку почти всю на берег.

– Ну, вы даёте! – он увидел рыбу.

– Твоя-то тут есть? Рыбак! – выдохнул он, глядя на меня.

Я посмотрел на Юрия.

– Есть! Только не разобрать, где чья... Может, в ухе виднее будет? – Юрий сидел всё еще в лодке, закрывая мне выход.

– Я – «за»!.. Эх, уха из петуха!.. – Димка был рад, что не надо никуда ехать. Что кров и стол уже есть.

– Будет и баня, – подумал я.

... Для Димки и Володьки неожиданность была приятна.

Не надо ставить палатки, возиться с ужином. Вон – дом. Сарай. Баня. Вот – все на месте, рыбы два ведра, вечер, тихо, тепло.

Удивительно приятна жизнь в такие моменты.

– Да!.. Вечер что надо... Дима, – Димка протянул руку Юрию, – Этого знаешь. А это – Владимир.

Димка продолжал выражать восторг по поводу увиденной рыбы. В такие моменты надо просто молчать и ждать. И всё!..

...Димка, наполнив собой всё пространство от берега до берега, даст возможность отдохнуть всем.

Что удивительно, но тогда, когда нет малознакомых, он вполне нормальный человек. Адекватный. Частенько молчаливый. Одним словом, человек человеком. Но если рядом незнакомец или, не приведи Господи, знакомка...

Надо куда-нибудь, если есть желание отдохнуть, отходить в сторону. Вне досягаемости его рук и слов.

– И баня есть? – Димка перехватил у Юрия оба ведра. Можно было подумать, что продолжался разговор о том, что есть, чего нет.

– Всё есть!

Мне показалось, что Историк был нам рад.

Историком я его про себя окрестил. Тоже мне – «я – историк»! У нас вся страна – «историки»! У каждого своё мнение, у каждого своя история.

– Сейчас и затопим. Завтра Гошка – брат мой, приедет, пусть протоплена будет.

Юрий шел впереди, я за ними, Володька пошел, не спеша, к машине.

...Дом у Юрия был справный. Я стоял около калитки, оглядывая дом, постройки, гладко подстриженную лужайку перед домом, цветник под окном, буйно поросший садовой ромашкой, от которой в глазах зарябило. Повернулся к озеру.

Слева подъезжал Вовка.

– Ворота раскрой, пусть во двор ставит, – кивнул на ворота мне Юрий. Они с Димкой возились у стола под крышей сооружения, напоминающего беседку.

Девичий виноград, буйно и плотно закрывавший с дороги строение, говорил о том, что стоит оно уже давно, прижилось, что стоять ему еще очень долго. Вряд ли у кого поднимется рука на лозу толщиной почти с руку.

– Да пусть на улице стоит. Поставлю на сигнализацию. Газон жалко, – Володька подошел ко мне, – Кто такой?

– Юрка? Местный. Живет в Москве, летом здесь. Рядом брат живет. Историк. Русофил. Вообще, скорее, исландофил. Видимо, изучал историю Исландии... Проникся... Бывает. Всё знает... Всё! «Больше знаешь – лучше понимаешь».

– Вы, правда, на удочку набили рыбы столько? – Вовкино самомнение рыбака было крепко потрепано. Он выжидательно смотрел на меня.

– Да нет! Сети у него стоят. Видимо, с болота речушка там впадает. Поставил. Сектор закрыл. А тут брат, видимо, на стрёме. По очереди, видимо, и ходят к сетям.

– То-то! – Володька был рад, что его «лавры» остались у него, – А я и подумал!.. Щуки лежат, а спиннинга не видно. Кружкам рано ...

Мы прошли во двор к скамейке.

– Вы давайте баню готовьте, а мы тут со столом, – Димка!
Этому покомандовать – хлебом не корми.

– Юра, там как? Обычно или особенности какие? – спросил я.

Я всё-таки решил, что бежать на приказ – дело молодых, не наше. Вовка тоже не бросился, очертя голову.

– Вроде без заморочек она. Справитесь, думаю. Воды, может, мало будет. Вон шланг, а кнопка на столбе под банкой.

Юрка с Димой о чём-то оживлённо болтали.

...Баня была крепкая. Хороший предбанник. Стол. Три лавки. Топчан. Старый буфет с посудой. Всё прибрано, чистенько.

– Зимой-то, видимо, на рыбалку народ сюда ездит. Да и охота тут, видимо, не хилая. Болота встанут – кабан, наверное, боровая. Как думаешь? – Володька оглядывал баню.

– Рубль за сто. Человек по двенадцать собирается, кабана берут, – я был полностью согласен с Володькой.

...– Ну, разобрались? А мы тут зимой собираемся иногда. Кабан там... На лося, бывает, лицензию дадут... Нас трое братьев-то. Я, Гошка, Олег. Олег рядом живет. Сейчас в городе. К вечеру приедет. Гошка – завтра. Племянники ещё... Человек по двенадцать, а то и больше собирается... А зимой к Олегу рыбаки приезжают. Лишняя копейка... Карман не жгёт... Дрова в дровянике. Забыл сказать, сразу не калите печь. Постепенно. Идет?

Юрий опять пошел к Димке.

– А то из Африки... Каменку первый раз видим, – пробурчал Вовка, – Он-то... как?

– Да ничё, вроде. Нормальный мужик. Соскучился без людей. Историк! Что ты хочешь?

– Ага, историк. Я с той стороны же подъезжал. У соседнего дома две тарелки спутниковых стоят. Малая и большая. Может, письмецо своим отправим?

– Ага, а потом будем объясняться, что, где, у кого и как вечером делали...

Я уже сказал по телефону нашим, что «всё нормально, уходим из зоны доступа».

Мы затопили баню и пошли к беседке.

– ... А я-то и думаю, что это всё про Босфор и Дарданеллы говорят?!.. Вот в чем дело-то!.. – Димка был возбужден и возмущен.

– Мужики! В Первой-то мировой десять миллионов погибло, десять – умерло от болезней так, от голода, двадцать – искалечено.

Сорок! Шарите – сорок! И ни тебе памятников, ни тебе праздников. Как и не было войны-то... А почему?

Рожу стыдить не хотят.

Доказано, что специально Россию втянули, пообещав отдать проливы Босфор и Дарданеллы. По-о-оня-я-ли? Вот козлы! А! Нужно это было России? Это Средиземное море... А? Подставили нас! Понятно! Чтоб, значит ослабить и революцию начать. Изнутри разорвать... Мать нашу! Мать их... Козлы!

– Вы это?.. Уже?.. – Вовка был спокоен.

– Да чё там «уже»! По капле за знакомство – и всё. Смотрим, вы там сидите, а чё мешать. Так продегустировали...

Я из машины нашу принес, а Юрка говорит: «А ну её! Давай своей! Попробуй!» Попробовали.

Попробовали – и все. Горит.

... Да ладно вы!.. Вы представляете, на Бородинском поле нас было 95 тысяч, а французов – 600. Ты понял? Один к шести! К семи!.. А ружья у французов били на сто шагов дальше наших. А вы ... Левша!

Да, Левша правильно говорил! Душа болела у человека за Россию. Чё эти, охламоны, и правда приказ дали кирпичом ружья чистить?.. Во, дела! Читаешь, а... Дела!

Всё было ясно. Мы с Вовкой переглянулись. А что тут скажешь?

– Может, чем помочь? – спросил Вовка.

...– Ты понял! Они картошку делят на две части. Середка... и то, что снаружи. Середку сразу варят, вместе с морковкой, чтоб, значит, она, картошка-то, разварилась... А только потом, когда морковка сварится, остальную кладут. По-о-онял! Чтоб значит, навар был погуще. И витамина «дэ» больше! Будем пробовать!..

Димка стоял довольный-предовольный, глядя на нас восхищенными глазами.

– А давайте и вы попробуйте. Горит домашняя-то!..

– После бани.

Мы с Вовкой, как лошади на водопое, оба помахали головами.

...– А ещё! ... Ещё Александр III говорил, что «у России нет и не может быть союзников, кроме двух. Это армия и флот», – Юрка перебил Димку.

– О! Это он правильно сказал! – Димка был всегда и со всеми согласен, кто защищал армию. А уж флот!..

...В Афганистане он как-то пересекся с «Белыми медведями». Представляю, сколько «полосатые» услышали от него. Наши

морпехи в Афганистане!.. Вообще моряки в Афгане!.. Подружился он с ними. С тех пор все моряки у него в «уважухе».

...– Ну и вот... После Брестского мира – Гражданская. Промышленности нет. На семью приходилось по 60 грамм гвоздей в год. Хлеба нет. А еще недавно!..

За тридцать лет Россия увеличила выпуск стали в 8 раз, угля – в 23 раза, нефти – в 140. Население за сто лет увеличилось в 3,5 раза и составило почти 125 миллионов. Интеллигенция, с легкой руки, так названная Петром Боборыкиным в 60-е годы и вознесенная уважаемым Владимиром Далем, бежит трепаться за границу.

Куда делось её желание помогать своему народу? Оттуда опять идут их советы, как и что делать Советам. Но всем ясно, что мировой революции не будет, и Сталин решает любыми путями строить страну.

Закрывает западную границу, поскольку хорошо знает, как и на какие деньги, откуда и с какой целью делалась Великая революция. Ему совершенно не хочется, чтоб началась трепотня и тут. Только дурак не понимал, что война будет.

Ещё вечером 11 ноября 1918 г., во время празднования победы над Германией, Черчилль грустно заметил, что «... а ведь Россию мы сможем покорить только с помощью Германии...».

Вот так примерно было. Вот такова роль уважаемой интеллигенции в нашей истории. Примерно. Ох, и любила она поболтать... А сейчас – только продолжение традиций!.. Нового ничего не придумали... Только и слышно: «Тут не так! Там не так!» И никаких дел! Никакой идеи! Никаких предложений!

Юрий продолжал начатый разговор с Димкой.

– Вот, вот! И я говорю, что нужна общенародная идея!

Притихший Димка опять оживился. А мы опять пошли к бане.

– Надолго? – Володька посмотрел на меня.

– А, вроде, им нравится. Пусть! Нашли друг друга.

Я и вправду был не «против». Пусть. Есть, кому говорить, есть, кому слушать!

...В бане было уже тепло.

– Если помыться, то в самый раз, – Вовка вытащил палец из бака с водой, – А если париться, то рано.

– Стоит ли париться? – я выжидательно смотрел на Вовку.

– Одно другому не мешает. Мойся, я подожду, – Вовка подложил ещё дров, – Пойду мужикам скажу. Может, кто с тобой.

Я остался у бани. Парни возились у беседки. Уже смеркалось. Было тихо и уютно.

– Помоюсь, – подумал я и вернулся в баню.

Не успел раздеться, как зашел Володька с пакетами, в которых были полотенца и бельё.

– Что говорят? – я посмотрел на Володьку.

Володька выразительно махнул рукой:

– Не забивай голову!

...В бане было хорошо. Вовка подложил ещё дров, и можно было даже легко похлестать себя веничком.

– Я тут попить морсика принес. Черничный, – зашел Юрка, неся трехлитровую банку.

– Хорошо тут у вас! – я похвалил баню.

– Грамотно! – добавил Вовка.

– А вы знаете, что бани в России появились за двести лет до появления аналогичных строений в Западной Европе? Там даже знать не мылась. Правда, в отличие от крестьян.

Но и у тех не было отдельных строений. Дворяне руки вытирали во время еды о бороду и одежду, а для того, чтоб блох и вшей было меньше, носили с собой или горносталя, или хорька.

А в России баня рассматривалась еще и как резервное жилище. Кроме того, для постирушек. Чтоб, значит, в доме не парить. Дом берегли. Сухим держали. Сухой дом тепло лучше держит, – Юрка осекся, – ... Уха уже готова. Настаивается.

Юрка был заведен Димкой капитально. Мы смотрели и молчали.

Юрка вышел. Мы с Вовкой смотрели друг на друга и улыбались.

– По-моему, дегустация продолжается? – Володька посмеивался.

– Завтра с тобой к сетям пойдем. Я запомнил, где... Им будет не до рыбалки...

Мне хотелось сказать Вовке что-нибудь приятное. Вроде получилось.

– Удочки всё равно возьму. Спиннинг побросаю... – Володька смотрел на потолок.

– А на турбазе-то как? – вспомнил я.

– Нормально. Все бы хорошо. Но музыка орет...

Да ладно бы музыка была... А то громко так... И ты знаешь это: – «Я иду... Ё! Ё-Ё! Ё! Ты идешь... Ё! Ё-Ё! Мы идем... Ё! Ё-Ё! Ё!» Не для нормальных... Нормальному – не выдержать!

Вовка был уже весь в завтрашней рыбалке.
... Закончив с баней, пошли к беседке. В ней горел свет.
Юрка и Димка сидели на одной лавке почти обнявшись.
...– Это, Дима, как смотреть! И кто смотрит! Не было бы Советского Союза, то не быть бы им государствами.
Возьми Казанское царство. «Казань взяли», а царство то осталось. С вельможами со своими, с управлением своим, все структуры оставили.
Одно, правда, «не моги своей армией управлять!» И так было всегда. Почему Россию всегда просили придти на помощь? А!..
Знали, что на помощь придет, но не останется там. Возьми Болгарию, Сербию, Францию. Да, Англию возьми! Казачки Платова погуляли по Альбиону.
А Финляндию! Всегда была колонией Швеции. Государства-то не было никогда такого.
Только благодаря России обрели государственность. А при России... Россия сама согласилась, что без согласия их четырехсословного сейма не вводились даже налоги.
А налоги? В два раза ниже были, чем в Швеции. У них даже сохранили свою денежную единицу, свои почтовые марки, на своем языке. А все налоги на них же и шли.
А Польша? Кто был союзником Наполеона? Кто захватил Белую Русь? Кто по России жег да убивал? Кто Сусанина нашего забил и в лесу бросил? А?
Украина? Вообще что Карл делал у Полтавы? Где Швеция, а где Полтава! И их не просили к нам. Сами пришли: «Примите да примите к себе». Хмельницкого помнишь? С дури Крым еще им отдали! Уж к Крыму-то они какое отношение имеют?
Севастополь! Вот это да! Сколько там Российской кровушки пролито?!
– Да! Опять моряки, – подумал я, глядя на Димку.
– А казахи. Четыре года! Четыре! Из года в год просили, чтоб их присоединили к России. А киргизы? Сто лет просили! Сто!
...А вы знаете, что когда Беллинсгаузен, кстати, Фаддей Фаддеевич, и Лазарев, кстати, Михаил Петрович, шли к Антарктиде и зашли в Австралию воды попить, то англичане объявили военную тревогу. А наши: «Да ладно вы, ребята, мы так просто – Землю изучаем. Пушки-то уберите. Успокойтесь. Это вы тут раздраете Африку да Азию. Мы-то – мир изучаем». О, как!
А шлюпы у них – «Восток» и «Мирный»!.. Мирный! Ты знаешь хоть один корабль в мире с таким названием? Вот то-то и оно!

– Опять про моряков! – подумал я и снова посмотрел на Димку.
Юрку было не остановить!

...– Когда Миклухо-Маклай, кстати, Николай Николаевич, вернулся из Австралии, Океании, Новой Гвинеи, говорит царю: «Если нужны нам они, так зовут!..» А наши ему: «Мы что, колонизаторы, что ли, какие? Ты-то, – говорят ему, – что там изучал? Что изучил?» А Николай Николаевич им: «Приходится всему миру признать, что люди все одинаковы. Только условия проживания разные. А так – все равны!» О, как!

А в Академии-то ему: «Во! Открытие сделал!.. Мы с пеленок все это знаем!..» Поняли! С пеленок!..

До Карла с Фридрихом еще Емельян Пугачев бросил клич «Пролетарии, соединяйтесь!»

– Давайте после бани. А? – Димка ошарашенно смотрел на нас.
Мы с Вовкой – на них.

Но после бани, так после бани.

...– А евреи! Когда их жизнь погнала из Европы, из гетто, кто их приютил? Да если б Гитлеру башку не открутили, и Израиля бы не было! Какой второй язык в Израиле? То-то!

Юрка стал успокаиваться.

...– Нет, Дима! Тут как смотреть.

Азербайджан? Не было такого. Был покоренный народ, который ходил под персами.

Армения и Грузия – христиане. Были на грани завоевания. Сами попросились. Другие народы мусульманские потянулись.

Молдова! Не было такого. Персия была – Молдовы не было. А молдаване были.

Эстония и Латвия – не было. Были покоренные народы, которые ходили под Шведами и немецкими баронами. Чтоб свободными стать, им пришлось через Россию и Союз пройти.

...Конечно, теперь-то всяко-разно говорить можно ...

– Да ладно ты, Юрка! Ну, помогли и помогли... Вот Крым жалко. Севастополь там наш ... – Димка жалостливо смотрел на Юрку.

Я знал, что всё, что про моряков, войдет в Димку намертво.

Посидели. Помолчали.

– Вы в баню-то пойдете? – я хотел перевести разговор на другое.

– Юр! Пойдем, а? – Димка встал, таща за собой Юрку.

...– Вот, Юр, скажи мне, почему «выключатель» называют «выключателем»? Глупо ведь! Выключатель есть, а выключателя – нет! – услышали мы с Вовкой.

Димка и Новый год

Позвонил Димка.

...Кто-то на Новый год ходит в баню, кто-то дома ест «оливье», кто-то...

... Давно было. Наши были тогда уже не маленькие, но и не взрослые. И стали они как-то перед Новым годом «тихой сапой» узнавать, куда и где мы будем Новый год встречать.

Димка тогда с Вовкой пришли и говорят:

– Ты знаешь, баб стеречь, что волка розгами сечь. Давай, ты нас пригласишь будто бы, а мы будто бы согласимся. А все поедем на кордон. Жен возьмем, ну, чтоб у них была потом в жизни отмазка – почему детей одних оставили. Соберемся тридцатого и в обед поедем, а приедем числа второго. Ну, третьего... как продышимся.

...Вот мы семьями с тех пор и стали ездить на Новый год в лес. Дети повзростали, а мы все ездили. Потом как-то жены перестали с нами ездить и опять мы остались втроем.

Мы по наивности считали, что наши поездки как-то плавно перерастут в поездки с внуками, потом уже внуки нас с собой будут брать... Но!..

В жизни бывает и по-другому, чем планируется.

А в этом году снега нет. Тайга, Новый год, и нет снега – это вам... Это не хухры-мухры!

Грусть это для нас! С годами грусть поселится в доме, и не заметишь как! Гони её или не гони, а приходится учиться жить с ней. Хоть квартирантка и незваная, а своя. На улицу не выкинешь – к другому прицепится, а с ней уже, вроде, как-то сжился, приспособился к её уловкам.

А Новый год – это для Грусти самый что ни на есть праздник. Их две таких подружки: Грусть и Радость. Вот для них и сделан праздник Новый год. Это, значит, для того, чтоб они порознь гуляли. Радость – с теми, кто мал и помоложе. А Грусть – с нами, чтоб тем, кто молод, не мешала. Да и ей с нами попривычнее.

Вот так вот. Когда наступал Новый год, на нашей стороне, как всегда, были: жены, снег, водка (а как без неё?), морозец, мысли о том, что дети выросли, что скоро внуки будут.

А на её стороне: много не выпьешь, через костер не попрыгаешь, в снегу не поборешься, по бутылкам не постреляешь, жены о своих и о наших спинах «шу-шу-шу» ведут.

А в этом году на сторону Грусти и снег перешел, а, значит, и все, что с ним связано...

Вот в такой дислокации и предстояло вести, похоже, новогоднюю битву. Скажем прямо: ситуация на фронте не в нашу пользу. Можно было бы, конечно, сдаться – пленным не обидят. Но... это ведь как – если хоть раз был в плену, то уже был пленным.

...Можно, конечно, найти оправдание какое-нибудь, но мысль «а почему не застрелился» всегда у уха жужжит. А как застрелиться? Здоровье не то! Не то! Раньше, если что, хоп!.. Литр!.. Как в ухо себе из «макарыча» – и спать. Утром делаешь глазки вниз, носком ноги по полу водишь, молчишь... пока не скажут: «Хоть чай попей, что ли?»

А сейчас уже не то... Не то! Страшновато становится, как об утре подумаешь. Тут уже чаем не вылечишься. Дырка в голове... кулак пролезет.

...Всё мы это прекрасно знали. Знали, что рано или поздно придет такой Новый год, что... не застрелиться, одним словом.

Врага придется встречать с открытыми глазами.

Раньше Димка всё смеялся:

– Придет Грусть, скажет: «А где тут тот, кто с пипочкой вместо хвоста и ушами длинными?», а я ушки бантиком под подбородком завяжу, на пипочку сяду и скажу: «Вон туда пошел».

Мы смеялись тогда над тем, какая она, эта Грусть, глупая, а мы умные. В этом году, похоже, пришла. На пипочках-то сидим, а вот уши... А уши торчат, видимо!

...Вот об этом всё я успел подумать, когда смотрел на телефон, на котором прыгала надпись «Димка».

...– Привет! Как там жизнь молодая? На Новый год какие планы? – голос Димки был почему-то бодрый.

– Тебя хотел спросить. Только трубку взял, ты звонишь, – бодро, в тон, отвечаю ему.

– А я вот Вовке сначала позвонил, а потом тебе – думаю, может, что уже решили.

Что-то он был очень весёлым? ...

– Что тут решишь? Сам видишь, снега-то нет. Ветер. Морозь сырая! – говорю я, зная, что кто-то должен это сказать и отдавая полный отчет в том, что меня теперь будут цитировать до самого Нового года и потом до 23 февраля. Но что делать? Кто-то должен взять это на себя – предложение, хоть и скрытое, остаться дома.

– Снега, говорю, нет, – повторяю я.

– Да и хрен с ним, с этим снегом. Мало мы его повидали да потоптали?.. Нет его и не надо! – кричит Димка в трубку.

Становилось тревожно. Меж лопаток появился холодок. Такое бывает... иногда.

– А Вовка что говорит? – спрашиваю я.

– А мы к тебе едем. Сам спросишь. Я ведь, что звоню-то... может, что-то особенное по дороге купить? А?

– Купите палтуса копченого и хлеба черного, на всякий... Лучше и лук... головку-две, дома может и есть, да где тут его искать, – говорю я, поводя лопатками и мысленно погрозив Грусти.

– ... Один? – Димка с Вовкой, груженные сумками, ввалились в дом, – Забирай своего палтуса. Тащи атлас.

– Вот, – я принес атлас.

– Где там соседи наши?.. Тюмень открой, а то у меня руки жирные, – Димка шинковал палтуса.

– Ищи Тобольск, а севернее что-то там... Мало... Мало... какое-то. Неважно. В Тобольске Серёга встретит. Нашел? – Димка уже накрыл на стол.

...Мы с Вовкой, конечно, Тобольск нашли. По Иртышу, мимо не проскочишь. А вот Мало... там не было.

– Не видно там твоего Мало... – говорю ему.

– И Бог с ним! Серёга встретит. Ну! – Димка стоял с поднятой рюмкой.

– Ну!.. – он, довольно, оглядел нас.

Я уже поставил рюмку на стол, когда Димка произнёс свое сокровенное «Одной в желудке неуютно, двоим к утру там будет ...».

Выпили, холодок меж лопаток пропал.

...– Излагай! – Вовка облокотился на стол и придвинул ко мне пиалку с нарезанным луком в растительном масле, – Давайте, давайте, все ешьте. Иначе будете тут носом крутить!..

– А что излагать?

Позвонил Серега. Поздравил с наступающим. Спросил, где и как. Я сказал: «Не знаю». Он сказал: «Приезжайте к нам,

встретим вас. Вместе Новый год встретим». Я сказал: «Нам надо обсудить». Позвонил Вовке, он не «против». Поехали к тебе.

Димка хрустел луком.

– А что там Серёга делает? – спросил я.

– А кто его знает. Мне надо знать? Сказал, что будут до десятого. Сказал, что приезжайте. Снег есть. Баня есть. Люди новые есть.

– Люди – это да, – подумал я, – Димке бы надо!

– А как он там всё-таки оказался? – встрял Вовка.

– Да кто его знает.

Может, от выборов прячутся. Им же сейчас нос по ветру надо держать. Выбор у них. Кого-то да обидишь. А значит, от кого-то всё равно пендель получишь. Тут ведь надо... Тут ведь не просто... Тут ведь – политика! Это у нас выборы – выбор! А у них – жить или не жить! А ну, как не на ту лошадку поставят? Тут ведь «ставка больше, чем жизнь», – засмеялся Димка. – И одному не откажешь, и другому отказать – боязно. А это «бабки». А «бабок» жалко. А в Париже разве спрячешься?

...И в Куршавелях-то, как голый перед баней, все видят. И кто заходит, и кто выходит...

Во, жизнь себе люди придумали... Врагу не пожелаешь! – Димка стал разливать третью.

– Ну! Как положено, – он встал. Встали и мы.

– Действительно, не пожелаешь, – сказал Вовка, а я кивнул.

...– Девчонкам скажем. Что поедем на одной машине – мест нет. Скажем, что в Тюмень к Серёге. Спросят: «Зачем?» Скажем, что попросил посоветовать, какой дом покупать. Они скажут: «Дурак ваш Серега. С жиру бесится». А мы скажем: «Не откажешь же человеку! Что он в домах понимает?» А они скажут: «Вот и именно. Дурак-дураком, а в деньгах купается».

И всё! Поедем. А им тут без нас будет спокойнее. С глаз долой... А? – Димка разглядывал нас.

Мы молчали. Хотя я уже в душе согласился и мысленно показывал Грусти «фигу» под столом.

– Цепи на колеса возьмем. Хотите два комплекта. А?.. – дожимал нас Димка.

...Решили, что поедем. Всё равно что-то делать в такой ситуации надо.

– Это хорошо, что едем! – подвел итог Димка. – Было бы неплохо, если б ещё дорогой в машине что-нибудь сломалось.

...Вот уж мы бы тогда точно отвернули голову ему, – мечтательно сказал он.

– Кому? – почти одновременно спросили мы с Вовкой.

– Как кому? Новому году! ...Чтоб ему, – недоуменно посмотрел на нас Димка.

Димка и Чухпелек

Утром... какое, к черту, утром?.. Ночью позвонил Димка.

– Слушай, ты, смотрю, не спишь. Я зайду? Я около подъезда.

– Открыл, – сказал я и пошел к двери.

– Война? – спросил я, увидев его глаза, которые напоминали два старых пятака.

– Какая? – он стал раздеваться. Я почувствовал запах. Свежий.

Я махнул рукой и пошел на кухню.

– Ты это... если спать хочешь, я один посижу, – Димка был похож на идиота, только сгорбившегося.

Я пошел в комнату что-нибудь надеть.

– Ты дома-то был? – спросил я его, зайдя на кухню.

– Так я из дома. Мои все с утра разбежались на работу, а я сразу к тебе, – он заговорщицки понизил голос.

– Говори громко – моих тоже нет. «Сразу...» А врезал когда?

– Это ещё ночью.

...Перепугал всех. Моя следом зашла, а я с бутылкой. «Идиот старый, – только и сказала, – отморозил ум-то вчера!»

Я-то вчера в прорубь ходил. Холодная вода-то. Свистят, что тепло. Вода как вода, холодная только. Пришел, «согрелся» и спать лег. А потом... – Димка опять сделал глаза пятаками.

– Встал, врезал, напугал своих и пошел меня будить, – продолжил я, вставая и беря чайник.

– Спал я. Понял? Спал. А может, и не спал. Был я у Чухпелека. Вот! – он ждал моей реакции.

– Белая горячка! – сказал я.

...Чухпелек был шаман, который жил в тайге. Мы иногда бывали у него, но последний раз были года два назад.

– К нему сейчас и не проехать, – почему-то сказал я.

– А я на БТРе был, – Димка смотрел на меня, и я все больше убеждался, что у него, пусть не «белочка», но что-то в этом роде.

– Рассказывай, – я стал пить кофе.

– А это?.. Может?.. – он вопросительно смотрел на меня.

– Давай! Крещение!.. Д-а-а!.. Семь утра, ведь!..

Мы когда последний раз пить начинали в семь утра? – спросил я его.

– Это как считать? Если «когда продолжали», то недавно. Осенью, – он повеселел.

Я что было вытащил на стол.

– Одной в желудке неудобно, двоим к утру там будет ... – начал Димка.

– К завтрашнему?.. – съязвил я, – это же вторая сегодня.

– Третья. Те две несчитово, – Димка повеселел.

– Ну и... – я ждал.

– Ну. Пришел домой. Рюмку. Поел. Рассказал своим, как было. Крестик снял, повесил на трельяж – и спать. И сразу провалился.

...И вроде как сразу захожу я к нему в избушку, а он сидит за столом. А перед ним сковорода чугунная стоит с водой, а за ней две свечки. И он руки так ладонями в воду опускает, а потом ко лбу их прикладывает. Не поворачивается и говорит: «Слышу, собаки молчат, – кто-то из своих. Научил тебя мимо собак ходить – не забыл, значит. Это как на велосипеде кататься».

И понимаю я, что это он тебе говорит. А я – не я, а ты. Понял?

Я смотрел на Димку. Просто сидел и смотрел, стараясь вспомнить, – а что же мне снилось. Мне не снилось ничего.

«Ты, – говорит, – пока не разделся, принеси-ка мне снега с крыльца. Только не смотри, откуда берешь. Просто зацепи – и все».

Вышел я на крыльцо, собак нет, с перил зацепил снега. Зашел. «Клади», – говорит, а сам руки от лба не отнимает.

«Кипит ум, – говорит, – а ум кипит, когда его мало, или сковородка сильно горячая. Как масло на ней. Добавлять надо. Снять сковородку – не получится. Все равно кипеть будет».

И опять руки ладонями в воду и ко лбу. В воду и ко лбу.

«Вода, – говорит, – мозг Земли, сам знаешь. Эо вроде он как тебе говорит, – она людей породила, и людям больше просить помощи не у кого».

А я сразу про прорубь вспомнил. Там батюшка тоже что-то такое говорил. Про воду.

– Гадаешь? – я его спрашиваю и так на свечи кивком показываю.

– Нет, – говорит, – струну настраиваю.

– Какую? – говорю.

– А, – говорит, – через человека струна проходит от земли к солнцу. Через позвоночник. Вот её и настраиваю. Вот только, – говорит, – Луна как смычок мешает. Туда-сюда. Туда-сюда ходит.

– Так луны-то, – говорю, – нет. Ехал, – говорю, – к тебе – темнота в тайге-то.

– Нет, – говорит, – просто её не видно тебе. Двадцать шестой день сегодня. Жаба – тотем мой. Болото. Опасный день, по вашему, и для меня – тоже.

Сил с годами меньше, а отдавать больше приходится. Вот и приходится «струну» подстраивать.

– А свечки? – я его опять спрашиваю.

– По пламени строю, – говорит. – На слух уже сложно стало. Шею, – говорит, – вроде настроил. Все семь, – говорит, – частот, для каждого позвонка вывел, вроде легче стало.

Шея – это почти самое главное. А семь тонов – что у человека, что у воробья, что у жирафа.

– А что, – говорю, – главное-то?

– Копчик. Корень это, – говорит, – с землёй связь. Через него сила Земли входит. Как, – говорит, – устанешь, так сразу же в землю его втыкаешь. Через него «струна» и входит.

– А выходит, – говорю, – откуда?

– Из темечка, – говорит, – бывает, из «родничка». Тяжелее, – говорит, – эти настраивать, – и сам себе по груди похлопал.

– Почему? – говорю.

– Резонаторы-ребра каждый раз по-разному модулируют, – говорит.

...– Не! Ты понял? «Модулируют», – говорит. – Димка смотрел и ждал чего-то от меня.

Я пожал плечами, хотя понимал, о чем идет речь, но мне было непонятно, причем здесь Димка.

Я похлопал себя по «щиту» под горлом – вроде «глухоты» не было. Звук вниз не шел, выходил через плечи, как положено, – все было нормально.

Димка посмотрел на меня и тоже похлопал себя по груди.

...– Вот и Чухпелек так же хлопал. Только он рот открывал, – сказал Димка.

– ... Сбил ты меня. Давай ещё, – он посмотрел на бутылку.

– Давай, – сказал я.
Мы выпили. Димка опять похлопал себя по груди, прислушиваясь.
– Хэ-хэ, – выдавил он. Помолчал и добавил: – Батя у меня так делал. А почему? Не знаешь?
– Знаю, – сказал я, – только давай об этом потом. Что старик ещё сказал?
– Ну, вот! Я тогда подумал: – Раз уж там, спрошу, что да как. Спрашиваю его: «А как вообще обстановка-то сейчас? Ну, у нас-то?»
А он, представляешь, мне говорит: «Вихри враждебные веют над нами». Не! Ты понял? Так и сказал: «Вихри враждебные веют над нами!»
Я говорю: «Ну и чё?» А он говорит: «Тебе-то что. Ты под кедром. Знаешь, за что схватиться».
А я-то понимаю, что это он тебе говорит, а не мне. И вдруг я-ты понимаю, о чем он говорит, и спрашиваю: «А другие?» А он говорит: «Кто другие? У других – другое. У тебя кедр есть, не будешь за него держаться – ему не за кого будет. О себе думай! Разрежет верхушка вихрь, а тот вниз к земле не пойдет. Нет у него силы у земли-то».
Ты что-нибудь понял?
– Понял, – сказал я, потому что понял, что сказал старый шаман. Только понять не мог, откуда и что было ждать. Всё, вроде, было нормально. Да и у всех – тоже, вроде?..
..– Я говорю ему, вроде как от тебя: «Вихрь-то откуда? Зима. Метель – куда ни шло, а вихрь-то откуда зимой? А он говорит: «Белая ворона уже сидит – весны ждет».
Ну, я про весну-то вспомнил. Выборы, то, сё. «А как будет?» – спрашиваю. Интересно всё-таки.
А он говорит: «Как будет – через месяц скажу. В день Гидры скажу. Или после. Страшный день будет». Понял – «страшный день будет». А когда день гидры-то, ты знаешь?
– Знаю, – говорю я Димке.
– Когда?
– Мы уже будем в «зюзю» в этот день. Начнем к двадцать третьему готовиться. А то все праздники в один день не уложим. Переживем. Все вместе будем-то! – сказал я.
– Ну, вот я ему и говорю: «И что это белая ворона-то?..»
А он говорит:

– Давно было, очень давно. Был я тогда на Кавказе, почти рядом с Эльбрусом. По делам был, не просто так. Вот тогда мне один старый алан Наурыз и рассказал эту притчу.

...Оставил старый горец своим семи сыновьям отару да пса и умер.

Пасли братья отару по склонам да лугам, пес знал свое дело – помогал, с того и жили. Но время всему приходит. Стали братья то один, то другой вниз бегать. То на невест посмотреть, то среди людей побыть, то в празднике поучаствовать, в борьбе себя показать, в скачках и других подвигах молодецких.

Любили все братьев, ладные да удачливые были они, да и не бедные – отара-то была не самая маленькая. Каждый дом был рад такого гостя принять да за стол усадить.

... Вот однажды накануне большого праздника внизу утром встали братья, отару проверили, барана сварили, наелись, даже часть мяса осталась, отпраздновали тоже и сели, на горы смотрят. Пес отару сторожит. Как уж и что этот пес делал – не знаю, а близко к отаре волки не подходили, а овцы его слушались.

Скучно братьям стало.

Встал старший брат и тихонько ушел вниз, где веселье и праздник. За ним другой, за тем третий. Все ушли праздновать.

Остался только младший брат. Да и тот посидел, посидел, видит – братьев рядом нет, подумал, что скоро должны подойти, куда-то по делам отошли, посмотрел – пес службу справно несет, собрался и тоже вниз ушел.

Весело внизу, сытно, кроме мяса там и фрукты, и вино.

...Под утро уже вернулся старший брат голодный. Видит, а мяса-то, что оставляли, нет. Сидит белая ворона и тербит косточки, что от него остались.

Отара в целости и сохранности, но проучил он пса так легонько, где палкой, где пинком, да и вниз обратно пошел. Есть хотелось, а самому готовить не хотелось.

За ним пришел другой брат. Видит – мяса нет, а пес лежит. Проучил его – так легонько, чтоб неповадно было лежебоке, где палкой, где пинком под ребра, да ушел вниз.

Пришел третий брат, видит, – братьев нет, мяса нет, пес лежит. Проучил его, да и тоже вниз ушел.

... Днем уже пришел младший брат.

Видит – песдохлый, весь израненный лежит. Белая ворона тербит кости от остатков вареного мяса, что оставляли братья

перед уходом, а отара вся волками изрезана и ходят по битым овцам вороны белые и черные, а волки сытые рядом лежат.

Бросился было на них с палкой младший брат, да те только порычали, а с места не сдвинулись.

Пришел старший брат – видит, младший сидит рядом с псом, плачет, волки да вороны белые и черные по овцам ходят.

Стал старший младшего ругать, а младший – старшего за то, что отару покинул, одну оставил без присмотра. Тут и другие братья подошли. Поругались братья да сошлись на том, что пес отару-то не сберег.

Каждый из старших не признался, что уже был здесь, что отара была жива и здорова, а про себя подумал: «Так тебе и надо, псина! Нечего было наше мясо есть!»

Только младший, ничего не зная про то, как старшие братья пса учили, думал, что братья во всем виноваты. Он-то ушел последним, думал, что братья-то рядом где-то.

И стал он было братьев ругать, да не положено на старших кричать, махнул рукой да и пошел вниз – праздник допризновать.

А старшие за ним потянулись, есть-то хочется. А вслед им смотрели волки и вороны черные да белые – у них пир уже вовсю шел. И одна белая ворона тоже им вслед смотрела и улыбалась.

...Только новости в горах – быстрее стрелы полета. Не приняли их в праздник-то те, кто внизу был. Так со стола в пыль еду им покидали, чтоб с голоду те не ослабли, да и выгнали со словами – «Уходите от нас, нищета убогая, нечего здесь ходить да детям нашим быть примером дурным».

...А куда идти? Велик Эльбрус, а горы – маленькие.

...– Не, ты понял? – Димка стоял и смотрел на меня, выпучив глаза. – Я ему про выборы, а он мне про семерых дураков! Что за белая ворона – знаешь?

– Знаю. Что дальше-то было?

– А тут я вспомнил, приехал-то зачем я к нему.

Я вроде как мёд от Сереги-то ему привез. Сашка-то родила. Помнишь, мы тогда все у него жили. Вот вроде как Серёга-то ему и передал мед-то. Вот что я к нему-то ехал. Понял? Вот я ему и говорю: «Совсем забыл. Я ведь мед привез тебе. Сашка-то родила».

И ему отдаю бидончик-то с медом.

– Не лавошный? – спрашивает. А сам взял его так меж ладоней и говорит: « Не лавошный. От Раиля Сафарова. Из Башкирии».

Не!.. Ты понял, взял в ладони – и сразу... Мед-то действительно от Раиля Серёга привез. Был у него там, – Димка посмотрел в окно и махнул рукой в сторону запада.

– Вот это да! – говорю я ему, а сам на бубен на стене смотрю. Помнишь бубен-то. Желтый такой. Он так там же и висит. А сам думаю: «Во, дают старики! Как это у них получается?»

А он посмотрел тоже на коип и говорит: «Дурак ты! Правее смотри». Я смотрю, а там «Моторола» в чехле висит, и «зарядка» в розетку вставлена. Понял? «Моторола». Старинная такая, с антенной.

– Раиль звонил, сказал, что мед послал мне, – говорит.

Димка рассмеялся.

...– Да помнишь ты. У нас такие сначала были. У меня ещё где-то дома лежит! – Димка опять рассмеялся. – Да. Действительно – дурак. Как я телефон-то сразу-то не заметил.

Он еще посмеялся и опять посмотрел на бутылку.

– Да-а-а! Я, – говорит, – изредка ему позваниваю. Если «Абонент недоступен...» – все нормально, значит. Ходит где-то по тайге. Ходит – значит, силы есть.

Вот старики дают!..

Димка опять засмеялся.

– Держит он этот бидончик-то и говорит так, как кому-то: «Увидели, увидели. Ах, какие молодцы. Увидели, что созрел. В самый раз взяли».

– Кто? – говорю ему.

– Малый народ – пчелы. Увидели зрелый нектар и успели взять. Вот Раиль и прислал. Тоже увидел, что нектар зрелый.

– Как это, – говорю, – увидели? Пчелы-то ведь по нюху летают. А он: «Это вы, мужики, по нюху летаете. А пчелы видят нектар.

Посмотрите – где у них нос-то? Глаза у них. Видят они то, что мы не видим. Мог бы и сам догадаться. Темные вы все. «Медведь меня увидел!» Да медведь дальше носа и не видит. Могли бы сами догадаться. Посмотрите на глаза его – поймете.

Вот он, да, нюхом берет! Почему и на лапы встает на задние – верховой нюх-то у него. И башкой поэтому крутит. Видел нос-то у него? Как двустволка длиннющий. Он этим носом тебя выцелит, как из пистолета. Как в обеих ноздрях одинаково – ты тут и есть. А только потом фокус на тебя наводит глазами-то. А уж наведет резкость – тут ты и есть. Ну, не ты, конечно, а тот, кто попал в фокус».

...Чё, правда? А похоже. Помнишь, они, как радар – «Ли́ра», башкой всегда крутят. Похоже. Вот. Потом ещё про что-то говорили. А потом он и спрашивает: «Пацана-то как назвали?» А я ведь ничего не говорил, что внук-то у Серёги. Ничего. «Тимофей – Тимка», – говорю. А он так сидит и говорит: «Фы, фы, ры, ры, ш, ш, ш». И так несколько раз и слушает, вроде.

А потом говорит: «Поблагодари Сергея за мед и скажи ему, что бросит Тимофей мать, а мать через три года девку родит. Или пусть Сашу перестанут звать «Сашей». «Александра» – куда ни шло. В Сергея внук у него. Только он, дед, справится с ним. Боец будет. Сами так захотели. Грустить не даст».

– А как это? – говорю.

– Доминирующая частота у него в имени.

Как не складывай – его верх будет. В два раза сильнее деда будет. Но побег от корня. «Ф» к тому же, как две «Р». Ну, это-то неважно. Хотя тоже... Надо два «ф» писать, чтоб нейтрализовать силу-то. Подряд два «ф» – тогда как-то ещё уберечься можно.

Надо будет Сереге передать. Передать?

– Передай, – говорю.

...– А потом... А потом вообще... Не поверишь. Давай что-нибудь пожужим, а? Потом просто крышу снесет.

Мы посидели, поболтали о том, о сем. Димка немного пообмяк.

...– А мне ведь интересно всё. Я его и спрашиваю: «А как это у тебя получилось-то, что девка родила? Ведь врачи ничего понять не смогли. Не могла, не могла, а тут сразу раз – и пацан. Ещё и девка, говоришь, будет».

Он мне и говорит: «Это не я. Это вы сделали. Пока здесь у меня жили, все и сделали».

– Как это? – говорю.

А он: «Девка, как все девки.

Они ведь почему родить не могут – нутро боится за дитя. Вот и не рожают. Если только нутро безалаберное, наплевать на дите – родит. А если нутро серьезное – ему уверенность нужна, что с дитем все хорошо будет. Спокойствие, вера и уверенность. Вот она тут с вами пожила, посмотрела на вас, подумала, что «есть же мужики на свете», успокоилась, тайга силу дала, опять же вода очистила. Силу-уверенность в себе девка почувствовала.

А в люди вышла – мужики-то сразу силу носом чуют. Они к ней. А у неё еще больше уверенности. А мужики ещё сильнее к ней. А у неё выбор уже. Вот так где-то дети и рождаются.

Белка даже не рожает, если урожай не будет».

– А как белка-то знает, что урожай будет? – я ему.
– Как? Кедр говорит. Говорит, что отдохнул, что рожать будет. Он-то тоже заинтересован в детях своих. А белка и кедровка в своих – первые помощники ему.

– Так значит, – я ему говорю, – у нас население падает из-за того, что девки не уверены в завтрашнем дне, что ли?

– Девки не уверены в мужиках, а не в завтрашнем дне. Трусы мужики. А от трусов рожать – нутро противится. Ей защитник по жизни нужен, а не нахлебник. Понял?

– Понял, – говорю. – Ну, и где тут «крышу сносит»? – спрашиваю я.

– А крышу-то?.. Мне же интересно – раз момент есть. Я его и спрашиваю: «А вот в стране что и как будет?» А он и говорит: «Ты что и где видел, чтоб со временем было лучше?»

Вот телефон висит. Здесь ни один не принимает и не передает, кроме старых. А почему? А потому, что его чувствительность в десять раз выше новых. А почему? А потому, что тогда нужда была – станций-ретрансляторов было мало. Стало много – нужда отпала.

Вот паровоз! Думаешь, смогут сделать паровоз сейчас? Нет! А почему? А потому, что нужда в простоте отпала. Сделают что-то, но это не будет паровозом. Может, даже не поедет. В принципе, знают все, как паровоз делать, а сделать не смогут. Что-нибудь где-нибудь так намудрят, что не поедет. Без компьютера не поедет. Так и с государством вашим. Лучше оно никак не будет. Энтропия, брат.

...Так и сказал – «энтропия». Ты понял – Чухпелек сказал: «Энтропия!»

Я промолчал.

– Я ему и говорю, – продолжал Димка, – я про государство! Вот все вспоминают СССР. Помнишь?

А он мне: «Я как раньше картошку сажал, да от кабанов её берег, так и сейчас сажаю. Как у меня раньше на скалах никто краской ничего не писал, так и сейчас не пишут.

Только вот людишки паскуднее пошли. Но стали пропадать иногда. Тайга. Вот недавно бутылок набили... пропали потом куда-то. Искали – не нашли. Но тебе это неинтересно ...»

Ты понял – «неинтересно». А сам так ... – Димка боднул воздух.

–А я опять: «Так как будет-то? СССР все вспоминают». А он и говорит: «Название – это оболочка. Суть в начинке. Вот я скажу – «пирог с черникой». Ты же не пирог представляешь, а чернику.

И пироги все отличаются лишь начинкой. А начинка осталась прежней, так что – как ни назови. Погнила немного начинка, а суть-то не изменилась».

Не понял я ничего и опять: «Так как будет-то?»

А он так долго смотрит на меня, – Димка раздвинул уголки глаз, – а потом и говорит. Вот слушай ...

Говорит: «Как бы это тебе по-простому объяснить? Вот есть, например, компьютер», – и смотрит в угол. А я смотрю, а там стоит компьютер, только ящик выше в два раза, чем у тебя, и толще, а экран, как телевизор у меня, в полстены. И на ящике какие-то огоньки разноцветные, и понимаю я, что, вроде как, он работает, а на экране-то нет ничего.

... «Вот компьютером управляет система, называется она ДОС. Все программы, с которыми работает пользователь, работают с железом ящика через неё. Идеальный случай – это когда «под железо» своя ДОС и своя оболочка, но ...

А оболочки – это для удобства обращения к той или иной программе. Вот, – говорит, – у меня раньше стояла «СССР 1.0 билд 1980». Теперь непонятно что – «хР», а программы всё те же.

Ну, заменю я эту оболочку и поставлю «СССР 2.0 билд 2012»? Программы останутся те же? Те же! Будут они работать под новой оболочкой? Не знаю.

А вот то, что кодеков аудио и видео может не быть под неё – это точно. Ну, и зачем вам компьютер тогда? А тем более – «оболочка» в нем? Вам же только от него и надо, что видео и аудио. А если ещё и «опера» под ней не будет работать? О-о-о! Зачем тогда это надо? Без Интернета как?»

И сморит в окно. Я туда глянул, а там «тарелка» на земле стоит метра три в диаметре. Метра три – не меньше. А что такое кодек-то?

– Давай дальше. Это... это кино по компьютеру смотреть и музыку слушать, – говорю я.

– А телевизор тогда зачем? – Димка затормозил.

– Ну... тут, понимаешь, когда ты телевизор смотришь, то, вроде, смотришь, что тебе показывают, а когда компьютер, то, вроде, сам выбираешь.

...– Хрень какая-то! – Димка опешил, – ...и что, кто-то думает, что если он смотрит компьютер, то там никто для него уже не выбрал, что смотреть? Не пережевал, что ли?

Он был в недоумении.

– Ну, считают так люди, пусть считают. Тебе-то что? Давай дальше, – я ждал продолжения.

– ... И всё! Ты меня сбил. ...

...И правда, что есть люди, которые считают, что кем-то представленная тебе информация ещё не жевалась другим кем-то? – Димка потянулся к бутылке.

– Да, разные люди есть. Тебе-то что? «Держись за кедр, за землю», – тебе же старик сказал.

– Это он тебе сказал, – обиделся Димка и поставил уже пустую рюмку.

– Ну, и дальше что? – настаивал я, ставя свою пустую рюмку рядом с его, явно намекая ему на то, что он не один здесь.

...– А что дальше? Дальше пошел он провожать меня. Мед я отдал, ехать надо было, пока светло. С собаками он вышел.

...А я залез, завел, послушал – оба движка работают нормально. Не «рычал» – собак пугать не хотелось.

Только вот когда подошел, смотрю – люк справа открыт. Заглянул – снега нет. Кто его открывал? Закрыл. Собака какая-то ещё выла. Эти три стояли – молчали. Огляделся – никого. Сел. Подумал: «Наворочаю сейчас здесь!..» Задом сдал по колее до сгорка, там назад, потом вперед, и домой.

Отъехал и думаю: «А откуда у Чухпелека свет?» Я же точно помню, что розетка была, а в ней зарядка. И на компьютере огоньки мигали. Разноцветные.

...Никому ничего не передавал. Ничего не сказал. Только вот Сереге и с тобой, вишь, поговорил. Никому – ничего. Что-то, правда, ещё говорили ... Ты тут влез с этим кино на компьютерах. Сбил меня.

...Слушай, давай, я в магазин схожу, а то тут это кофе... Скоро сердце вылетит от него.

А я возьму минералки, еще чего-нибудь. Хавнуть посмотрю там, а? – Димка посмотрел на пустые рюмки.

– Давай! А я пока твою притчу запишу. Ты где её взял? Может, слышал где? – спросил я.

– А где я мог слышать её без вас? Где я бываю-то? С вами да со своими. Рюмку ночью выпил, так надулись все, ткни пальцем – лопнут.

Вон Серега с внуком скоро будет за бабочками бегать. А тут... Видел в Новый год рожу-то у Сереги? Довольная. Так и внук еще ему.

...Какая еще им уверенность нужна? Тянули их, тянули... – Димка похлопал себя по груди.
– Хэ-хэ. ...Слушай, а как должно быть? Хэ-хэ, – он посмотрел на меня.
– Нормально у тебя всё! В плечи и лопатки идет? Не в живот?
– Хэ-хэ, – Димка опять постучал. – Вроде где-то за ключицей отдается.
– Нормально. За ключицей – это от ранения у тебя, – успокоил я его.
– Так за правой же!
– Слушай, иди, а?
... А потом мы просто сидели. Думали о наших детях, говорили о них. Ругали. Успокаивали друг друга, убеждая, что всё будет хорошо.

Мой сосед Бендриков

Будь проклят свет этот!

Хотел сегодня поваляться подольше – не получилось.

С утра в дом ввалился Бендриков. У нас в деревне все соседи. Бендрикова вообще-то зовут Александром, но он просит, чтоб его звали Карл. Перед ним в комнату проскользнул Полкан. Полкан мохнатым червяком протиснулся ко мне здороваться, требуя внимания и высказывая глубокое почтение и радость от встречи со мной.

Полкана описать невозможно, его надо видеть. Его фото я уже не раз рассылал по просьбе Карла каким-то абонентам, но ни разу не получил ответа.

Если представить таксу, только длиннее, а ноги – чуть покороче, и все это покрыть шерстью, которая доходит до пола. Представить два уха, за которые «это» постоянно запинается. Убрав у «этого» хвост, то это будет примерно Полкан.

Надо еще представить цвет. Цвет был от белого до голубого с переходом через серый и коричневый. Притом шерсть была собрана в какие-то то ли сосульки, то ли косички, равномерно покрывающие все тело и закрывающие глаза.

При всей нелепости этого создания следует отметить, что деревенские собаки его боялись. А некоторые просто обегали Полкана по другой стороне улицы, отвернув морду.

Из друзей у него были только сам Бендриков и я.

...– Ты сегодня как спал? – Карл сел напротив меня.

– Да, откровенно, никак. Еще не понял. Лег поздно, – я вылез из-под одеяла и стал одеваться.

В доме было прохладно.

– Холодно? – я спросил Карла, накидывая на себя полушубок.

– А то! – Карл возился у плиты, ставя чайник.

На улице, действительно, было холодно. Набрав побольше дров, я вернулся домой.

– Сейчас! Сейчас тепло будет... Да, Полкан? – я растопил печку.

– А я вот плохо. Ужас как... Проснулся – состояние... знаешь, как будто детский сад в тихий час гранатами забросал. И страшно... Почему-то представилось мне, что я один на Земле остался. Вот, понимаешь, один. Один – и больше никого. Хорошо, что вот его увидел, – Карл кивнул на Полкана. – А то бы не знаю как... Я сразу к тебе – проверить, если кто ещё живой в мире-то. Даже чая не попил. Сразу к тебе. Ужас как плохо.

Карл налил кофе, подсел к столу.

– Понимаешь! Я ведь знаю, что такие сны неспроста. Плохие сны. Очень. За такими снами жди «белочку». А белочка... Она раз придет, два, а тут и друг её нагрят... Плохие сны.

– Что за друг-то? – я спросил, понимая, про какую белочку говорит Бендриков.

– ... Друг её – писец. Ты обратил внимание, как они хвостами и цветом похожи? Оба серо-голубые! Наглые! Особенно писец. Глаза пустые. Ух!.. – Карл передернул плечами. Полкан перешел поближе к печке.

– Так что приснилось-то? – я налил себе кофе и сел рядом.

– А я знаю? Говорю же тебе, что-то такое... что и не рассказать и не вспомнить, – Карл покрутил ладонью, как будто вкручивал-выкручивал лампочку.

Всё было ясно! Я встал и подошел к компьютеру. Спать уже не придется.

– Стой, не включай! А? – Карл даже привстал.

– Я же тебе недорассказал, – он опять опустился на табуретку. – Утром-то знаешь, что я вспомнил?

Года три не вспоминал, а тут – во всех подробностях. Как будто вчера было. Помнишь, я к Галке – сеструхе года два назад ездил? Ты тогда еще за Полканом и домом приглядывал. Так вот!

...Собрались мы по грибы тогда.

Генка – её мужик – «поедем и поедем». Вот мы от Шуи через Дунилово и по лесу к Родникам, значит, и поехали. Грибов-то набрали, да плутанули немного.

Выскочили на какое-то поле. А за полем – деревня. Стоим, смотрим на деревню. Галка сразу по опушке пошла. Там белые, как всегда, подосиновики... Мы с Генкой стоим.

Мне так вообще уже все надоело.

Смотрим – машина по деревне едет. Ну, раз машина, значит, и дорога есть. «Давай, – говорю Генке, – туда. Там разберемся».

...А стоим мы на косогорчике. А поле так вниз к деревне скатывается и не видно, что там внизу. Может, овраг, может, ручей. Но поехали. И так мы бочком-бочком через поле к деревне и выехали.

Подъехали к дому, к которому машина-то припылила. Вышли. Собака тут на нас сразу глотку драть... Хозяин-то её приструнил. Ну, мы с ним – то да сё... Оказалось, что дорога от деревни нормальная прямо на Родники выходит.

Город у них там Родники. Прямо так и называется. Генка говорит, прямо в городе родники бьют, поэтому и назвали. Не знаю, большой – маленький. Мы в него не заезжали.

Ну вот. Пока мы разговаривали-то с хозяином, хозяйка вышла. Плачет. Мы глазами-то на неё хозяину показываем. Вроде, может, помощь нужна? Он головой так помотал и рукой махнул. Вроде – «а, чё там...»

И рассказал нам.

...У них там, в Родниках, библиотеку закрыли. Помещение вроде как под кафе кому-то понадобилось. Библиотеку-то закрыли, людей-то выгнали, а книги куда?.. Вот их начальство-то и решило – сжечь, значит, книги-то!..

Комиссию составили. А перед тем, как сжечь – обложки, значит, отрывать бывших библиотекарей поставили. А те – в никакую... Как там было, не знаю! Но им велели, чтоб, значит, книг в помещении не было... Те – к людям... «Заберите», мол, «книги к себе...»

А народу не надо... Ну, может, что и взяли себе, так это же библиотека... Не одна-две книжки...

Ну вот, значит, хозяин-то со своей и решили их сюда в деревню перевезти... А в доме-то их куда? Хозяин-то нам и говорит: «Придем туда. Она сядет и ревет... Никак не может выбрать, кого с собой взять, кого оставить... Я ей и сказал: «Забирай всех, кто на тебя смотрит!»

Вот и ездят туда-сюда. Нам говорит: «Возьмите хоть вы сколько-нибудь...» А мне куда? А Галке с Генкой? Они сами-то в одной комнате, в другой Ольга с мужем и с малым... В большой у них телевизор, там стол, сервант... Тоже куда?

Ну вот, мы постояли. Молчим. А что тут скажешь? Хозяин-то понимает, головой качнул, вроде как – «понятно!» Тут хозяйка вышла. Зареванная.

Знаешь, сил ведь нет, когда бабы плачут!.. Тоже все поняла и громко так говорит: «Да скорее бы, что ли, конец этому свету пришел!..» Хозяин ей: «Ты что, мать-то, говоришь?.. Да еще при людях!»

А она: «Да я не про это ...» – и рукой так по небу провела. – «Я,» – говорит, – «про него, проклятого...» – и на столбы так рукой. Знаешь, как вот в русских танцах. Вот так от сердца и направо...

Жутко стало мне тогда.

...Вот ведь не вспоминал, а тут сегодня вспомнил. «Будьте, – говорит, – вы прокляты!.. Эти компьютеры, телефоны, телевизоры... Выхолостили, – говорит, – народ! Опустошили! Ведь книжка – это ведь зеркало, родничок.

...Откроет человек, окунется в душу свою, поправит что-то там, поглядит на себя... Руки вынет, посмотрит, как там, на руках, капельки чистые?.. Вдохнет, чем пахнет. Лесом ли? Небом ли? Или, – говорит, – ещё чем?.. Как же можно так, люди! – и опять плакать.

...Во, брат, как! Во что утром-то вспомнил!

Карл замолк: «Страшное дело, брат! Ужас!»

...Я всё представил, и мне тоже стало не по себе.

Посидели. Помолчали.

– Ну, ладно! Пойду я! Полкана, опять же, кормить надо! – Карл встал. Полкан тоже поднялся и подошел к нему.

– Может, денег надо?.. Там... – я смотрел на Карла.

– Не-е-е! Ну, её, водку эту! Водка, да еще телек на закуску... Точно белка придет!

А ведь белка-то... Один раз, другой... А потом и... писец.
...Пойдем, Полкан. Попозже, может, зайду... Сам-то дома будешь?

– Буду. Работы много, – я посмотрел на компьютер.
– Ну, ну!.. – Карл посмотрел на него тоже.
– Пойдем, Полкан. Снег почистим. Да нам тоже печку топить пора...
...Вроде не одни мы с тобой-то на белом свете, слава Богу...

Художнику было страшно

Вечером зашел Бендриков – Карл. Сосед. Зашел – сел. Карл заходит в двух случаях: первый – занять денег, значит, уйдет сразу, независимо от того, получил или нет. Второй – где-то занял уже, израсходовал – значит, посидеть, поговорить.

Вариант был второй.

– Чё, дома? Снегу насыпало, а ты не чистишь? Ждешь, когда лопату сломаешь, а потом её чинить будешь? Дорогу тоже сегодня чистить не будут, поэтому никуда не поехал? А тебе это надо – в город мотаться, бензин жечь? Подорожал бензин на сколько?

Карл до «этого» был психотерапевтом, но «хороший врач любить людей не может ...» поэтому он и уехал от них в деревню.

– Просто сижу, – стараюсь увести разговор от себя.

– Оно понятно.

...Строили им строили... Асуанскую плотину-то, а они вон что... Вот удумали... – Карл пересел поближе. – Я говорю – строили Насеру плотину-то, строили ...

– Вот посмотри на картину – что скажешь? – я ткнул носом в монитор.

Карл застыл, как спаниель, даже рука с сигаретой застыла у плеча.

– Да... В чужом глазу – соринку легче сыскать...

– Расшифруй, – я тоже закурил.

Карл смотрел на картину, на которой были изображены глаза, смотрящие сквозь кресты и свечи на тебя, а сам ты был в мире весны и одуванчиков, но сверху уже падала осень, зима.

– Нормальный парень! – выдохнул Карл.

– Кто?.. – я не мог понять, про кого он говорит.

– Любой! Хоть тот, хоть этот, – Карл чуть не прожег монитор сигаретой.

– А «тот» – это кто?

– Ну, тут сложно сказать. Понимаешь, там ведь еще и девица есть. Длинноногая такая. Так что «тот» – это не только тот, кто это рисовал, но и «эта», которая с волосами длинными.

– С какими волосами, – я смотрел на Карла, явно намекая ему всем своим взглядом, что он перебрал, поскольку на картине кроме чьих-то глаз никого не было.

– Ну, кто-то же рисовал? – Карл смотрел на меня.

– Автор.

– Вот ... автор! А автор – это не только голова и руки, а еще и окружающий его мир. То, что рядом, что волнует... А рядом с ним девчонка красивая. Длинноногая, длинноволосая. И он живет как бы в двух мирах. Они пересеклись, и вот... «этот»... – Карл опять ткнул сигаретой в монитор.

...Мы сидели, оба глядя в монитор.

Я подумал: «А почему бы и не быть девчонке рядом с художником?»

– Поженятся? – я посмотрел на Карла.

– Потом!

– Когда «потом»?

– Долго все рассказывать... – Карл посмотрел на меня и добавил. – Дилетантам!

– Так картина «Страх» называется, – я обиделся.

– Да хоть как... Ты спросил: «Что скажешь?» Я сказал.

– Так – «Страх» же?

– Страх...

Ты сам-то его помнишь ведь! Как можно страх нарисовать? Крест, что ли? Могилки что ли? Да сейчас у каждого второго крест на груди. Страшно? Страх не рассказать... или сам не захочешь.

Или не знаешь? Исподнее чё, не стирал никогда? А спросишь тебя... – «Не знаю, как-то само так получилось...»

– Может, по рюмке? – я вспомнил первый бой под Кандагаром.

– Ты, брат, серьезный разговор затеял. А рюмку?.. Составлю тебе компанию.

Ты видишь, как веки-то? «Этот» себе рот закрывает, чтоб не кричать. Вот кожу и стянул. А раз закрывает, значит, ображает, что кричать хочет. Значит, башка-то, работает! Башка-то работает... Раз башка работает, то сообразит, что к чему...

Эта длинноногая поможет. Да вон слева светает уже...

Я посмотрел на картину. В дальнем углу справа действительно ночь была посветлее.

Мы выпили. Сидели, смотрели на монитор.

...– Ты спросил – я сказал. В чужом глазу соринку-то... Вот автор и гляделся, как в зеркало... Разглядывал... – Карл выразительно посмотрел на пустые рюмки.

– Много будет.

– Да где тут много будет! Завел меня! Сам спрашивает, потом сам спорит... Потом за всех решает, много им или мало... Да лей ты по-человечески... Для чего края-то у рюмок?

Выпили. Я смотрел на «этого» и думал: «Правда не так уж у него и плохи дела. Страшно, но головы-то не теряет. Оправится.

– А это... – я не знал, что сказать.

– Вот и молчи... дилетант.

Разлили остатки, я убрал бутылку под стол. Посидели.

...– У меня дед как-то клад копал. Ночью, – начал Карл. – А клады-то всегда надо ночью копать, дня-то нет у людей. Днем-то на работе. Мальчишкой дед-то был еще. В Сивой Балке копал. Почти у воды. Утром хватились его – нет нигде. Стали искать. Нашли. Стоит с лопатой, на воду смотрит. Глаза открыты. Принесли домой, обмыли. Два дня с открытыми глазами лежал. Пока прабабка, значит, моя на прапрадеда как не заорет: «Делай что-нибудь, черт сивый, помрет пацан-то...». Дед от крика и пришел в себя, – Карл замолк. – А может, от того, что прабабка черта помянула?..

...Пойду я домой. Снег-то все идет. Или как?

– Да посиди. Навел тут страху ...

– А чё так-то сидеть? Я вон тебе про Египет, а ты...

– Да ладно! – я достал еще бутылку. – А дед-то потом нормально... Все нормально было-то?

– Я же есть на свете... Нормально.

– Так говоришь – поженятся? Давай за них.

Посидели.

...– А куда им деваться-то? Не сиротой же пацану расти?

– Какому пацану?

– Ихнему... – Карл махнул головой на монитор.

Я с удивлением смотрел на Карла.

– Да, за пацанов бояться надо... Дурные они, пока сами отцами не станут... – добавил он, беря бутылку в руку.

За окном тарахтел трактор.

– Вот как завтра мне ехать?.. – подумал я, глядя то на стол, то на Карла.

Видел я... инопланетян-то...

– Тут вы все про инопланетян. Про полеты от планеты к планете. Про чудищ разных. Про ад космоса. Путешественники... – стал наставлять меня, хитро прищурившись, уму-разуму Бендриков, сосед по огороду, помнивший если не тысячи, то уж сотни, точно, баек и анекдотов.

Полкан прилёт, приготовившись не в первый раз, видимо, слушать эту историю.

– Видел я их. Помню я встречу-то с инопланетянином. В шестидесятых годах дело было. Тогда много космонавтов летало. Наши, американцы. О космосе много говорили.

...И вот сначала в сельсовете, а потом и председатель собрали всех и предупредили, что мало ли что... Если вдруг увидите там американца или инопланетянина, то не в дреколье, по голове не бить, а попытайтесь контакт установить и будьте вежливыми.

...Я однажды пошел косить. Утро такое хорошее. Тепло. Туман только в кустах да в низинках. Дошел. Кошу.

Вдруг вижу, из леса на опушку выходит... Метра три ростом... Зеленый... Голова, как ведро. Н-е-е-ет! Куда там, – как полтора ведра... Глаз нету. Рта, носа там, ушей – тоже нету. Увидел меня, встал и переминается с ноги на ногу.

Я тоже встал. Он увидел, что я увидел его, а я увидел, что он увидел меня. Стоим, молчим. Я косу-то поближе к себе и острием-то в его сторону так медленно поворачиваю, а косу вроде как наизготовку беру. Пальцами. Медленно так.

Молчим оба.

Я косу перехватил, он вроде как дёрнулся. Стоим. Тут ветерком подуло, смотрю, а у него в руке... нож!

А сам стоит на взгорочке и сверху вниз на меня смотрит. Ну, думаю: «Я у себя дома, мне и ответ держать».

Поправил косу поближе к себе и говорю ему, руками-то показываю, а самого трясёт: «Я – косарь. Кошу траву. Вот – я. Вот – коса... Коси коса, пока роса... Раззудись, плечо добра молодца...»

Молчит. Я тоже молчу. Стоим.

Я опять: «Я – косарь, кошу траву. Это коса. Это – я. Это – трава. Там корова. Молоко. Белое. Зима. Ав! Ав! Му! Му! Зима. Снег. Холодно. Есть нечего».

Молчит.

Втолковываю ему: «Я – косарь, кошу траву. Это – я. Это – коса. Там корова. Молоко. Всё бело. Зима холодно. Дым трубой. Есть надо. Му! Му! Ав! Ав!»

Этот топтаться перестал. Пообмяк вроде и говорит: «А я – грибник. Грибы резал. Ам! Ам! Живот. Плохо. Нужда. Там – лес. Комаров много. Тут – поле. Комаров мало. Здесь накомарник. Здесь нет, – показывает на штаны. Хотел... Да, теперь, – ладно уж...».

Бендриков засмеялся, довольный собой.

Вроде как про лошадь Пржевальского!

– Я буду спать сегодня у тебя! – зашел Карл.

Ни тебе «здравствуй», ни «прощай». Сел около печки.

Полкан виновато прошелся по комнате и лег рядом со мной, демонстрируя всем своим видом то, что он не поддерживает ни поступок, ни намерения, ни слова Бендрикова. А также давая мне понять, что к сегодняшним событиям он не имеет никакого отношения.

– Где? – я развернулся к Карлу.

– В бане.

– Холодно, замерзнешь.

– Я с Полканом.

– Полкан, ты пойдёшь с ним?

Я посмотрел на Полкана. Полкан положил голову на лапы, давая понять, что он пойдет с ним куда угодно.

– А что не дома? – не получив поддержки от Полкана, я повернулся к Бендрикову.

– Надоели все!

– Кто?

– Все!

– Когда?

– Вчера. Вчера узнал, что лошадей Прж.ж.жвальского больше нет нигде... уже!

– Ну, уж и нет?! Гоби – большая территория! Есть!

– Думаешь?

– А то!..

– Хорошо бы!

Полкан поднял голову и повернулся ко мне, желая проверить, насколько я прав. Было видно, что по проблеме лошади Пржевальского Полкан владел ситуацией лучше меня.

– А то!.. – подтвердил я и ему.

Полкан повернул голову в сторону Карла, ожидая теперь от него каких-то аргументов.

Я тоже посмотрел туда же, ожидая хоть какого-то объяснения.

Бендриков смотрел на нас, наслаждаясь нашим вниманием и приводя мысли в порядок.

– Китай! – он поднял палец. – В Китае сепаратисты съели всех наших – лошадей Пр... Прж.ж.жвальского после войны! Вот!..

Мы переглянулись с Полканом и решили не мешать.

– В Джунгарии съели. Всех!

Мне надо было отстаивать нашу с Полканом точку зрения, и я не выдержал.

– Такого не может быть!

И добавил аргумент Валерки Славнова – «Потому что не может быть никогда!»

Аргумент – это кулак перед носом противника в споре, действовал.

– Думаешь?! – теперь Бендриков спрашивал Полкана, надеясь на его честность и уверенный, как и я, в том, что уж кто-кто, а Полкан не даст соврать.

Полкан сделал вид, что его не понял.

...– А ты знаешь, что собаки в войну уничтожили более трехсот танков? Дивизия! Целую танковую дивизию!!! – Карл решил подлизаться к Полкану.

Я видел, что говорил он, вроде, как мне, но явно ища поддержки и вызывая на участие в разговоре Полкана.

– А в 43 году запретили использовать собак на фронте для подрыва танков. Вот! Полегче стало на фронте-то!

А на параде Победы отдельным подразделением шли собаки с кинологами. Собаки-санитары, собаки-минёры, собаки-подрывники, собаки-связисты... Ну, не одни, конечно, шли! Людей с собою взяли!..

...Он все-таки решил, что с Полканом надо как-то устанавливать дружеские связи, но почему-то против меня...

Полкан на провокацию не поддался. Голову не поднял.

...– А Сталин, возможно, сын Пржевальского! Вот!

Полкан поднял голову, поскольку эта тема, видимо, ему была нова, он так же, как и я, не владел ею.

Бендриков! О!.. Он сразу понял, что мы не владеем ситуацией!
И сразу в атаку!

– Не знаете?! А туда же!.. Туда же!.. Только и горазды рассуждать о других! «Почему картошку не сажаешь? Почему картошку не сажаешь?»

Мы спокойно смотрели на него, размышляя – «сколько у нас времени до прекращения обсуждения персоналий и возвращению к теме лошади Пржевальского».

Это я виноват! Я посадил картошку раньше, поскольку планировал уехать на две недели в город. Полкан об этом знал. Знал об этом и Бендриков! Но...

...– А доказательства?.. – спросил он.

Карл замолчал, что-то вспоминая.

– Какие? – спросили мы.

Мы с Полканом давали возможность Карлу сформулировать мысль.

– Что лошади живы!

– Давай посмотрим! – я потянулся, чтоб включить компьютер.

– Оно мне не указ! Ты покажи мне её!

– Кого?

– Лошадь!

Полкан с удивлением посмотрел на него. Я на Полкана. Потом мы на Бендрикова. Потом на монитор.

– Вот видишь... Вот лошадь!.. Имеет 66 хромосом вместо 64-х... – я развернул монитор в его сторону.

Карл сел ближе к монитору.

– Вот видишь! Живут в зоне отчуждения в Чернобыле. На Украине! – продолжал я.

– Вот!.. Так и знал!.. Нашим лошадям уже и места нет на родине!

– Да окетись! Откуда нашим? Откуда Россия – родина лошади Пржевальского?!

– И ты туда же?! ... Пржевальский наш! Может, он отец Сталина?! А лошади его – не наши?!..

Карл смотрел на Полкана. Полкан был на его стороне!

– А ну посмотри, сколько у человека этих?.. – он опять посмотрел на монитор.

– Вот пишут, что у человека 46 хромосом!.. Потом вроде 48... потом опять 46! – я стал просматривать страничку.

...– Так и знал! Все хотят приблизиться к лошади Пржевальского, а не могут! – Карл хлопнул ладонью по колену. Полкан встал. – А у Полкана?

– У собак 78!

Бендриков уставился на Полкана.

Полкан выразительно смотрел на него, не мигая, чуть наклонив голову.

Мы все молчали.

...– Говоришь – «домой пойдём?!» Пойдем!

Вон как! С хромосомами-то у тебя... Не подкачал... Тебе оказывается виднее!

Бендриков встал, не отводя взгляда от Полкана. Встал и Полкан.

– Домой пойдём! Ну, её, твою баню!

Полкан говорит, что домой нам надо!

...Эх! Расстроили вы меня! Не рассказать! Некому послушать! Не-ко-му!.. Что за жизнь кругом?! Ни сочувствия! Ни поддержки! Нет такого, чтоб, значит, посочувствовать!

Нет, чтоб человеку не на морозе спать, сказать ему: «Да ты чё?! Оставайся, посидим!» Нет!

...Нет такого! Ни там! Ни среди соседей! Ничего им не интересно! Ни человек, ни лошадь! Эх, люди! Да, Полкан?! Только бы компьютеры им! Только бы с соседями не разговаривать...

– Да посидите вы! Куда собрались?! Рано ещё! Не за долами- то дом, успеете! – мне стало стыдно!

– Колет правда-то глаза?! Да мы-то не враги! Попросят– сделаем! Садись, Полкан! Попросят – посидим!

Замолчали все.

...– Ты чё звал-то нас? Чё там давеча про праздник-то говорил?

Карл сидел у печки. Рядом сидел Полкан. Оба вопросительно смотрели на меня.

Я виновато смотрел на них.

Как думаешь-то?

Утром, «не свет не заря», пришел Бендриков с Полканом.

– Смотрю – вчера весь день был на огороде! Выгляну – ходишь! Делаешь что-то! А я вот решил вчера не делать ничего сегодня и

вчера! Луна! Луна, говорю, не так стоит! С утра открыл календарь, смотрю, – делать в огороде ничего нельзя.

...Хорошая штука календарь-то! В аккурат, позволяет ничего не делать половину дней летом-то!

Раньше, бывало, как весна, так и до осени мать не даст с огорода вылезти. А сейчас! Вот он! Лунный календарик-то! Не моги против природы!.. Так-то вот!..

Хорошая штука! И тут подгадал так хорошо! День хороший – праздник, и делать ничего нельзя!.. Повезло!..

Полкан положив свою голову на лапы, привычно слушал, молча, своего хозяина.

Мы с ним переглянулись, и я решил принять его совет и, молча, сел к столу.

– Я помню, когда в институт поступил, нас на картошку послать решили. Я думал, – чокнусь! Я из деревни, а меня в неё же! Хоть руку руби себе, честно слово!

Полкан выразительно посмотрел на Карла.

– А я смотрю, – тебе нравится это дело! Весь день ходил ты по огороду-то!

...Оно конечно, когда человеку совсем делать нечего, то и по огороду походить можно!.. Не дома же сутками сидеть и ничего не делать?!

Я промолчал. Эти «психостучки» – так их называл он сам, на меня не действовали, поскольку я знал итог их и «точку цели», – он так это называл, и мне было просто интересно, – каким путем, через какие «тернии» сегодня, его изворотливый ум приведет Бендрикова к моему столу и буфету.

Как сегодня произойдёт то, что я сам достану его «точку»?

– Оно, конечно, свои продукты – свои и есть! Это вам не картошка из Израиля по сотне за килограмм. Притом ещё не известно на пользу ли она нам.

Или бананы!.. Вот скажи, – как могут быть полезны нам бананы? Где бананы – где мы? У нас ведь с ними не может быть ни одного звена в ДНК общего! Бананы! Они вон где! Там тигры! Обезьяны! Мы вот где! Мороз и картошка!

...Вот через обезьян может что-то к нам в ДНК и проскочило?..

Всё равно!.. Картошка!..

Да!.. Рано картошку-то сажать, календарь правильно говорит! Земля холодная ещё! Надо после дня Победы! Но не сразу! Дня три надо отдохнуть после праздников!..

...Он замолк. Мы с Полканом смотрели на него, давая ему собраться с мыслями.

Стало тихо. Я сидел, смотрел в окно и думал: «Зачем я вчера посадил целую грядку редиски? Послушался советчиков – «Потом редиску выдернешь, подкормишь, и 28 июня посадишь на этом месте редьку. Редьку сажай редко! Редька – редко! Через 28 сантиметров друг от друга, «нито уйдёт она от тебя стрелой!»

А теперь! Что с этой редиской делать? А ну, как вырастет?!..

Чудна жизнь! Чуть задержишься – «редиска от тебя в стрелу уйдет!» Чуть поспешишь – «редька убежит!»

– Ты, смотрю, сегодня уже на огород-то не пойдёшь?!.. Spина? Да? – встрепенулся Бендриков, видя, что я «тихой сапой» выбираюсь из-под его «песни сирен». – Оно может и правильно! Но подвигаться немного надо! Кровушка по спине походить должна? Должна! Походить надо! Я вот с утра решил, – похожу немножко! Подумал, – к тебе зайду! Мне-то в магазин надо, думаю, – «по дороге, если тебе, что надо захвачу и тебе!..» Мы с Полканом молчим, как и не слышим!

Карл с огорчением проводил неудачно брошенный камень, от которого не пошло ни одного круга в нашей с Полканом тишине.

–А если редька вырастет! Куда её столько? – думал я, предварительно сделав лицо человека, который добровольно подарил первому прохожему все свои сбережения и вспомнил об этом когда «того и видели».

– А ты вчера ни на что не обратил внимание? – Бендриков сделал паузу, а я вопросительно повернулся к нему. – Клещей на огороде-то не нацеплял?

..Ты знаешь, у нас тут, давно дело было, жил дед Митрофан! Старый был! В германском плену был в Первую мировую войну. Ты представляешь, пока был в плену – выучил немецкий язык! Да..! За этот язык его чуть в тридцатые не угнали «туда, куда Макар телят не гонял». Но обошлось!

Так вот он говорил, что настанет такое время, когда весь малый люд, он так называл всех, кто в его руке спрятаться мог, вот этот люд встанет на защиту своего дома.

Одни, значит, лес будут охранять. Другие речки, озёра. Ручейки там всякие.

А от кого охранять?! Вот!.. От человека!

..Лют он, человек-то, в своей тяге к убийству! Лют! А они, значит, не дадут! А как не дадут?! А очень просто!

Сам человек в лес-то не пойдет! Сам в воду не залезет! Сам полюшком не пойдёт! Сам! Страшно ему будет!

«И сгибнет он в трущобах каменных, на дне каменном, каменного колодца» - кого-то процитировал Карл и замолк.

– А жить-то как человеку? - не выдержал я.

– А зачем человеку жить? По кой хрен он на Земле-то нужен? Сам-то он знает? Чем он лучше других, которых убивает?

...Слушай, возьми у меня хрен в огороде, а? Весь угол зарос! А ты своим городским отдашь! С мясом-то хрен – хорошо! Возьми! У них-то там мяса в городе... о... завались!

Что у Матроскина гуталина!

Ведь весь огород заполонил, проклятый! А он под закусточку – ой, как хорош! Или вот, – огурцы солить!

– Понадобится, – у тебя возьму! – сказал я и подумал: «Всё-таки, разговорил он меня!»

– Лют человек-то! – Карл сидел, думая, чем это меня ещё можно подвинуть на застолье.

–...А.. а... а! Я ведь чё пришел-то к тебе?! Вот голова садовая! Ты же телек не смотришь!! - Бендриков подпрыгнул на месте.

– Американцы ликвидировали Осаму бен Ладена!.. Вот, чё я к тебе шел-то!.. Вот!..

...Оно правильно, религия должна объединять, а не врагов друг из друга делать! Но только, где же они все-то?

– Кто?

– Попы разных религий! Почему это опять всё должны делать, кто-то, а не они!

...Ну, вот, выдернешь этот хрен! А корни останутся! И опять весь огород зарастет! Тут копать глубоко надо! А если уж все равно копать, то может, что другое лучше копать-то? Или в другом месте-то? Не-е-е знаю! Может по рюмашке, а?

–...Всё-таки американцы большие на голову!.. Или у них уже готова своя новая фигура с которой опять будут бороться, стреляя по всему миру направо и налево. Сами взрастили – сами убили! Дурдом! Кто теперь у них следующий? Где? Наверняка где-нибудь на востоке или в Африке, – подумал я.

Бендриков замолк, глядя на меня. Полкан тоже смотрел на меня!

Я встал и пошел к буфету.

– А всё-таки, как ты думаешь? Вот клещи! Они, ладно, в лесу беспредельничать будут! А не двинутся ли они сюда к нам, – на

огороды? Ведь запросто могут! Придут и начнут здесь хозяйничать, опять меня загонять в город!
Нет уж! Хоть руку себе руби тогда! Во... бардак-то настанет!
Ни там тебе, ни тут! Так и научат жить с ними как-то!
...Я тебе немного, раз не хочешь!.. Так за компанию!..
Как ты думаешь, научимся мы с ними жить-то?..
Друг с другом не можем, хотя поговорить можем! А с этими!.. С ними же и не договоришься!
...Ведь такая маленькая пакость... А туда же!!! Считайся с ней!
..А им! Им легче договориться с вирусами там всякими... А тех-то – вообще никак к ногтю-то не сподобишь!..
...Сядут верхом на клещё-то, «шашки наголо» и вперёд! А если ещё какой нито «пакт о ненападении» с городскими клопами заключат?.. О!.. Им-то все эти танки Т-90, «Тополя» по... – Карл обвёл глазами потолок и, молча, махнул рукой. – Говорю, как думаешь-то? Выживем?
Полкан вопросительно посмотрел на меня.
– Надо где-то семена картошки ещё искать! – подумал я. – Карл! А у тебя картошечкой на семена разжиться можно?
Карл поставил бутылку под стол.
– А, и то!.. Давай я сейчас в магазин, а потом по пути зайду, куда надо, и принесу тебе ведра два. Пусть греется! А свои два ведра я тебе «за так» потом отдам! Потом отдам!
Ну, я пошёл?.. Это!.. Пусть Полкан тут у тебя побудет!
...Медленно стал он, понимаешь, ходить последнее время, почему-то! Нигде не успевает за мной!

Ничего не понял!

Жарко, душно, тоскливо. Всё бесит.
На мониторе мысли, как зрители в зрительном зале провинциального театра днём. Изредка то там, то тут появляются и тут же исчезают в мареве жары.
Тихо открылась дверь. Зашли Полкан и Карл.
Полкан прошел к печке и лёг, прижавшись к ней.
– Неужели печка прохладная? – мысль лениво прошла поперек головы. Этого хватило поднять меня со стула, подойти к печке и приложить к ней ладони.

– Топил, что ли? – Карл от удивления забыл не только то, что не поздоровался, но и забыл закрыть рот.

Я устало глядел на него, прижимаясь спиной к прохладной печке, и чувствовал, что мои глаза, и я вместе с ними можем позировать какому-нибудь молодому художнику в претворении его замысла в какой-нибудь картине, где есть спящая рыба.

Я медленно перевёл взгляд на Полкана...

Но Полкан, верный принципам дружбы с Карлом, не выразил ни удивления, ни порицания за подобный вопрос друга.

– Топил, – выдохнул я, вернулся и сел на стул.

Карл подошел к печке, к тому месту, где только что стоял я, и приложил к ней ладони.

– Теплая! – констатировал он,

– А мы вот, думаю... жарко, пересидим у тебя, – добавил он.

Карл прошел, сел в «свое» кресло и почему-то посмотрел на Полкана, как будто тот мог что-то добавить к сказанному.

Я смотрел на Карла, он на меня, Полкан в сторону от нас.

– ... Ты понял, что сказал? – глаза мои пока не изменили цвета, и поволока, как утренний туман, мешала разглядеть подробности на лице Карла.

– А что? Сказал-то что? – Карл поёрзал в кресле.

– Вот и я пытаюсь понять, что ты сказал. «...Мы вот, думаю...» – это даже пытаться понять не стоит.

«...жарко, пересидим у тебя...» – это ещё как-то можно разрулить. Но я думаю, что в голове заглохнет, если пытаться понять, почему тебя тянет в такую погоду ко мне, если у меня жарко.

«...пересидим...» – это сначала объясни Полкану. Если сам поймёшь половину сказанного тобой, можешь начинать объяснять мне, – я смотрел на Карла, одновременно пытаюсь вспомнить, что ещё было в сказанном Карлом «не так».

Вдруг я понял – было «посидим», а Полкан лежал!

Изображение Карла стало чётче, видимо, поволока с глаз моих стала сходить.

...– Ты не топил печку! Я сразу понял! – Карл повернулся в кресле, и ему стало удобнее.

Светлая, возможно, когда-то белая, рубашка с коричневыми кирпичиками была расстегнута до пупа. Прилипнуть к груди ей не давала могучая, курчавая с сединой поросль, начинающаяся чуть ниже подбородка и уходящая куда-то вниз.

– Ты на речку купаться не ходил?! – с надеждой то ли спросил, то ли утверждал Карл.

– Ходил! Два раза! – ядовито-мстительно, не давая никаких ни на что надежд гостям, тихо произнёс я. – Вообще-то от солнечного удара не заговариваются. Просто падают, а в глазах «синенькие-зелёные» ... и молчат. Молчат, кстати! – добавил я.

Карл выдержал удар. Поймал мой «камень», взвесил на руке и отправил обратно.

– Ты всё понял! А придуряешься! – добавил он вслед «камню».

– Я всё понял, потому что знаю тебя и вижу четыре раза в два дня, а другие не поняли бы! – я поймал его «камень» следом ещё один, брошенные в меня, и сложил к своим ногам в знак примирения.

– Три плюс один! Цикл: три, один, три, один, – Карл смотрел в потолок.

– Какой цикл? – я уже хорошо видел Карла.

Полкан смотрел на Карла с явной поддержкой.

– Ну, «четыре раза в два дня». Если каждый день по два раза, то ты бы должен был сказать: «Я тебя вижу каждый день по два раза». Либо – «через день по четыре раза». Ты сказал – «четыре раза за два дня», а это цикл: три, один, три...

Ты это правильно сказал, так короче. Но правильнее было бы сказать – «Я тебя вижу в один день – три раза, в следующий – один, а в следующий день – опять три раза...». Так правильно и всем понятно!

–...С этим – согласен! А «...мы вот, думаю...»? – я глядел уже на них обоих.

– Согласен! Неправильно! Правильно было бы сказать – «Мы с Полканом шли. Я подумал...» Так правильнее.

...Но тоже неправильно, поскольку не ясно, откуда и куда мы шли с Полканом.

Если скрыть от тебя истину, то правильно было бы – «Мы гуляли с Полканом». Но это тоже неправда, поскольку в такую жару гуляют только идиоты! Правильнее было бы – «Мы сидели у себя дома, а потом решили пойти к тебе».

...А ты что заведенный-то такой?

– Изучаю Человека.

– Пустое дело. Никчемное, ненужное, да и неблагодарное. Ибо понятие «Человек» отсутствует.

Если хочешь что-то понять, то ты должен говорить о конкретном человеке, помня всегда, что и он – целый мир, а, значит, непознаваем.

– Это у тебя откуда? – мне показалось, что он прав.

– Вообще-то это близко к Софоклу. А так, с тех времен, когда я служил Гиппократу.

...Ты же знаешь, потом ушел в отставку без содержания и довольствия. Неблагодарная служба. Это плата за то, что нельзя вмешиваться в законы естественного отбора. Нельзя, мой друг.

Человечество – просто популяция млекопитающих. С обезьянами у них один общий предок, законы естественного отбора увели одних налево, других – направо. Но кольцо вроде сжимается.

И всё! Изучай лучше обезьян.

Опять же, все твои выводы будут действительны лишь для одной особи, либо для очень малой группы особей. Глядя на Полкана, ты же не делаешь выводов обо всех собаках! Оставь пустое дело.

...А конкретно, что задело тебя?

– Да вот читал вчера. Парнишка пишет что-то «за жизнь». Язык во рту не умещается, кое-какие мысли «проглотил», какие-то не «дожевал», но суть не в этом. Другой его читает и пишет ему – «Ничего не понял! Непонятно и неправильно написано!»

А я думаю: «Почему же «неправильно», если ты не понял ничего?»

Потом этот другой читает у зрелого и маститого: «Сила, т.е. характеристика взаимодействия становится действующей сущностью вместо физического тела, лишь при наличии её...» и идёт дальше, но уже не оставляя своего комментария – «Ничего не понял!»

Вот я и думаю: «Он пошел дальше, потому что всё понял? Или побоялся оставить свое мнение, боясь получить в ответ – «иди ты дальше, не для тебя писано!»?»

– Тут просто! Одного он считает вправе поучать, другого по ряду причин, а может, просто не видит смысла, он не считает нужным поправить. И всё!

...У меня был пациент, который жизнь потратил, убеждая всех, что они говорят неправильно – «меня покусали комары».

На тысяче страниц он доказал, что так говорить – не по-русски. Ничё! ...В остальном был нормальный человек, только вот собаки его почему-то не любили. Загадка.

А ведь прав, стервец! Нельзя говорить или писать – «покусали комарь». Кусать – это сложный процесс! Нужны челюсти, зубы или их аналоги!

Прав стервец! Но собаки его не любили!

– Но ведь «ничего не понял» – это даже не мнение. Это просто характеристика себя, а не работы того парнишки.

Можно ведь написать: «Мы с Полканом ничего не поняли».

Или: «Полкан не понял, не понял и я!» По сути, это одно и то же, что и не писать ничего. Но он ведь пишет! Пишет и тратит время! Свое, его, мое!

– А ты не читай! Наплюй и не читай! Есть такой подход – «совершенное событие».

Представь, ты понял, почему он так написал. И что дальше?!

...О! Так ты и раньше знал, что «каждой твари – по паре» в этом мире.

Представь, что в одной благополучной стране при выходе из кинотеатра убивают премьер-министра.

Потом в соседней – «через забор», через 25 лет некто убивает 100 человек. Убивает потому, что он так решил, но предварительно он о своих убеждениях три года кричал вплоть до правительства соседней страны. Представил?

Теперь представь, что это всё произошло в России.

Все публикации об этом можно будет разделить на группы: «Что ещё ждать от страны, где 70 лет правили коммунисты?», «От русских варваров можно было ожидать что-то похуже!», «Как была Россия – «империя зла», так и осталась!», «Так всё-таки был голодомор на Украине!», «Кавказ никогда не хотел иметь ничего общего с этой страной!» и так далее.

Кто что будет хотеть, то и будет писать!

Кто что будет хотеть, то и будет читать! И что?

...Заметь, что все авторы будут местные или из местных. Но стоит какому-то дяде с «гайкой» на пальце запретить этим авторам подходить к берегу Волги, они притихнут. Тихо язык засунут себе в одно место и не подойдут к Волге.

...Правда, спросят: «А за деньги можно?»

...И не оторвёт он своей задницы от стула, чтоб пойти «куда-то» и сделать «что-то». А порассуждать – это он может! А поскольку «тварей по паре», то у него будет обязательно единомышленник.

...Ну, увидишь ты всё это?! И что? Что дальше? Ты что-то в этом увидишь для себя новое? Отстань! Как сказать, как понять – это дело нас, психиатров, а не обычных людей...

...Жара. Мы вот пошли к тебе – я плотвичек вяленых захватил. Чистенькие. За два дня высохли!

...Если твой автор в такую жару не сидит с другом в бревенчатом доме, не разглядывает запотевшие бутылки с пивом, не смотрит на свет янтарную плотву с икрой, при этом помня, что рядом в соседском доме в таком же холодильнике две нижних полки заняты интенсивно охлаждающимся напитком. И при всем этом не ведет душевную беседу с товарищем под восторженные взгляды друзей – слушателей, – Карл посмотрел на Полкана, – то зачем тебе читать такого автора? Кто он такой, чтоб его читать?

Карл перевел взгляд с Полкана на холодильник, а Полкан – с Карла на меня.

...Плотвички были и правда симпатичные. Я встал и пошел к холодильнику.

– Вот я и говорю, что пока у меня в холодильнике стынет, у тебя уже холодненькое.

Карл уже чистил вторую или третью рыбку, укладывая их бережно на тарелку.

– Так с икрой, что ли? – спросил я, разглядывая рыбёшек на свет и ставя на стол бутылки с пивом.

– А то! Лучших выбрал!

– Откуда икра у плотвы в июле? – высказал я сомнение, разглядывая, как бутылки на глазах покрывались матовой паутинкой влаги, как она, собираясь в ручейки, скатывалась по стенкам на стол.

– А что, сейчас не июль? – Карл уже открыл обе бутылки.

– Да я не про это! Я про то, что когда плавали. Откуда у них икра в июле?

– Я это сказал? Это ты придумал! Они плавали в мае. Жарко тогда было, вот за два дня и завялились. Тогда. В мае ещё! Когда я только догадывался, что июль будет и будет жарко!

А ты, как псих, будешь сидеть дома.

...И будешь ждать, не признаваясь себе в этом, когда мы с Полканом придем к тебе. ...Просто так. Или с пивом. Или с рыбой.

...Или без пива и рыбы!

Так мы пришли!

Террористы и вымогатели

Утром разбудил стук в окно. Глянул на часы – нет и восьми. Крайне необычное дело для моего дома, чтоб меня кто-то так будил и в такое время. Выглянул – стоит Бендриков и машет рукой – выйди, мол.

– Ты что? Зайти не мог? – я вышел на крыльцо.

– Мог! Да я весь в земле. Картошку копаю. Чтоб она... – Карл стоял действительно в сапогах и с лопатой.

– А с лопатой по кой? – я кивнул на лопату.

– Да пошёл к тебе, забыл оставить, – он тоже посмотрел на лопату.

– Что за беда? Что всполошился? – я стал просыпаться, – утро было прохладное.

– Полкан не у тебя? – Карл как-то виновато смотрел на меня снизу.

– Не видел. А что случилось? Куда он может деться?

– Да... поцапались мы с ним вчера. Обиделся, похоже. Утром пошел копать картошку, смотрю – его нет.

– А чтой-то ты с ранья копать-то? Не распогодилось ещё.

– Так всё равно не спал. Его – негодяя, ждал. Думаю, пойду копать, увидит, что делом занят – придёт. Копаю, копаю, а он не идёт, не идёт. Думаю, у тебя в тепле лежит. Плюнул на всё, тоже к тебе пошел. Да и картошку рано копать. А вон, как видишь, его и у тебя нет! Террорист проклятый. Сидит где-то, смотрит, радуется, вымогатель. Вот подлая натура.

– Рано, значит, ещё копать? А все копают. Я вот тоже ещё не копал. Куда? Август на дворе не закончился, а все уже копают, – я проснулся окончательно. Стало холодно.

– Пойдём в дом. Замерз я, – я мотнул головой в сторону двери.

– Давай хоть чаю, что ли, раз ничего другого нет, – Бендриков уже рассаживался в «своём» кресле.

– Да есть всё, но ты на часы посмотри, – я кивнул в сторону часов.

– А хрен ли на них смотреть? Часы у человека внутри, а не снаружи. Если правильно посчитать, то вечер у меня, – он «влился» уже в кресло.

– Как это? – я поставил чайник.

– А очень просто. Ночь не спал, негодяя ждал. Спать хочу. Сейчас пойду и спать лягу. А перед сном что? Перед сном – вечер. Вот и выходит, что у меня вечер, а у тебя, поскольку ты спал и

проснулся – утро. Нормальное дело. Странно, что удивляешься. Вся жизнь наша такая – у одного утро, у другого – вечер, у одного – «блоха на аркане», у другого... Как там? Одним словом, у другого денег в кармане – не знает куда деть.

– А что вы с Полканом-то вчера не поделили? – я сел напротив.

– Всё просто было. Мы вчера с Колькой пошли на рыбалку. Полкан с нами. Как всегда, не клевало, и рыбалка, как всегда, плавно перешла в пьянку на берегу и с удочками. Похолодало, мы костер развели. А у костра не заметили, как ночь подошла. Мы домой. Полкан тоже. А трава сырая, мы с Колькой-то тропинку заняли, а этот рядом шел по траве. Я Кольку к дому его довёл, а мы – к себе.

А этот Полкан весь сырой. И в дом. Я ему и говорю: «Ты охренел?»

Он и остался на крыльце. Я потом вышел, а его нет! – Карл грустно рассказывал историю ссоры.

– Рассвело, я – картошку, вроде как, копать. А его нет. Я покопал – и к тебе. А у тебя тоже его нет. А я не спал. Спать хочу. Усну – а вдруг что случилось? Буду спать, а если что-то не так? Вот такая история.

– Ну, дали вы, ребята, – я слушал невесёлую историю.

– Водка. Ети её! Дёрнул чёрт меня за язык, – Карл выглядел расстроенным.

– Пиво тебе не поможет. Бери, знаешь где, – я повернул голову в сторону буфета.

– Пиво? Да! Пиво – это для тела. Водка – это для души. Пиво не поможет, – Карл встал и пошел к буфету.

– Одним словом, ты предлагаешь мне пойти поискать Полкана, поскольку тебе надо «сохранить лицо», но так же и стыдно тебе перед Полканом. Я буду ходить по улице, по холоду, а ты будешь сидеть в тепле и пить водку? – я стал одеваться.

– Истину глаголешь! – Карл наливал уже вторую.

– Ты настоящий товарищ! – добавил он.

– Мне оставь! Картошки хоть свежей отвари к приходу моему, – я уже стоял в дверях.

– А может, он у магазина? Ты бы заодно сальца к картошке и ещё «кой чаго» купил. А? – Карлу понравилась моя понятливость.

– Видно будет! – не знаю, слышал он или нет мои слова.

Полкана искать – долго не пришлось. Он лежал у моего сарая под досками и смотрел, как солнце набирало силу.

– Стесняется он к тебе подойти. Не знает, что сказать, – я присел рядом. – Дался он тебе? О себе бы подумал. Простудишься, не шенок какой. На дураков не обижаются. Дураков учить – только ... – я дал понять, что я на стороне Полкана.

Он понял и показал, что хотел махнуть хвостом, но махнул ушами.

– Проводи меня до магазина. Что-нибудь тебе вкусенького купим, потом ко мне, я тебе калорифер включу, согреешься, – предложил я ему, не сказав и не намекнув, что Карл у меня дома.

– ... Проходи, – пропустил я его вперед себя в дом.

Полкан увидел Карла и лёг около двери, глядя в окно.

– Давай, давай, сюда на своё место. Я тебе сейчас колбаски дам, – пригласил я его в комнату.

– А мне? У тебя и зажевать-то нечем! – Карл встал из-за стола.

– А где картошка? – парировал я.

– Так я не успел! Ты мухой слетал. О..о..о! Вот и Полкан с тобой, – он с удивлением посмотрел на Полкана.

Полкан даже не повернул головы в его сторону.

– Колбаса только для Полкана, – я почему-то вспомнил своих ребятишек, когда те были маленькими.

– А ты давай за картошкой, в полёте шмеля, – сказал я грозно, что очень понравилось Полкану.

Карл встал и, оглядываясь на меня и Полкана, молча пошел к выходу.

Не успел я подкатить калорифер и мелко нарубить колбасу, как он уже стоял на пороге с ведром картошки, опять поочередно глядя то на меня, то на Полкана.

– Ставь варить. Приглашения ждёшь? Или лакея? – я показал глазами на плиту.

Карл поставил картошку и присел к столу.

– Ну... За то, что все дома! – он разлил остатки водки в две рюмки.

Тепло от калорифера, водка делали свое дело. Стало спокойно.

– А в магазине-то были? – Карл смотрел на пакет.

– Нет! Колбасу мы с Полканом на улице нашли. Да, Полкан, – лениво сказал я.

Полкан подтвердил мои слова, покосившись на пустую миску, в которой недавно была колбаса.

Пришлось пакет ставить на стол. Пока Карл открывал вторую непечатую бутылку, я нарезал Полкану ещё колбасы. Карл экспроприировал часть, уже порезанную, на «зажевать».

– Вот говорят: «террористы, террористы...» Я так понимаю, что пора нам слово «террористы» заменить на слово «вымогатели».

С точки зрения глобальной психологии, это правильно для «объективного отражения действительности с целью формирования реалистического восприятия мира индивидуумом...».

Ведь что получается? Террора нет как такового. Ибо не провозглашены ни цели ни задачи структуры или структур, руководящих и проводящих акты, которые можно было бы отнести к террористическим.

Реально мы же наблюдаем ситуацию, при которой одна сторона с помощью методов устрашения выбрала путь улучшения своей жизни за счет другой стороны путем запугивания её и понуждения её в действиях по пути «поделитесь с нами, но мы работать всё равно не будем».

Запугиваемая сторона, задекларировав принципы «человеколюбия», попала в угол, ибо она не может, не имеет права заставить работать терроризирующую сторону силой. Ибо это значит – отойти от гуманистических, ранее провозглашенных ею же принципов, поэтому вынуждена делиться деньгами с запугивающей стороной в виде гуманитарной помощи, либо в виде инвестиций, либо в каком-то другом виде в то время, как запугивающая сторона будет петь и плясать, – толкая речь, Карл изредка смотрел то на меня, то на Полкана. – Таким образом, мы наблюдаем обычный «рэкет», который мы в полной красе уже наблюдали не раз с тобой и во многих местах.

Он посмотрел на меня, потом на Полкана и продолжил:

– И не надо говорить ни о религиях, ни об убеждениях, надо вещи называть своими именами – «рэкет». Понуждение. Кстати, в свое время уже была такая ситуация, но Иосиф Виссарионович нашел в себе силы пойти по пути «не хотите – заставим».

Да! Наказывали за язык! Наказывали. А Петр Великий – «Слово и дело»! Сколько народу он согнал на строительство ... в итоге Ленинграда, кораблей, танков, турбин? Почему никто ему не отдает первенство и авторство по ГУЛАГам?

«Не работать сытому лучше, чем работать голодному» – это ясно. Но! Голодный, работая, становится сытым, а сытый, не работая, становится голодным и начинает работать. О! Как!

Он опять посмотрел на Полкана.

Я слушал это уже не в первый раз. Не в первый раз это всё слушал и Полкан.

– Таким образом, общество имеет два пути развития: либо заставить всех работать, либо убедить всех работать. Заставить – нельзя, убедить – некому. Все работать не хотят.

Религия не работает, поскольку её представители под золотыми куполами тоже не работают.

Путь один – война или борьба. Либо война между собой. Либо борьба за выживание.

...Поэтому нам очень нужна планета «Х», или Набиру, либо хоть Заберу, либо Отберу, чтоб уничтожить всё и «всё начать с начала», чтоб народ понял, что надо работать.

...Вот, как я!

...Когда я копаю картошку, некоторые прохлаждаются в тенёчке. Ни физической, ни моральной, никакой тебе помощи, а потом... а потом едят колбасу, которой в итоге на всех не хватило и которую они не заработали, а получили в результате вымогательства или террора. Суть одна!

... И, прохлаждаясь, они ещё делают вид обиженного и ходят, всем рассказывают, какие они несчастные, как им плохо, вызывая жалость и желание пожалеть их – несчастных. Это ли не великое лукавство?!..

И они же являются «поющими и танцующими» вымогателями, рэкетирами, которые готовы петь дифирамбы любому, у которого больше колбасы, что на сегодняшнем языке звучит как – террорист. Вот!

Карл посмотрел на Полкана, на меня и пошел сливать воду с картошки.

Я остался сидеть там, где сидел, и резал сало. Полкан перешел от калорифера к креслу, где раньше сидел Карл, и смотрел на него влюблёнными глазами.

Любит – не любит!

Я услышал топот Бендрикова, демонстрирующего свою приверженность к чистоте обуви на моём крыльце, как только успел присесть на табуретку в предвкушении сладостного чувства снятия берцев и шерстяных носков. Грела мысль о диване с такой

знакомой выемкой, которая способна усыпить меня в любом состоянии.

– Смотрим – приехал! – радостно улыбаясь, изрёк Карл, стоя в открытых дверях и пропуская вперёд Полкана.

– Ага! – грустно ответил я, расставшись с надеждой на тихий вечер и демонстрируя крайнюю усталость и желание спать.

Я скинул обувь и перешел к дивану, а Карл сел на мой табурет и вытянул ноги.

– Ага! – повторил я и от того, что надо сказать что-то ещё, добавил, – холодно что-то!

– Вот и я говорю, что вовремя приехал, дожди шли, а теперь и холода будут. Холода будут, а ты – дома. Здорово это. Пойду дров принесу, печку затопим, расскажешь, что да как, – он встал, намереваясь идти.

Полкан даже не пошевелился, а оно и правильно – один дрова принесёт, а по крыльцу в грязных лапах шастать – не дело.

– Ну, как ты тут без меня? Осточертело всё? – спросил я его, сделав сострадательно-нежное выражение на своём небритом больше месяца лице. Полкан поднял и опять положил голову на лапы, что, видимо, означало: «как ни скажу – неточно будет».

– А я тут без тебя повеселился, повеселился, – Карл ввалился в дверь, высыпая охапку дров у печки, и, не разуваясь, присел вынуть из-под печки лучину, – думаю, дай посмотрю, что ты там в этом компьютере находишь. Включил. Всё получилось. А ты знаешь, всё-таки чертовски я талантлив! На второй день уже был в нём как дома.

Только вот уже недели две как ни включу его – ничего не получается. Даже скучно без него стало. Привыкаешь, едри его корень, как к любовнице. И знаешь, что не своё, а тянет. Тянет, едри его, компьютер этот.

– Деньги закончились, наверное, – я уныло смотрел на разгорающийся огонёк.

– Деньги? Вот бы не подумал, – Карл пересел на табуретку.

– Это почему «не подумал бы»?

– А кто его знает? Не подумал ведь, вот и «не подумал бы».

... Ну, я же не подумал, когда он артачиться стал, про деньги? Не подумал! Вот и «не подумал бы». Мне кажется, всё ясно. А ты это?.. Дорогой-то «нз» прикончил? Или обратно привёз?

– Привёз обратно. В машине.

– Ты, пока истома по телу не пошла, дошел бы, а я с тобой пойду, до дома добегу, у меня там перекусить есть. Быстренько. А?

– Не надо. У меня всё есть в машине. Даже Полкану купил. Правда, уже здесь покупал. Ему без разницы где, ему бы внимание было. Так ли?

– Так, так! Ты иди, иди, а то разморит с холода-то в тепле. Не хватало мне ещё по чужим машинам в темноте рыться. Так ли?

– Дразнишься?

– Да нет! Просто рады мы, что ты вернулся.

– Спалил, говоришь, денежки с компьютера? Да и!.. Жили месяц без него – проживём! Повеселил, говоришь, он тебя? Вот и ладно! Пойду. Пусть Полкан «за встречу» с нами в тепле почавкает.

Я вышел на улицу. Быстро набегающая темнота уже обхватила всё вокруг, и от этого казалось, что мир стал меньше, уютнее, спокойнее. Возможно, поэтому в детстве мы прячемся под одеяло и там чувствуем себя в безопасности. Потом для безопасности нужно много света, поле, много народа.

А потом опять маленький мирок с трещащим камином или печкой, кружочек света от лампы на столе или экран монитора, но обязательно, чтоб на плечах была темнота, сумрак и тишина.

Поглядев на небо, решив, что завтра дня не будет, поскольку было видно, что оно легло на крыши домов; забрав из машины сумки с провизией, потопав по крыльцу, явно пародируя Карла, я ввалился в дом. С улицы показалось, что в доме уже тепло.

– Разбирай сам! Я всё равно не помню, что где. Фляжки в зелёном рюкзаке. Там же сало и хлеб.

Я забрался на диван с ногами и стал наблюдать за Карлом.

– А Полканово где? Давай от Полкана отбодаемся сначала. А? – Карл стоял, держа в руках две армейские фляжки.

– Полканово в пакете, там ещё хлеб и молоко. Мне не надо, я так посижу, – я показал глазами на фляжки. Выемка на диване работала вовсю, мне действительно хотелось спать.

– Жарко в машине-то. Одну в сенки тогда вынесу, – Карл потряс фляжками, в одной уже почему-то булькало.

Я пожал плечами в знак и согласия, и недоумения о том, почему ранее полная под завязку фляжка издаёт столь несвойственные ей звуки.

Мне показалось, что булькающая была выдворена на веранду, то ли в знак наказания, то ли в знак благодарности за её верную службу.

– Говорю, повеселился я-то, – Карл откинулся на спинку стула, жуя приличный кусок сала, отхваченный наспех от подарка мне «на дорожку» ребятами из Тверской области.

– Например... – я плотнее улегся в ложбинку дивана.

– Помнишь, весь мир кричал: «Свободу слова! Нет – цензуре!» Помнишь? Ну, дали свободу! И о чем стали писать, кричать, вопить? Первое – личная жизнь публичных людей! Второе – какие мы дерьмоватые, какие рулевые тупые, «куда идём мы с Пятачком» и зачем. И третье – как бы это сказать?

Я вот тут порылся у тебя, и мне это всё напомнило плакатный вагон. Случайные люди, по сути, и разговоры ни о чём.

Один – «вот у нас была телушка...», другой, не дослушав, – «а у нас тоже была, но не телушка, а бычок, но тоже рога отвалились...». Или – «вот дети...», другая – «да уж...». И всё об одном и том же. И все об одном и том же!

Такое впечатление, что дорогу хотят скрасить. И рассказывают друг другу, о чем дома никогда не стали бы. А и то! Из поезда не выйдешь! И вот «бу-бу-бу», «бу-бу-бу».

Зачем им нужна была свобода слова?

Один выкрикнет: «Вперед!» – Другие: «Так поезд же!» – Он: «Сойдём!» – Другие: «Так лучше плохо ехать, чем хорошо идти!»

Кто-то под это «бу-бу-бу» сопит в наволочку, кто-то курицу раздрал и коньяк открыл. А поезд то по расписанию, то с опозданием, но никогда с опережением, заметь, с опережением – ни-ни, пожирает эти километры, а пассажиры спят, жуют и «бу-бу-бу». Выглянут в окно – столбы покосились, давай о столбах. На станции мужик под лавкой лежит – давай о пьянстве.

...Занятно! Молодежь – о бабах! Старики – о внуках!

...Да это я так! Занятно! Оно, конечно, что-то делать в поезде надо! Пройдешься от туалета до своего купе – во всех одно и то же: «А у нас!.. А у на-а-а-с! А у них! А у ни-и-и-х!»

А поезд идёт себе и идёт! Встрепенутся некоторые: «Ой! Мне выходить!», проводят его и опять ...

...Или вот ещё. «Почему россиян не любят?» Везде и всех прямо измучил этот вопрос!

Умные вроде люди. А кого любят? Кого? Вот я тебя спрошу! Вот спрашиваю я тебя: любят ли в Германии, Англии и Италии париян? Отвечай! Ну ответь!

– А парияне – это кто?

– Неважно! Народ в Латинской Америке. Их две тысячи человек! Отвечай!

– Не знаю!

– Не так! Если бы их там любили, то знал бы! Отвечай!

– Пусть – любят, – я выкатился из ложбинки.

– Докажи!

– Не притесняют!

– Так «не притесняют» или «любят»?

– Не любят!

– А за что их не любят, а кого любят? Вот!

... И достало меня это... Любят – не любят, любят – не любят!

Ты Полкана любишь?

– Люблю.

– А меня?

– Нет!

– А почему ты меня не любишь? Почему меня не любишь, сукин сын? О!

О! Хрень какая! Нет у них другого – серединки! Либо любишь, либо не любишь!

И куда ни зайдёшь, куда ни ткнёшься – везде одно и то же: «Любит – не любит!»

Да что же это такое?! Водку любишь? Нет! – Зачем пьешь? Плохо! – А без неё? Ещё хуже. Так, водку, значит любишь? Нет!

Сначала смешно было, а потом профессия во мне проснулась. Нездоровый народ-то!

Карл дожевал сало – кстати, не так уж его и было много, чтоб половинить, опять стал бренчать фляжкой!

– Там колбаса есть! – я намекнул про исчезающее копченое тверское сало.

– Я видел! Нездоровый, говорю, народ! – Карл, не повернувшись ко мне, ополовинил половину оставшегося сала. – Нездоровый!

– Вот говорят: «Мы знаем, что вы всё наше продаёте на Запад и «полосатым» за бесценнок!» И?.. Дальше-то что? И?.. Продавайте сами! – «А нам не дают!» – Так возьмите это право! Опыт забастовок вам известен! Опыт борьбы с штрейкбрехерами вам известен! Вперёд!

Или: «Все спились! Все дураки, лентяи и дармоеды!» И?.. И кто же вами руководить будет? Кто? Свой! Такой же, как вы?! Где вы другого возьмёте? А другого-то вам ведь и не надо! Вы другого

хотели? А вы какого хотели? А где его взять? Объявите международный конкурс на замещение вакантной должности!

Это же какое здоровье надо, чтоб руководить дураками, лентяями и дармоедами!

А расстреляй хоть одного вора у Кремлевской стены? У-у-у! «Сталинисты!» «Рушители демократии!»

«Стоп-кран» дернут, поезд остановят, выскочат, бросят поезд, что их вёз, побегут по непаханому полю с криком: «Свободу демократии!»

Чудно!

Начитался я тут.

Ты знаешь, даже на работу захотелось вернуться. Посмотреть, сегодняшние шизофреники отличаются от вчерашних? Или всё как было?

Бендриков опять загремел фляжкой. Сала было жалко, я встал и подошел к столу. Полкан тревожно поднял голову, оглядев меня глазами, грустными, как у Карла, и опять бросил её на лапы.

– Уговорил! – я взял остатки сала.

– Помнишь, прикрыли «Бориса Годунова» в «Таганке»? А у Пушкина оставили! Картинки не смотри, бери, читай! Боялись разжеванного подтекста. А сейчас? Сейчас и на текст всем наплевать! Говорите все! Пишите все! «Собаки брешут – ветер носит!» Дали пар выпустить, вот в свисток всё и уходит. А кто дал? Кто дал? Сами себе и дали, чтоб ничего не делать, а посвистеть охота! У паровоза свисток есть! Свистит он им! – Карл впился взглядом в сало.

– Колбаса есть! – я прикрыл сало куском хлеба.

– Да! Колбаса есть! Посвистели, сала-колбасы поели, спать пора! – задумчиво сказал Карл.

– Поменяй фляжки, – мне не хотелось, чтоб Карл смотрел на моё сало.

– Вот форма?! Одинаковая! Внешность?! Одинаковая! Содержание?! Разное! Можно услышать, – Карл потряс обеими фляжками, – а можно и на ощупь, – Карл прислонил фляжки к щекам. – Как бы ни было, «не маешь – не знаешь»! Ну, создали, потискали то, что создали, поймали, «пока имели постарели», не понравилось, а что дальше? Годы-то ушли! Имелка уже не очень нужна. Если только свистнуть в неё.

... Сбил ты меня с мысли.

– «Любит – не любит» ты говорил.

– Да! «Любит – не любит!»

Жалею я, что я не математик! Жалею! Вот если есть «не любит» что-то там. Это значит, величина отрицательная. Так?! Но наличие отрицательной величины подразумевает наличие где-то на этой оси и нулевой величины – «а по-хрену», и наличие положительной величины – «любит».

Вот помнишь, что было в семнадцатом году, а в двадцать втором – первый автомобиль. Пять лет всего прошло! А в двадцать четвертом – уже полностью свои автомобили. Семь лет прошло! Без «любит – не любит»! А с девяносто первого сколько? Двадцать! О! И все с «любит – не любит»!

... О, как интересно! «Любит – не любит народ»! Это же, по-вашему, «кто-что» не любит? – «народ»; «кого-чего» не любит или не любят? – «народ». Каламбур, по-вашему! – он посмотрел на фляжку. – И почему не могут сделать автомобиль?

Карл загрустил.

Загрустил и я. Хотя понимал, что эти мысли стали общенациональным наркотиком, который хорошо идет в коктейле с водкой, и, как от любого наркотика, от него отвыкнуть сложно. И хоть любишь ты его, хоть не любишь, а припадаешь к нему, как путник в пустыне к воде, и оторваться не можешь, пока не упадешь в изнеможении. Тем более что в коктейль удачно вписывается сожаление об ушедшей юности, друзьях...

– Ну, и ... – перебил я свои мысли обращением к Карлу.

– Ну, и ... вражеское это слово! Нет народа, который бы любил своего руководителя, как нет народа, который бы любил другой народ. Живого руководителя! Доказывать на пальцах это бесполезно. Тут нужен математик. Вот там можно проверять все эти... там... как у них там... формулы.

«Любит – не любит» – это не от ума! Это от живота, или ... – Карл хихикнул и посмотрел сначала на Полкана, а потом на меня.

...Или если посвистеть хочется! Вот там «любит – не любит» – тема!

...Как там?.. – он сделал круг рукой, словно прогоняя кого-то.

– Где? – я стал резать колбасу.

– Где был?

– Так же!

– Я думал, что где-то лучше!

...А тут Никита с Витькой приезжали. Скучали без тебя! Мы тут день рождения твоё праздновали. Хорошо было. Никто не мешал.

Люблю я вас всех! – Карл осёкся и добавил, – и уважаю!

А пойду потихоньку я спать! А ты бы вышел на крыльцо, покурил, проводил нас. Жарко тут у тебя.

Мы вышли на крыльцо. Приятная прохлада схватила в свои объятия.

Свет с веранды освещал начало тропинки, а дальше она терялась где-то в стороне дома Карла и Полкана.

Неба уже видно не было. Не было видно и звёзд.

Было непонятно, какой день будет завтра.

Никита и Витька

Вчера приходил Соломон... тот самый

– Вчера приходил Соломон.

Нет, самый настоящий... Из тех... Бывших.

Автор «Экклезиаста»... Да, и «Песнь песней» – его.

Пришел, сел напротив и начал с претензий. Говорил, говорил... Я его не очень-то и слушал, а сразу осадил: «Там, где начинаются претензии, там кончаются отношения!»

О, как! Так и заявил ему. Он даже поперхнулся, – Никита смотрел на меня и, видимо, отвечал на мое «привет». – «И это плагиат!» – кричит.

Я понимаю, что после них – все плагиат.

Я ему: «Это ты про колечко хорошо придумал. Подстраховался, значит, что после тебя нового ничего не будет. А езда за рулём в нетрезвом виде?.. А?.. Есть у тебя?..»

...Нервы у него ни к черту. Довели бабы ...

Ртом воздух ловит, сказать что-то хочет, слов много, все наружу просятся, толкаются... Старик!

Да и сердце, наверное, ни к чёрту...

...– Что вы все с кольцом этим... И не так всё было... Не надо передёргивать... Не уводите в частности... Моё мышление глобально... – оправдывался, что-то еще говорил...

– Да ладно, пройдет, что ты так волнуешься. Дыши глубже... – это я ему так. – «Много читать – утомительно для плоти...» – это я, значит, его же и процитировал. Его – ему же!.. Чтоб тут не распинался, что все, что написано, у него стырили... Всех обвинил в плагиате. И меня, и Пушкина, даже Витьку обвинил...

...Тот-то вообще книг никогда не читал... Может, поэтому и премию дали... Никто признаться из жюри не захотел, что не понял ничего... А может, ещё почему?!

Звезда теперь! Мать его!..

С премии так и не проставился ещё... «Заходи сам, – говорит. – У нас тут бомонд...»

Знаю я этот бомонд! Сопьешься там с ними...

...Не стал уж я Соломона спрашивать, что это он с претензиями не пошел к Эпиктету, а до меня доскрёбся...

По-хорошему с него бы надо начинать ему было.

Этот подождал тыщу лет... и на вам... адаптировал... А претензии ко мне. Всем нашим досталось...

...Талдычит своё: «Не найдет человек сути жизни... Не пытайтесь даже...», «Познание – бич наказующий», всё про свое...

– А общение?.. А пожрать?.. Ты-то царь был, о еде не думал, – это я ему, чтоб, значит, остепенился.

А он: «Вот и именно... Я двадцать пять лет, как в солдатчине, протрубил на царском троне... Орденов нам не давали...».

Муторный старик. Достал меня... Утомил! Даже голова разболелась!

...Никита перестал рассказывать свои видения и встал с дивана.

– Будешь?.. – он протянул бутылку пива.

– Нет! За рулём, – отказался я.

– Вот думаю роман начать... – Никита откуда-то достал бутылку водки. Щелкнула пробка.

– Может, тогда водочки? А?.. – он выжидательно посмотрел на меня.

– За рулём... Про что роман-то?..

– А хрен его знает!.. Начну – там видно будет!.. Устану – закончу... Потом Витька пару слов где-нибудь скажет, ты...

Критики разберутся, про что!.. Разберутся, где чьё!

Где моё, где Соломоново! Правильно я говорю?.. Балбесы все!..

Никита с силой поставил пустой стакан на стол.

Ох, уж эти разговоры...

– Ха! Ха! Ха!

Никита зашел в незакрытую дверь. За спиной маячила голова Витьки.

В руках у Никиты была бутылка шампанского и пакет. В другой ещё какие-то пакеты. В руках Витьки тоже пакеты.

От вида Никиты, Витька, шампанского стало подташнивать.

– А мы дверь на ночь не закрываем!..

Или кто-то убегает поутру и не закрывает?!..

А кто-то приезжает из своей дыры и не звонит!.. В том числе и лауреатам всероссийской премии!.. А ну, Витёк, наедь!..

А кто-то думает, что его будут бить за Соломона?.. А вот и нет! Не ты – я бы и не вспомнил, что он приходил!.. Да и про тебя бы не вспомнил бы!.. А вспомнил – он опять пришел!.. Опять бухтел, старая перечница!.. Скажи, Витёк!.. Бухтел?!.. Бухтел!

Витёк свидетель! Свидетель, Витёк... а?!.. Свидетель! Свидетель! Дали мы ему, Соломону-то, в этот раз. Дали!.. Вдвоем дали!.. Два дня дубасили его по его умной лысой башке!

Витька пришел «лауреата» отмечать, а он тут, как тут!..

...Устали, как собаки! Сил нет.

Говорю Витьку: «Давай к тебе рванем»! Он не «против»!

Правда, нас опять куда-то свернуло по дороге! Но целевая точка была поставлена, когда были в памяти! И вот! Взяли – приехали! В смысле, доехали!

Никита уже был в центре комнаты.

– ...А как у нас с колготками в кресле?.. Нет! Нету!.. Что за дом без колготок в кресле?.. А где бардак?.. Где признаки присутствия остервеневшей части человечества?.. Этой «пятой колонны» цивилизованного мира, способной раздавить его силиконовой ложью!

О?!.. Нет!.. То-то, я смотрю, воздух тут у вас какой-то не такой! Свежий воздух-то!..

...Витек! Тебя не ждали!.. Ты понял?!.. Ты понял, что ты за лауреат?!.. Тебя, Витёк, не ждали! Не ждут здесь лауреатов-то!..

«И в воздух... что-то там бросали?!..» Не бросают! Ты понял, что ты за лауреат?!

...Я же стал понимать, что вчера днем и вечером у меня были в гостях ангелы: Бендриков и Полкан!

– Сосед твой сказал, что ты дома! Машину мы отпустили.

Я Витьке сказал, что будем у тебя жарить и есть картошку на свином сале с луком и селедку. Селедка, сало, мясо и всё остальное в пакетах! Я здесь! Витёк здесь! Ты – тут! ...Погнали!

Никита сел в кресло и застыл.

Витька сел за стол и тоже застыл.

Я лежал тихо и тоже застыл в надежде, что сплю, и это мне снится.

...Это был не сон!

Вдруг Никита вскочил и подбежал ко мне! Он весь светился радостью!

– Блин! Ты же не знаешь! Хохма! Мы же тут на премьеру фильма в начале месяца ходили! Потом вечером где-то сидели. Не помню! Какая-то коза к Витьке подходит и спрашивает: «Что вы можете сказать о фильме?»

... А этот!.. Ой! Не могу! Лауреат!.. Лепечет:

– Какой дурак этому снобу и идиоту дал такие деньги на такой паршивый фильм?

Ой! И это так про моего тёзку!..

Никита вскочил и сложился пополам от хохота.

– А потом понял, что сказал, и добавил «ни к селу ни к городу»: «Я вскрикнул и от ужаса проснулся!»

Я думал, что Никита сейчас упадёт на пол.

– Нет! Ты понял!.. А это было часа через четыре после просмотра!.. Где только охрана не писала от одного взгляда на них «великого» режиссера...

Никита не мог остановиться.

Витька сидел и с грустью смотрел на него.

– А потом... Потом... Растерялся и добавил!.. Ой! Держите меня!.. «Этот фильм кто-то перед нами уже смотрел!..»

...О-о-о-й! Не могу! Убил! Убил! Лауреат! Убил!

– Да эта дура не поняла бы ничего, если б ты не стал «кататься по полу»! Она подумала, что это – цитата!

Витька встал и подошел к Никите.

– Ой! Насмешил! Ты бы видел себя! Классик! Теперь все только и говорят об этом! С Витькой даже стали здороваться те, кто и не знаком с ним! Убил! Убил! На святых руку поднял...

...Давай с пивка начнём!

Нет, пиво по дороге в машине было.

Давай винца, чтоб успокоиться.

Убил! Убил! Лауреат!

...А! Ему теперь всё можно! Насмешил...

Никита приостановился, но ненадолго.

– Ну, давай, вставай. Кто гостей в постели принимает?! Вставай! Машину отпустили. Куда тебе деваться? ...На тебе!

Никита протянул мне открытую бутылку «Мерло».

– Надо почистить зубы, иначе будут серые, – только успел подумать я, глядя на бутылку, как Никита забрал её у меня и протянул Витьке.

– Не задерживай!

Я так и не понял, к кому это относилось, ко мне или к Витьке.

А тот понял, что к нему, и, отхлебнув прилично, вернул бутылку Никите.

Я встал и пошел на улицу: – Пойду, умоюсь да зубы почищу.

– Захвати наши щётки, мыло и полотенца. Мы ведь не на один день!

Никита, испортив окончательно мне настроение, начал рыться в пакетах.

– Где картошка? Я буду чистить!

Вопрос догнал меня уже на крыльце.

...Холодная вода освежила, и я даже подумал, что это здорово, что приехали друзья, которым я, безусловно, рад.

«Кто мы без друзей и их пороков, наедине со своими достоинствами?» – укором пролетело в голове.

Однако Никита в больших количествах может достать даже мёртвого. Но мёртвого он достанет быстрее!

...Когда я вернулся, стол был уставлен одноразовой посудой, вакуумными упаковками, открытыми банками. Напротив каждого стула стояла открытая бутылка и стакан. Сегодня был принят вариант – «без лакеев и помощников», что означало, что «биться» каждый будет в одиночку со своим врагом.

Поскольку лишь одна бутылка была полная, я понял, где был мой стул. Мне повезло – стул был дальше других от плиты.

– Догоняй! – Витька мотнул головой как-то неопределённо, но мне стало понятно, что «закосить» сегодня не удастся.

–...Я Витьке говорю: «Давай премию пустим на какое-то дело. Организуем конкурс для молодых литераторов. Например, «Бриллиантовая чернильница», или «Жемчуга», или ещё какая-нибудь хрень. Дальше, сам понимаешь, молодняк бабло редакторам, корректорам понесёт, те к нам. Федералы подкинут. Он во главе жюри, «состав жюри не разглашается с целью исключения» и так далее...

А оказалось, что у него от сорока «тонн» в руки попало лишь семь.

Я ему говорю: «Купи «Калину», я добавлю!»

Никита засмеялся, перестал чистить картошку и уставился на меня.

– Я за ночь поимел полторы штуки у немцев. За ночь! А тут год мурыжили человека!

...Вот, что тут «замутишь»? Решили «пустить по кругу»!

...Хрень!

– Ты расскажи, за что срубил? – Витька, видимо, был уже в курсе чего-то такого, к чему имел собственное отношение, отличное от Никитино.

– Хрень! ...Заказали мне аналитическую статью немцы о структуре выпускаемых изданий у нас и небольшой анализ. Я написал, отдал им. Мне-то знаешь!.. Как есть, так и написал! Все равно под псевдонимом опубликуют, потом грант себе выбьют, скандала не будет, так что только вы и знаете.

...А кто сейчас возмущаться будет? Вот! Не-ко-му! Некому!

– Никита! В двух словах?!

– В двух! Из 10 издаваемых книг известными издательствами, имеющими контролируемые полиграфические мощности, 7 – детективы, 1 – про то, как у космолета отвалилось колесо, 1 – про приход Антихриста, Мессию, вампиров и т.д., 1 – всё остальное.

Я делаю вывод, что?!..

...Что современный наш человек, частью поддаваясь стадному чувству, частью из имиджа, а, главное, читает эту...

В общем, читает «Это» как соучастник игры, в которой хочет научиться совершать преступление, примеряя на себя мантию либо героя, либо антигероя.

...Ему надоели «колхозы», и он хочет, теперь в одиночку, что-то получить, и только для себя. Для себя любимого! Здесь или, на худой конец, в параллельном или внеземном мире.

И если раньше такие процессы шли в головах «становившихся на крыло» фантазёров, то теперь – в головах «опущенных и обиженных» действительностью граждан всех возрастов.

...Только для себя любимого. Не делясь ни с кем. В одиночку. В одну харю!

...Таким образом, «Это» – это учебник по совершению преступления. То есть по деяниям, нарушающим принятые законы. Притом не только писанные, но и неписанные.

...Наш человек, видя, что кругом нарушаются законы, хочет тоже что-то нарушать и примеривает на себя либо роль преступника либо роль палача.

«Закон разбитых окон» Уилсона и Келлинга!

...Человек вообще, а наш особенно, поддерживает то, что видит вокруг себя. Видит бардак – будет создавать бардак!

Видит преступления – будет их совершать!

Видит ложь – будет врать!

...А ещё читает «Это» потому, что это для одних – продолжение компьютерных стрелялок, для других, менее реакционных, – якобы очищение мозга. Я-ко-бы!..

Человек, что понимающий, что не понимающий механизма воздействия «Этого» на свой ум, всё же осознаёт, что процесс схож с «...а! Похмелье!»), то есть в мозгу «всё равно» остаются токсины. А поскольку производство «Этого» – коллективный труд, то два, три литературных редактирования разными редакторами адаптируют «Это» к любому мозгу. Продукт получается всеядным.

...Слушайте! Ещё вам я буду объяснять, что есть такое понятие, как почерк. Если вещь состоит из кусков разных авторов, неужели можно обмануть специалиста?

...Одним словом, современное книгопечатание направлено на формирование индивидуальных, а не коллективных черт в человеке, направленных на неприятие такого же, как и он сам.

...Вот! Коротко! ...Получил бабки. К тексту приложил – не для публикации – примеры, аналитику, ссылки.

И катись всё под горку!

– Герой! – Витька остановил Никиту и хотел что-то добавить!

– Ну, не герой, но и не лауреат!

...А судьи кто? Кто был в жюри у тебя? Кто? О!..

Что, я не догадываюсь, куда ушла часть от сорока «тонн»? Вот и сиди!.. А то ещё поругаемся из-за... Не знаю, даже, как назвать всё это! ...Жарьте свою картошку сами!

Никита вскочил и забегал по комнате.

– Скажите мне, что сегодня читают в стране, – я вам скажу, что будет завтра! Что читали, смотрели перед Отечественной? Что читали при Брежнев? Что читали при Брежнев? А!.. Вспомнили!

Народ не хотел, как было! А что он хотел? Что он мог хотеть, если ничего другого не видел? Вот ему и сделали – «не хотите, как есть, – будет хуже!» Нате вам!.. Сволочи!

... Зайдите на любой форум в Интернете! Сколько злобы! А почему? Если бы он знал, что по мордам получит за словеса свои, разве бы он позволил себе такое? Нет!

А тут нагадил – и прячется за «ником»!

Все кино по телеку, как закрепитель для ранее прочитанного.

Кастрация всех гуманистических произведений прошлого – факт!

Воспитание в школе из детей дебилов и «таскальщиков из огня» для кучки негодяев – факт! Продолжить?..

...Разделяй и властвуй, господа! А главное – разделяй! Хрен вам, а не идея, чтоб вы в «едином порыве» куда-то пошли!

По щелям!.. По щелям! Одни «крысы» сгнули, теперь и «тараканы» побегут! По щелям!.. Крысы-то, они всю жизнь с корабля на корабль носятся, а вот тараканы!..

...За последние двадцать лет вы видели собрание трудового или творческого коллектива? Нет!

Правильно! Интересы коллектива всегда теперь противоречат интересам руководителя, читай «хозяина» коллектива!

«Голос единицы тоньше писка! Кто его услышит? Только жена?! Да и то если не на базаре, а близко!»

Или вот замени у Владимира Владимировича одно слово, например, «на базаре» на «в бутике», или «в спасалоне», или на ещё какое-нибудь место общественного пользования – и станет все понятно. Где и что делают жены!..

На-хре-на бабам нужны мужики – трусы!

Они кожей чувствуют мужика! За мужиком-то они и зимой в Сибирь! А за «пельменем» – только на юг. На юг! В Италию, Египет! Холодно им с таким мужиком!

На хрен им Саратов... да ещё и с «киселём»!

Вот и они отдельно по своим щелям! И обихаживают свои щели и щелки!..

Никита замолчал.

– Чур, моя находка!

И постучал по столу три раза. Задумался, оглядывая нас.

–... Назовем конкурс «Три пера!»

Мы же от Мишки к тебе приехали! Там было три пера. Здесь – три пера! Куда не сунемся – везде три пера!

«Лауреат конкурса «Три пера». Звучит? А, лауреат?!..

...Ну, давайте на тронх!

Стало грустно! Эта болтовня так надоела в городе, что здесь она особенно казалась нелепой и ненужной.

Витька оглядел нас: – Я вот недавно был в Германии.

Две семьи из СССР. Немцы поволжские. Приютил их дедушка – немец-фронтовик. Призвали его в 45-м пацаном в «гитлерюгенд». Меня позвал. Ранение в Берлине получил. Сидели, говорили.

Вот дедушка этот и говорит, что его отец – а тот воевал в Первую Мировую – когда увидел, что Германия опять вооружается, а Англия с Францией на это сквозь пальцы смотрят, да ещё и фосфор поставляют для разрывных пуль, ещё тогда, в начале тридцатых, говорил, что быть войне.

Так вот этот дедушка сказал: «Вы посмотрите, кто выиграл после Первой, после Второй, кто после одной увеличил национальный продукт в два раза, кто после другой – в три? И станет вам ясно, кому было выгодно! И ничего-то они нового придумать не могут и сегодня, кроме как столкнуть одних с другими, либо в одной стране одних с другими.

...Нас-то вроде теперь дальше рвать некуда. Если только Дальний Восток разделить сначала с Уралом Сибирью.

Вот как! Были и в Германии люди, которые ещё тогда знали, к чему идут, а шли!

Вот и мы знаем, куда идём, а идём!

Витька оглядел нас и налил из «своей» бутылки.

– А ещё он сказал мне – «Вот едет машина влево или вправо. Почему так? Один скажет – потому что колёса туда вывернуты. Другой – потому что руль кто-то повернул. Третий – что водитель так захотел и руль повернул. Ещё один – что водитель что-то объезжал. Другой ещё что-то придумать может.

А истина одна: – кто за рулем, тот и рулит!»

Это уж если спросят его, «почему», он и наговорит что-то, объяснит, почему так рулит! А пока он рулит – туда машина и едет! Какая бы машина ни была! Как? Быстро или медленно? Но всегда так, как ею рулят! А вот кто и как рулит? Это дело тех пассажиров, что не вышли, а остались ехать. А уж вышел из машины... Сиди на обочине и молчи!»

Это он тем, что к нему приехали в девяностые.

Вот тебе и немец!

Мы сидели, смотрели друг на друга, на бутылки, которые стояли перед нами.

– Вот я этому дедушке и говорю: «А если пассажирам тем, что едут, не выйти? Некуда идти?»

А он: «Либо молча дальше поезжайте, либо другого за руль сажайте!»

...У нас после войны выбирали бургомистра. Что-то там нечисто было! Оккупационные войска что-то мutilи, кого-то пропихивали, кормёжку бесплатно привозили.

Так вот на всех бюллетенях кто считал, что выборы подтасовывать будут, написал: «Не верю в честность выборов!» Или с собой бюллетень унес домой. Все на выборы пришли. Все! Посчитали испорченные... Оказалось что?!..

...Долго и много шума было!

Потом выбрали бургомистра. Двадцать лет сидел. Не отпускали мы его! При нём город подняли. Из ничего!

Так что мы считаем, что вы сами не хотите выбирать.

Для вас «выбирать» – уже «работать»! Бойтесь! Это же самим решение принять надо! Вам, русским, скучно без сильной руки. Вам поговорить охота. Вот как мы считаем!

...А помогать вам!..

Так кому же Россия сильная нужна?! Вам или нам? Нам – не нужна! Вам, получается, тоже не нужна!

Вы думаете, что мы здесь понять ничего не можем?! Почему шумят российские люди? Ничего не делают, почему только шумят?! Смешно и грустно со стороны смотреть на вас!

Вы же сами против себя боретесь! Осталось только разобраться вам, кто лучший помощник у вас в этой борьбе.

...И всё! ...Вы же в любви к чему-то объединиться не можете!

Вы же только в ненависти к чему-то себя народом чувствуете!

Нам-то понятно, что все вы хотите, только признаться не хотите себе в этом, – Царя. У вас чем жестче царь, тем дела лучше! Если слабый – за два приёма вы его сбросите!

Это чтоб самим не работать, чтоб он за вас работал.

И что вам нужен Царь, всем это видно со стороны.

И всем вам нужен добрый Царь. Именно добрый и именно к вам лично. Но рядом-то с любым Царем не большинство, а меньшинство. Вот поэтому у вас всегда Царь добр к меньшинству, а не к большинству! В тупике вы! И всем кругом это ясно, кроме вас! И никто вам помогать не будет, ибо любое вмешательство в ваши дела сделает вас сплоченнее и сделает вам только лучше. А это никому не надо!

Вас же все боятся! Что можно ожидать от людей, которые хорошие фильмы показывают только ночью, когда все спят, а днем планируют, как через несколько дней собраться толпой в несколько тысяч в каком-нибудь зале, как отдать деньги, чтоб с удовольствием посмеяться над собой перед каким-нибудь клоуном, который смеётся над ними!

Вас давно никто не трогает, кроме вас самих и лучшего вашего помощника в вашей борьбе!»

...Вот что мне сказал старый немец.
...А вы всегда думали, что дедушки есть только у нас!
Витька замолк, а потом продолжил.
– А люблю я тебя, Никитушка, что ты честный человек!
А согласился я на лауреатство только затем, что может, хоть это, хоть одного человека подвинет его меня послушать.
Поискать в себе, что же там, внутри, у него осталось?!Чтоб задумался! Эти, у руля, всё понятно – неправильно делают! А я? Так ли я делаю? О!..
И видим мы с тобой, как и тот немец, что никто ничего не делает! Только к кормушке тянется!
И страшно нам, как и тому немцу, что ж с Россией будет?!Не придут ли к этой кормушке на земле дедов наших, на нашей земле, совсем чужие для нас? С языком чужим! С верой чужой! С обычаями! С праздниками!
Ведь к этому нас толкают, чтоб «варягов» позвали!
А верим мы с тобой в чудо! То в Щуку, то в Рыбку, то в Двух из Ларца! И кричим: «О! Кто-нибудь! Приди! Разрушь!», а сами идем в золотопокрытую, тащим деньги за личную индульгенцию мимо падающих домов престарелых, людей, которым плохо.
И, засунув палец в нос, глубокомысленно размышляем: «Почему же олигархи не строят больницы, не издают книги, не финансируют образовательные процессы, а просят нас работать, работать и работать!»
Витька замолчал.
Никита убрал пустые бутылки и стал открывать новые.
– Ладно! Мир! Извини! Обрати! Обрати! Обрати!
Никита помахал рукой около носа, словно запикивая сказанные слова.
– ...А расскажу-ка я вам байку! – Никита сделал многозначительную паузу. – ...На Емелю приходит письмо мне с просьбой написать что-нибудь в один электронный журнал «в рубрику либо «политика», либо «эротика»».
Что подвинуло меня сесть писать, на ночь глядя, не знаю.
И попался мне на глаза батькин «Справочник тракториста-механизатора широкого профиля» года 70-80-го.
Сел я его листать и заинтересовал меня раздел «Ремонт механизма присоединения навесного оборудования трактора МТЗ – 40 «Беларусь»».

И так меня это увлекло, должен вам сказать. Так это я проникся содержанием этих 10-15 листочков этого раздела! Так мне стало весело с Белой и Черной Лошадью вместе!

«Налабали» мы им в конюшне к утру текст, в котором было всё из этого справочника. И в последовательности, и в приёмах, описанных и используемых этими механизаторами.

А мне так было хорошо! Вспомнил я старые времена, в которых, помните, были «перлы», над которыми мы все смеялись? Времена, когда мы раскачивали родную коммунистическую партию, а оказалось, что социализм.

Да, помните!

...«Королёв погладил по головке свою ракету».

...«Ток медленно потёк по проводам, все больше и больше набирая скорость».

Что там у нас ещё было? Напомните!

Никита посмотрел на нас.

– «Пар ударил в нутро турбины и она зашелестела лопатками», – напомнил Витька.

– Во, во!.. И я растёкся!.. Растекся по дереву!.. Сейчас уж не помню всё!..

Но там было: «чтоб заставить механизм подняться», «чтобы заправить шланг», «легонько под зад подтолкните ладошкой, чтоб не повредить резиновый манжет», «поршень должен быть вставлен аккуратно, без перекосов», «легкие вибрации можно заменить на резкое поднятие и опускание механизма», «если не влезает, то используйте смазку» – куча!..

Конечно, и я что-то добавил! Ку-у-у-ча!

Хоть бери, и весь этот справочник переписывай от корки до корки!

Поупражнялся и лёг спать!

Проснулся к обеду! К компу! Глядь – письмо из этого журнала.

Восторг. Сопли. Отзывы идут: «Давайте ещё! Давайте в этом же духе!»

Я с ужасом в «исходящие». Там писулька в их адрес с названием «Ремонт трактора под названием «Беларусь». Подпись не моя. Это я сдуру утром им и отправил, не читая! А подписался, слава Богу, именем автора брошюры.

Меня – в пот! Что же я-то «бисер рассыпал»? Да?

Никита довольный оглядел нас.

– А ну, они это пустили в раздел «политика»?!.. Барбосы такие!

Он захохотал, смехом напомнив мне Романа Быкова.
Мы с Витькой примирительно засмеялись тоже.
– ... Это ты, Витюш, прав!
Ни ты, ни я не готовы быть ни Стенькой, ни Емелькой!
И орать мы не готовы, развлекать публику!
«Не готов проктолог сегодня смотреть ваше горло. Вы ведь что-то уже съели!..»
Никита опять засмеялся, поднимая свою «пайку».
...В этот момент хлопнула дверь, зашёл Полкан, с ним Карл.
Никита встал им навстречу.
– О..о..о! Карл! Заходи!
Хорошо, что пришел, избавил нас от великой напасти, три пера в одной чернильнице – это не есть хорошо. И ты не один, а это совсем прекрасно.
Полкан! Здравствуй, дружище! «Дай лапу мне! Такую лапу не видал я с роду!..» А я с гостинцем. С гостинцем к тебе! Всегда помню о тебе, самобытность ты наша! Не мог не купить, увидев!
О! Читаю для всех! Слушайте: «Рагу молодецкое»! О, как! Задворки вы российской графомании и письменности!
«О, что б сказал поэт-законодатель?..»
Нет на вас Михайло Васильевича – сына чернослоного крестьянина с батогом!
«Рагу молодецкое»! Ни много, ни мало!
Сейчас раскрою тебе, Полкан, и будешь теперь ты, объективная ты моя реальность, пожирателем этих самых молодцов – перловиков!
– Никита! Да ты что так-то с мясом! Чай, и без Полкана найдутся желающие? – Карл хотел было остановить Никиту.
– Нет уж! Я не едок этого! И вам не советую!
Смотри, смотри, Полкан нос воротит! Нахвтался уже тут! Вкус появился! Не только пожрать, но и убеждения появились.
Да, Полкан? С кем поведешься!.. От тех блох и нахватаешься!..
...– А я вот молока две банки, огурцов солененьких, капуста квашенная! Сегодня не понадобится, так и утро ещё будет!..
Бендриков приподнял принесённые пакеты.
– Перед... перед новым днем почиститься всегда неплохо! Молочко-то свеженькое с солеными огурчиками!.. И не надо больше ничего! А я смотрю, вы еще и за стол не селись.
Картошка-то вон... И не жарили ещё! Да и стаканы!.. Да и стаканы пустые на столе!.. Нехорошо так! Нехорошо, братцы!
...Не поминки же!.. Пока же не поминки!.. Так ли?..

Дуэль не состоялась или перенесена?

Позвонил Никита: – Я насмерть разругался с Витькой. Мне это не надо. Хочу помириться, но я не хочу изменять своим принципам. Поэтому я его вызвал на дуэль. Он согласился.

Секундантом мы выбрали тебя, нахрен чужие, чтоб подслушивали, а потом трепались. Дуэль состоится с субботы на воскресенье у тебя дома. Смотри, чтоб чужих не было. Всё!

– Никита, это не «белая горячка»? – «улыбнулся» я в трубку.

– Если и горячка, то чёрная. Я с белой завязал, теперь езжу только на «Чёрной Лошади», иногда доезжаю на ней до Бакарди или до Моргана.

...А «у дураков и шутки дурацкие.»

– Понятно! А умные? Умные будут стреляться?

– Мы идиоты что ли стреляться? Да? У нас принципиальная дуэль об убеждениях!

– О каких?

... – Ещё не сформулировал. Но, концепция будет изложена тебе нами по приезде. Понял?

– Понял. Захватите диски. Мне память компьютеру вашим диалогом засорять тоже нахрен. Без стенографии не будет никакой дуэли. Иначе вы потом меня оба вызывать на дуэль будете. И замучаете звонками.

– Логично. Это – правильно. Диски захвачу. Жди!

...– Если размышлять логически, то вечер субботы, воскресенье – испорчены и это – точно. Если взять худшее, и они помиряются, – то понедельник и вторник тоже, – мрачно подумал я.

– Кто звонил? Что-то ты, брат, смурён? – Карл, который сидел рядом, встрепенулся.

– Приезжают Никита и Витька.

– Когда?

– В субботу.

– Так, я это... Самогон закажу?.. Пивом не... не поможет пивом, говорю.

– Закажи, Карл. Это лучше, чем потом бегать, – выдохнул я.

...Я это уже видел в каком-то фильме. Только там был черно-белый.

Там машина остановилась на каком-то мосту. Одновременно открылись задние двери из неё вышли два человека, и пошли, навстречу друг другу, медленно сближаясь.

Сегодня был дубль. Только люди были – Никита и Витька. И кино было цветным, а точкой сближения были калитка, я, Полкан и Карл.

...Они сдержанно поздоровались со мной и Карлом. Приветливо с Полканом. Мы, – с ними. Карл прищурил глаз, поднял правую руку со сжатым кулаком и бодро сказал, что «им надо идти. Дела».

Я пошел в дом, дуэлянты за мной.

– Пристрой пакеты куда-нибудь, – Никита метнул взгляд на свои и Витькины пакеты.

– На поминки? – я улыбался.

– На празднование Дня победы над леностью, тупостью и соплежуйством, – Никита медленно входил в форму.

– Стоп. Стоп. Стоп. Я ещё не включил микрофон, – я пошел к компьютеру устанавливать «запись». – Восемь бит. Можете начинать.

Я начал расталкивать пакеты по холодильнику.

– А что так мало? – Никита сел за стол.

– А вы что, ещё и песни петь будете? – я смотрел на Витьку. Витька молчал.

– А вы что-то рано. Обещали с вечера начать. А сейчас день. Не терпится? Или боезапас велик? Не успеете друг друга уничтожить до утра? – я сел в кресло, разглядывая Никиту и Витьку, стоящих около окна. – Нет! Свет в глаза, да ещё и от вас... – тяжело на вас смотреть. На лучезарных-то...

Я переставил кресло к окну, сел в него и замолк. Они тоже молчали. Сели за стол.

... –Так! Ситуация такова. Он, – Никита повернул голову в сторону Витьки, – при всех. При всех! Понял! При всех заявил, что «в моих работах сквозит пренебрежение и наплевательское отношение к человеку, который обратился ко мне, как Читатель, с целью найти что-то полезное для себя. Так?»

Никита повернулся к Витьке.

– С небольшой корректурой... Позвольте! Было заявлено, что в «большинстве твоих работ». А во-вторых, не просто Читатель, а «вдумчивый и ищущий Читатель». А в-третьих, «обратился в надежде, а не с целью». Так? – Витька посмотрел на Никиту.

Никита усиленно вспоминал, как было.

– При ком «при всех»? – я решил помочь ему.
– Это не важно. Все «шелкопёры» наши были. День рождения у Светки праздновали, – Никита о чем-то вспоминал. – ... Ну, пусть будет так!

Никита отвернулся от меня и повернулся к Витьке.

– Так «пусть» или так? – я смотрел на Никиту.

... – Так! Я задекларировал, что именно это правильная позиция, поскольку Читатель привык, что его облизывают и убеждают, что таких, как он – «большинство». А ему надо показать, что «нет, дружок, ты ещё мало думал над тем, что видишь и мало знаешь о том, что есть и было».

Поэтому либо думай сам, либо принимай мою позицию, ибо я не только думал за себя и тебя, но я ещё и нашел время и место где и как изложить своё видение мира. Тебе же осталось только ознакомиться.

Можешь подкорректировать своё, может опротестовать моё, но я не собираюсь спускаться до твоего «неондертальнизма», чтоб начать с самого начала и пройти весь путь с тобой под ручку. У меня нет времени.

...А он говорит, что я «обязан писать так, чтоб каждый, пришедший ко мне, стал бы моим сторонником».

А я говорю, что «я ищу не сторонников, а излагаю свою точку зрения, – выдохнул Никита и облегченно вздохнул.

... – То есть ты говоришь, что ты, как тот петух – «твое дело прокукарекать, а всё остальное дело Солнца. Пусть всходит, пусть не всходит», – набычился Витька.

– А вот и именно! «Прокукарекать» – да, – это моё дело! – Никита впялился взглядом в Витьку.

– Хорошо. Ты прокукарекал, а оно не взошло, а людей-то ты предупредил, что «скоро взойдёт». А оно не взошло. А людей ты... ты предупредил, что взойдёт. А они тебе поверили. А оно, вот взяло, и не взошло. Зачем людей баламутил? Они потом другим не поверят, – Витька был спокоен.

– Да потому что оно было обязано взойти. Понял? О-бя-за-но!

– Так если оно было обязано, какого хрена ты кукарекал. И без тебя люди знали бы тогда, что взойдет. Какого рожна орать? От тебя-то, что тогда зависит? Если всё зависит не от тебя, а от Солнца, то зачем «кукарекать» тогда, если ты лишь «пешка»?

...Сегодня, когда человек выбирает между колбасой и книгой, ты его отталкиваешь от книги. Он не находит у тебя, то, что он ищет. Не находит и идёт, берет колбасу, а к ней и пиво ещё...

Все замолчали.

– Кстати, ты пиво убрал в холодильник, я тебе говорил? – Никита повернулся ко мне.

– Что вошло, убрал. Остальное в сенках.

– И водка что ли в тепле?

– Я водки не видел.

– Как это не видел?! – Никита встал и пошел на веранду. – Не видел он! Куда смотрел?

Он засунул что-то в холодильник, захлопнул его и опять сел.

– Вот, Никитушка, сиём действием Вы, сударь, только подтвердили достаточно известный постулат о Слоне, о коем я Вам и говорил. Что и есть Ваша обязанность показать Читателю. По-ка-зять! «Как это не видел!» А не хайть его в том, что «он не увидел, не понял, не осознал». Это, знаете, позиция «звездюка», батенька! И, я бы сказал, сноба! Между нами говоря.

...А ведь некогда по младости кое-кто заявлял что – «Прежде чем придумать велосипед, мне пришлось два раза придумать колесо». А? Не знакомо ли сие? – Витька процитировал «раннего» Никиту.

...Хлопнула дверь на пороге стоял Полкан с Карлом. Карл вопросительно смотрел на меня.

– Зачем вам велосипед? Или мимо магазина не ехали? Или закрыт был? ... Вот принёс на пробу. Попробуй, так ли? – Карл достал две рюмки, разлил самогон, достал из кармана редиску, с буфета солонку. Одну рюмку протянул мне, другую взял сам: – Давай! Я уже пробовал.

Он глядел на меня, не замечая «дуэлянтов».

– Нет. Что-то в ней не так. Чего-то не хватает, а что-то лишнее. Неси обратно! – я хрустел редиской, поглядывая на Карла.

– Ты же просил, как на Новый год! Когда вы все вместе были здесь. Здорово тогда было-то... Не было нарушения ни технологии, ни рецептуры... Но, как скажешь. Как скажешь. Пойдём Полкан.

Полкан пошел на улицу, за ним Карл.

... – Так если я вас правильно понял, то противоречия состоят в том, что одна сторона выступает против тенденций другой стороны в своих работах излагать безапелляционные суждения и выводы, не утруждая себя необходимостью показать Читателю, с каких же это событий и размышлений они появились. А это запутывает Читателя, не даёт ему сосредоточиться и осознанно принять или не принять точку зрения автора.

Я чуть-чуть «съехал» вниз по креслу и посмотрел на Витьку.

– А другая сторона утверждает, что Читатель должен быть подготовлен и принять точку зрения автора либо «пошёл на хрен, – других найдём», – я посмотрел на Никиту, и вернулся в исходное положение. – На что первая сторона утверждает, что такое пренебрежительное отношение отталкивает Читателя от книги вообще и толкает его в омут «колбасно-пивного бесславного бедующего».

...А, кстати, о пиве! – я встал, пошел к холодильнику, достал бутылку пива, открыл её, сел в кресло и посмотрел поочерёдно на обращённые ко мне лица.

... – Да. И это при всех! – подтвердил Никита.

– Никита. А кто там всё-таки был? – я отхлебнул пиво.

– Кто, кто? Светка была. ...Какая-то подружка её. ...Кто-то из наших. ...Вот он был! – Никита смотрел на Витьку. Тот молчал. – Да какая разница, кто был?! При всех – значит, «при всех»!

Никита смотрел на меня.

– Не остыло ещё. Теплоё. К вечеру остынет, – я приподнял бутылку и показал её им обоим. – Ну, давайте дальше. Что молчим-то?

– Что дальше? Ты всё сказал! – Никита смотрел, не мигая, на меня.

– Ну, дальше, дальше. Ты сказал, он сказал, я сказал, они послушали, ну, дальше-то что? – я опять сполз вниз по креслу.

– Вот я и говорю, что он не прав. Что нечего возиться с Читателем. Пусть сам выбирает свою дорогу. Книга или колбаса – это личное его дело. Читателя, в смысле..., – сказал Никита и погрузился.

– А я говорю, что «тогда зачем бумагу марать»?! – Витька грустно смотрел на Никиту.

– Ну, это я уже слышал. Дальше, дальше, постарайтесь без анафор и дидактизма, только! – я посмотрел на пустую бутылку из-под пива и поставил её за кресло. – Это мы уже прошли. И так, стало ясно, что, в присутствии неустановленных лиц, один сказал другому, что тот пишет свои работы, не задумываясь, понимает ли его Читатель или нет.

А другой сказал, что его дело писать, а Читателя – читать, вникать и понимать. А первый добавил – «или пить пиво»!

Дальше. Дальше, – я открыл вторую бутылку пива и опять сел в кресло.

...В дверях опять стоял Карл. Теперь без Полкана.

– А ты был прав! – он прошёл прямо ко мне, не глядя на Витьку с Никитой. – Ошибся мастер-го. Ошибся. Вот та, которую заказывали.

Он достал бутылку. Взял рюмки. Достал редиску.

... – А? Она? А? – он ждал ответа.

– Вот! Это она! – я поставил рюмку на пол, попил из бутылки пива, хрустнул редиской. – Она! – добавил я и протянул бутылку с пивом Карлу.

– Она! – подтвердил Карл, взял бутылку и поставил рюмку на стол почти между Никитой и Витькой.

– А Полкан где? – я смотрел на Карла.

– А... Дома остался. Говорит – «Поутихнут. Потом подойду».

Карл взял у меня редиску, присел на подлокотник, глядя на Никиту и Витьку.

– Ну, я это... Пойду?

– Иди, Карл! Мы ещё долго будем тут говорить ни о чем...

...Пока не разберёмся в «ни о чём», – добавил я.

– Я это... Оставлю эту-то. Что таскать «туда-сюда», – Карл поставил бутылку с самогоном на подоконник и вышел, демонстративно тихонечко прикрыв дверь.

... – Итак, – я налил себе ещё рюмку и дожевал редиску.

... – Она! ... Итак, есть авторы, которые «нянькаются» со своим героем и со своим Читателем. Есть авторы, которые не «нянькаются» ни с Читателем, ни с героем.

Есть, которые то так пишут, то этак.

Есть, которые вообще ничего не пишут и ничего не читают.

А есть такие, что «смотрят в книгу, а видят фигу». Прочитают такое, что ты и не писал даже, о чём даже не думал, что даже в кошмарном сне не снилось.

Есть такие, которые считают, что жгли Сервантеса, другие – что – Дон Кихота.

...А где здесь новое?! Кто этого не знал?! Кто-то из вас?

Или просто поговорить захотелось?!

...А-а-а, некоторым «лавры» дуэлянтов: Льва Николаевича и Иван Сергеевича покоя не дают?!

У тех – «лукавите, батенька», у этих – «при всех».

Так и «стрелялись» бы при всех, как те. Хоть народ бы посмешили. Впрочем, причём здесь авторы? Читатели общаются с их героями. Их любят или ненавидят. А «автор в муках рождает своего героя» и иногда умирает неизвестным.

А есть ли геморрой у автора, кто его Лиля Брик – дело десятое.

У вас же есть герои? Или вы «звезданулись» и уже про «себя любимого ваяете»? Как встал, как сел, как лёг. Для истории значит! Чтоб слава! Чтоб газета! Чтоб рамочка?

Что-то не замечал, чтоб ручонки у вас были желтые от паршивых этих газетёнок.

Да ещё, чего доброго, избавь вас от лукавого, по утрам читаете?

Почитываете втихаря-то! По утрам, поди... ..Ладно.

...Ну, ты сказал – он сказал, а дальше?! Дальше. Ну и что?! Дальше-то что? – я пересел в кресле боком, – поудобнее.

... – Он, что издевается над нами? – Никита удивлённо посмотрел на Витьку.

– А ты не понял? И не просто издевается, а с сарказмом и умилением от собственного ума и остроумия. И шута из себя при этом корчит. И Карл с ним «под одну дудку», – Витька, не мигая, смотрел на меня. – А нас дураками выставляет перед всеми, – Карлом и Полканом.

Никита понюхал рюмку Карла и отставил её в сторону.

– А мы к нему за тридевять земель по жаре тащимся, можно подумать, чтоб услышать, как над нами, при нас же самих, издеваются, – поддержал Витьку Никита.

– Да! И что важно, – в нашем же присутствии. Не стеснясь нас же самих! – откликнулся Витька

... – Давайте, давайте, мне нравится. Я, ведь, без вас скучаю, – я, с улыбкой, взял с пола рюмку и потянулся к подоконнику.

– Нагло. Цинично. Неуважительно издевается, – Никита посмотрел на Витьку.

– И не боится нас. Верит в нашу порядочность и... и... – Витька посмотрел на Никиту.

–...и в доброту, – закончил Никита.

– А вот тут, Вам и Вам, господа, – верю! Потому, что уважаю!?! – я ткнул рюмкой в их сторону. – Вас? Вас уважаю!?! остановил я надвигающуюся атаку, с растерянной улыбкой, глядя на выражение их лиц, и поставил рюмку опять на пол, понимая, что я попался.

Мимо их в дверь без тумачков и «пенделя» или двух мне уже не выскочить, – успел подумать я.

Второе воскресенье сентября

Второе воскресенье сентября.

Сажу на крыльце, курю, смотрю на небо, по сторонам.

У нас традиция. В этот день приезжают Никита и Витька. Кто что говорит об этом, а они говорят и мне, и всем, что «приезжают помогать копать картошку».

Вообще это и так, и не так.

В эти дни особенно чувствуется осень. Накатывает грусть. Хочется «заскорлупониться», поскулить, пожалеть себя, всех.

Всё это делать значительно «вкуснее», когда рядом есть те, с кем можно не разговаривать. Достаточно и того, что этот кто-то просто сидит рядом и тоже про себя скулит.

Вообще, молчать – это искусство. «Три года жизнь учит человека говорить, и всё оставшееся время – молчать». Мне нравится такой взгляд.

Подожли Полкан с Карлом, посидели, покурили, помолчали и пошли к себе.

– Ждёшь? – только и сказал перед уходом Карл.

– Нет. Просто сажу.

– Приедут! Мы дома.

Поговорили.

Хорошо это. Хорошо, когда знаешь, кто где.

...Что-то стало болеть правое плечо. Болит и болит. Что-то красное кололо-кололо, потом бросили. «Что мертвому припарки!» Потом Петрович дал настойку на сабельнике с аконитом – тоже не помогает. Правда, он сказал, что на пятый день, а сегодня только третий.

...Никита придет грустный. Скажет, что у него что-то болит, чтоб как-то оправдать свою кислую мину.

Витька скажет, что «еле-еле достал...», и назовёт какое-нибудь экзотическое вино.

Никита скажет, что лучше водки все равно ничего нет.

Карл добавит, что «если не наведённая... Что лучше самогона может быть только свой самогон».

Потом будем сидеть за столом.

Потом Никита скажет, что картошку будем копать завтра.

Карл скажет: «Вот и правильно. И я завтра помогу, а сегодня мне тоже неможется».

Потом всё-таки накопаем ведро, натрём на тёрке и будем жарить драники.

Будем грустно пить водку и хвалить их.

Потом будем удивляться: «Как это вчетвером съели ведро картошки и не заметили?!»

Потом будем пить самогон, за которым ходит Карл, и будем хвалить и самогон, и Карла, и за что-то Полкана.

Потом все начнут доставать меня: «А чтой-то ты в этом году никуда не поехал?»

А я им скажу, что «ещё поеду. Время есть еще!»

Они спросят: «А куда в этом году?..»

...Я задумался и достал ещё сигарету:

– А правда, почему в этом году никуда не поехал? Что-то тут?..

И что?.. А ведь время-то есть!..

...А я тогда скажу, что время есть! В Кижы и на Соловки еду! Вот! А правда, а почему не съездить?

А они спросят, что «лета-то для этого не было, что ли?»

А я скажу, что «лето?! Ага! Народу, как килек в банке. Кругом не наша речь. Шумят, а мне тишина нужна, и комаров нет в это время в Карелии».

«Долго будет Карелия сниться,

Будут сниться с этих пор

Остроконечных елей ресницы

Над голубыми глазами озер», – напоёт Витька.

Полкан грустно посмотрит на него и положит голову на лапы.

А Никита скажет, что «здорово! Вот я всю жизнь собираюсь-собираюсь куда-то поехать, а так и не получается. Запутался в этой сетке человеческих взаимоотношений. А так хочется свободы! А кругом люди, люди!..»

А Витька скажет, что «вот и я тоже...».

Помолчит и добавит, что «вот, всю жизнь хотел, чтоб море, друзья – и вдруг земля на горизонте, а мы, радостные, обнимаемся!»

Потом скажут мне, что я – счастливый.

...Правда, плюну на всё и поеду!

Сначала на Соловки, а на обратной дороге в – Кижы.

А то, как Никита, всю жизнь только и буду, что собираться. Так и старость застанет, чего доброго, не заметишь как.

«Мы не станем, ребята, седины

Нашей песнею спетой считать.

Сердце мое стучать не устанет,

Комсомольское сердце в груди.

Старость меня дома не застанет –

Я в дороге, я в пути!

Старость меня дома не застанет

Я в дороге! Я в пути», – простучало, как на плацу, в памяти.

Вспомнилось – стройотряды, походы, гитара, костры, зелёные рубы, панамы, значки, надписи на спине, девчонки, песни, танцы.

...Хорошо бы ещё, чтоб дождь был. Мелкий такой, нудный, холодный.

Белое море, сыро и дождь, холодно и тоскливо. Хорошо!

... Я встал и пошел в дом.

У меня есть кресло-качалка. Я часто думаю о том, что в человеке заложено стремление к монотонным движениям. В детстве качели там разные, потом... плац, «Прощание славянки», «Стро-о-о-ое-е-евым шаго-о-о-м... марш!», а с годами вот – кресло-качалка.

Видимо, внутри у человека есть какие-то контуры хитрые. При таком движении в них что-то индуцируется каким-то полем, которое вокруг нас и пока неизвестно науке. И это «что-то» превращается во что-то другое, обволакивает что-то и остаётся в человеке.

...Я сел в кресло и стал думать, покачиваясь, о том: как я поеду, как буду ехать, как пересечу первую реку, и сразу всё, что было, отступит назад, что увижу, как приеду, как придет Карл с Полканом, а потом приедут Никита с Витькой и с завистью будут смотреть на меня, а я буду на компе показывать фотки и рассказывать, рассказывать...

Все с грустью скажут, что я счастливый.

Ага! Я буду уставший и счастливый.

...Послышался звук подъехавшей машины.

Я покрутил плечом и вышел.

Около калитки стояла машина, рядом Витька с Никитой. В ногах – сумки и свертки. Пошёл к ним. Молчим.

– Ты как? А у меня что-то плечо болит. Правое. Сил нет. И днём болит и ночью, – сказал Никита, покрутив плечом, с грустным выражением лица протягивая мне руку, не дожидаясь моего ответа.

– Ты знаешь, у меня тоже. И тоже правое, – осторожно пожал я руку и наклонился взять часть сумок и пакетов.

– Пройдёт сейчас! Я вот еле-еле достал «Кашасу». Прямо из Бразилии привезли, – сказал Витька. – Два литра тут, – он пнул ногой прямо под моим носом одну из сумок.

– Всё равно лучше нашей русской водки нет ничего, – грустно сказал Никита.

– О!.. Смотрим – приехал кто-то! ...Это если она не наведенная, – добавил подошедший Карл, здороваясь.

– Я тут заказик разместил. Можем сравнить вечером, – сказал он, улыбаясь и почему-то глядя на Полкана.

– «Она придёт! Даю тебе поруку! И без меня, в её уставясь взгляд...», – сказал Никита, присаживаясь к Полкану, глядя в его глаза и протягивая ему ладони.

Полкан, отвернувшись, шлепнул по одной своей лапой.

– А почему, собственно, вечером?! – сказал я громко, пропуская всех в калитку, думая и глядя на кислую мину Никиты. А про себя подумал: – Действительно! А почему бы и нет? Да! Сначала – на Соловки, а потом – в Кизи!

Последнее воскресенье сентября

Никита проснулся.

На часах было полшестого. Ощущение, пришедшее вчера вечером, что он вступил в черную полосу, не исчезло. Он начал перечитывать написанное вчера, не выдержал и стёр текст.

– Началось! – подумал он. – Давно такой дряни не писал!

Последнее время он стал сравнивать написанное с каким-нибудь блюдом. То, что стёр, напоминало слипшиеся спагетти. Ни формы, ни содержания. Фразы напоминали склизких червячков.

Вообще, последнее время – если «каша» – так с комочками, если «рассольник» – так кислый, если «уха» – то мутная. Вот и «спагетти» – склизкие и слипшиеся.

– Началось! – повторил он вслух и опять лег спать.

Образ, что он ходит то по черной, то по белой тропинке, давно уже преследовал его. Черно-белые лабиринты он изучил основательно, но бывали периоды, когда вот так, как сейчас, выхода не было, и, как ни перепрыгивай, как ни старайся, какое-то время приходится жить в черной полосе.

Приходилось собираться с мыслями, оглядываться, искать момент и перепрыгивать на белую.

Но быстро это, как правило, не получалось.

... В комнате было уже светло, когда он опять посмотрел на часы. Десять.

Валяйся, не валяйся – вставать надо.

Проверил почту. От меня ему пришло письмо с фотографиями Соловецкого острова.

Он долго сидел около монитора, разглядывая фотографии.

– Убью гада, – сказал он неизвестно кому и пошел к холодильнику.

Дверка холодильника от резкой остановки издала непонятные звуки. Если снизу шел явный ре-минор, то сверху си-бимоль столкнувшихся бутылок был грязным и фальшивым.

– Убью гада! – повторил он вслух и достал одну.

Холодный виски немного успокоил, но решение кого-то убить не прошло.

Он взял телефон, задумчиво посмотрел на него, на стены, как бы размышляя, в какую из них его бросить, но набрал номер Витьки.

– Витьк. Помнишь картину Мишкину, которую я у него выиграл в покер, которая тебе покоя не дает... Да, «Туман над восходом» – она. Я тебе её дарю, если ты приедешь до полдвенадцатого ноль-ноль. Подарок мы обмоем. Только купи и оливки, и маслины, а то обязательно в одной из банок попадет гадость. Приедешь позже – ничего не получишь! – он положил телефон на стол, посмотрел на стену, на открытую дверцу холодильника.

– Да и хрен с ним. Убью гада. Убей гада – да восславят тебя! – подумал он, глядя на «маленькую Бертю», наполненную наполовину.

...Витька приехал в начале двенадцатого. Бросив пакеты в коридоре, он прошел в комнату, крикнув оттуда Никите, показывая на часы:

– Секёшь?

– Секу! – сказал Никита и пошел на кухню.

– А чё холодильник открыт? – сказал Витька, ставя пакеты на стол.

– Холодно! «Если в экзотермической комнате открыть работающий холодильник, то станет теплее», – изрёк Никита и стал доставать вторую «Бертю».

– Оно так. А ты что так? – сказал Витька, открывая банки и выставляя на стол бутылки.

– Это потом. ...Ты охренел? – Никита посмотрел на две плоских и две высоких коробки «Курвуазье».

– А вот!.. Пусть Мишка знает, сколько он проиграл тогда. Трюфели убери. Сунули в нагрузку. С «Наполеона», что ли, начнём? Нет. Пожалуй, давай-ка сначала картинку снимем, упакуем и в коридор вынесем. А? Ты сам сними, а то, как тать я буду, – Витька потащил Никиту в комнату.

– Да куда она, на хрен, денется? С «императора», так с «императора». Сигары хоть купил? – Никита сидел, не двигаясь, глядя на Витьку.

– Всё, что надо, купил. И бекончик, и пармезанчик, и спагетти. А картинку ты бы, Никитушка, сам упаковал бы. А? – Витка никуда не спешил.

– Иди ты со своими спагетти. И с беконом иди! – Никита пошел в комнату. – Снял. Упаковывать сам будешь. Не знаю, во что. Налил ли? – он сел на свое место.

– Где тёрочка? Садись, не маячь, – Витка сел напротив Никиты. – Ну, давай, рассказывай... – он пригубил коньяк и продолжал «катать» его в «Берте».

– А не буду я пить твой коньяк. С виски начал, им и закончу, – Никита уставился, не мигая, на Витьку.

– А и правильно. Губа толще – пузо тоньше. И всё ж?..

– Ты знаешь, Витька, вот Антон Павлович говорил, что «когда человеку плохо, то ему хочется, чтоб было ещё хуже». Вот ты попал в такую передрыгу.

– Так, может, картинку на место повесим? Хрен с ней! А потом, он ведь перед этим про жилетку рассуждал, – в тон Никите сказал Витька.

– Да нет! Забирай. Я давно хотел тебе её подарить, да всё повода не было. А сегодня подумал: «А почему не просто так?» Да и тебя увидеть захотел. Добавь, – Никита подвинул свою рюмку по столу к своей бутылке.

– Не-е-е! Ты уж сам, братец. «Лакей, лапти!» Да и здоровье твоё, так что сам с организмом своим как-нибудь договаривайся, – Витька передвинул «натюрморт» обратно к Никите.

– Вить! А чё тебе дался этот «Туман...»? Сколько ты уже лет за ним гоняешься? – Никита закурил.

Витька сидел напротив, внимательно глядя на него:

– Не будешь орать?

– Не-е-е! А чё орать? Твоя картина!

– Мишке хочу вернуть. Изболелся он без неё. Говорит, что «как ребенка своего продал. Сколько, – говорит, – ни пытался повторить, жалкое подобие получается».

Они замолчали.

– Да-а-а! Он тогда ведь, помнишь, раз пять вскакивал и к ней бегал в мастерскую. Вот я и не выдержал. Надоел бегать. Тогда и сказал ему: «Ставь на кон своё творение». Увёз. Ведь сырая была ещё.

...А чё молчал он столько лет? А я смотрю, придёт, смотрит, ходит вокруг. А вона как! Не может повторить, говоришь? Чудно!

– Никита подобрел и сменил стул на кресло.

– Может, в комнату переползём? – сказал он Витьке.

– Лучше кресло принести и столик сюда, – Витька пошел в комнату.

– Да-а-а! – продолжил разговор Никита, подвигая своё кресло к столику, когда вернулся Витька.

– А чё он молчал-то? – опять встрепенулся Никита.

– Да кто его знает? Молчал, значит, надо так было, – Витька вытянул ноги.

– А ты чё в вираже-то? – он подвинул к себе и к Никите рюмки.

– А! Вступил в полосу. А тут ещё этот «хрен с горы» с утра достал. Вообще стало хреново, как у Серёжки.

– Кто «этот-то»? Кто это Есенина разбудил, да ещё и осенью? Кстати, 3 октября у него день рождения. Давай, – Витька с кивком поднял «Берту».

– Давай! – Никита поднял свою и тоже кивнул.

– Кто «этот-то»? продолжил Витька.

– Сашка, сукин кот, письмо прислал с Соловков. Сучок! И уже успел что-то тиснуть, даже ссылку дал. Фотки прислал. Сукин сын! Помнишь, у него картошку копали? Я думал, посвистит – и всё! На кресле у него тогда качались. Помнишь? Скулил, сукин кот, он ещё тогда, а ты ещё его успокаивал... Когда от твоей «Кашасы» чуть все не сдохли...

– Да, помню! Ну и что?

– Уехал, сучий потрох! Письмо прислал. Там на компе. Я даже читать не стал. Посмотрел фотографии и тебе стал звонить. Сучок! – Никита опять потянулся к сигарам.

– Ну, уехал и уехал! Ты-то чё подпрыгнул? – Витька тоже потянулся к сигарам.

– Не порти вещь! – Никита отодвинул коробку от Витьки, – А ничё... – вот чё!

Они сидели и молчали.

– Он что-то там говорил про Кизи. Давай поедем туда, перехватим и утопим его в Онеге. Хрен кто найдёт, – робко начал Витька.

– С собаками там, что ли, его искать? Он, видите ли, там «познакомился с автором со Стихиры», – Никита процитировал меня. – Баба. Теперь ты знаешь, где он может быть? Теперь никто

не знает, где он может быть! И Онегу поганить не хочется. Да... И... Сучок!

– Давай позвоним ему, – предложил Витька.

– Только не с этого телефона, – Никита отодвинул свой телефон от Витьки, – я сейчас принесу.

Никита ушел и вернулся с коробкой.

– На! Звони! – протянул он коробку Витьке.

– «Телефон вне зоны действия сети!» – повторил Витька услышанное.

– А ну, дай! – Никита перегнулся через столик, взял телефон и тут же запустил его в стену.

– Ты охренел? Телефон-то новый! – Витька с изумлением смотрел на него.

– А это не мой! Это я ему купил. На день рождения ему хотел подарить. Хрен вот ему, а не телефон! Пусть со своей «Моторолой» до старости ходит! – Никита подвинул «Берту» к себе. – Давай, открывай «Икс-О» – пробовать будем! И трюфелину терани немного. К бекончику, – он довольно посмотрел на Витьку. – Говоришь, Мишка пробовал повторить – не получается? – Никита, вдохнув запах из «Берты», посмотрел на потолок.

– Говорит, что нет, – Витька тоже вдохнул.

– Всё у нас штучное! И сами мы – «штучные»! Не то, что это пошло, – Никита перевел взгляд на синюю коробку, потом опять уставился в потолок, – конечно, надо отдать. Мишка тоже – «штучный».

...Коллекционный, можно сказать! А-а-а! А телефон дрянь! Массовка! Сам купит, какой хочет! Девка-то со «стихиры», говоришь? Так ему и надо! Суч-ч-ч-чок! Туда же! Из-за него телефон разбил, – Никита встал, пошел, поднял телефон, подошел и аккуратно закрыл холодильник.

Второе воскресенье ноября

Никита появился неожиданно.

Не звонил, не скулил предварительно – протопал по крыльцу и ввалился.

Молчу. Знаю, что в таких случаях что-то сказать – вынуть затычку из бочки, в которой неизвестно что.

Никита раздевается, молчит. Знает, что я знаю про «затычку», и сам про неё помнит.

– Чай есть? – выдавливает из себя, плюхаясь в «свое» кресло.

– От врача, что ли? – стою, не делая никакого неосторожного движения.

– Очень смешно. Клоун. «Публика рыдает от счастья и даже в партере родители ставят на колени детей, чтоб те могли запомнить на всю жизнь эту незабываемую встречу с солнечным лучиком...»

– «...с лучиком света в этом темном царстве», – перебиваю его я. – Двигайся к столу, лучик. Каким ветром?..

– Давай о чем-нибудь другом.

– О чем?

– Как Карл, как Полкан?

– Если шел не «через огороды», сам скоро узнаешь.

– Шел... как вы говорите, от околицы. Снег у вас уже.

– А у вас?

– А у нас – в ... квас, а говорим, а говорим всем, что в бочках.

– Так говорите, как есть.

– Кому говорить? Все и так знают.

– А кому говорите?

– Себе и говорим.

– Ну, так и говорите или не говорите. «Говорить – не раны шить, это может погодить».

– Притулился к славному племени рифмоплетов?

Там я тебе смартфон привёз на день рождения. Хотел только от себя – братушки сказали: «либо я сломаю, либо ты откажешься», так что он «от нас – вам».

Там тебе, путешественник хренов, навигатор поставили, карты «от Гармина», ещё всякой хрени напихали, в том числе Витька свой новый опус о... – разберёшься. Потом.

– Разберусь, ли?

– Полкана на помощь позовёшь. Что-то долго нет его?

– А тебе компания нужна?! Может, и я на что-нибудь сгожусь?

– Может, и сгодишься. Если скажешь мне что-нибудь настолько приятное, что смогло бы меня заинтересовать, тогда тебе повезет. Действительно, вроде хорошая фраза, а... Шаблонизмом уже дует со всех сторон.

– А может, с морозца – рюмочку?

– Во-во! Скоро уже шаблонами не только говорить, а и мыслить будем.

– Кто мешает?

– Отстань! «Кто виноват? Что делать? Кто мешает?» Что ты там говорил про красненькое?

– Витька как?

– Не выдержит – приедет, вот и потреплется.

– А ты? Что там говорил-то?

– А у вас портвейн продают? Дрянь какую-нибудь? Три семерки, например. А?..

– К нам скорая едет два часа!

Никита встал и подошел к окну.

– Так что там давеча говорил про мороз?

... «Скользя по утреннему снегу,

Друг милый, предадимся бегу

Нетерпеливого коня

И навестим поля пустые,

Леса, недавно столь густые,

И берег, милый для меня».

... «Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры,

Звездою севера явись!»

...Вот ведь! Умеют люди!

Слушай, а правда, что кресты Валаама в чашке у Большой Медведицы, или ты метафору завернул?

– Правда! Почитываешь кое-что, значит, на досуге? – я вернулся от холодильника и сел рядом, покидав на стол то, что было там.

– Ты будешь? – Никита посмотрел на меня.

– Так ты же сказал – день рождения. Буду, – я кивнул.

– Ты, конечно, подлец, что уехал один. Но правильно сделал. Многих обидел. Многих. Достанется тебе ещё. Но я не Мартынов – в друга не стреляю, – Никита поставил рюмку на стол и, не дожидаясь меня, налил ещё.

– Сволочь Мартынов. Всю жизнь потом сопли лил и водку пил. Не хочу!

Никита выпил вторую и уставился на меня.

– Ждем кого?

– Добрых слов и пожелания без «шаблонизмов» в дальнейшей жизни, – я продолжал держать рюмку.

– Это сложно. Дай подумать! «С днем рождения» – без этого никак! «Желаю» – без этого тоже! Желаю тебе всего того, что желали литературные персонажи, знакомые тебе, и ещё здоровья твоих друзей! О, как!

– Спасибо.

Третья рюмка – она и есть третья, Никите стало тепло. Он сбросил свитер и опять перебрался в своё кресло.

– Слушай! А вот как брат – брату! Как бы ты охарактеризовал 70-е, 80-е и сейчас?

– Годы или нас?

– И годы! И нас!

– Трудно это, Никита.

...Тогда мы ходили на каратиста, отбивающего руки об запертую дверь и не обращающего внимания на куски кожи и кровь. А сейчас – на боксера, демонстрирующего прекрасную технику в «бое с тенью» у этой, но уже открытой двери.

Да и её нет. И стен нет. Нет и зрителей.

«Бой с тенью» ночью посередине футбольного поля, на котором уже растут сосенки». Где-то так.

– Жестко! А может, кто-то увидит или видит уже?

– Увидит. Тебе это надо? А если посмеётся над тобой? Это как? А ты ведь другого ничего не умеешь. И животик у тебя уже. Это как? Не страшно?

– ...Да! Погуляли мы. Молодняку даже не приснится такое. Они даже не знают, о чем мечтать можно и нужно...

...Давай сегодня не будем ругаться. Представляешь, хороший день, все гонят ахинею, пургу всякую, бодягу, никто не одергивает друг друга, посасывают портвешок...

– А скорая?

– Ну, не портвешок, что посасывают, то и посасывают...

– А посасывали они ... – я смотрел на Никиту и улыбался.

– А Бог им в тот день послал... – Никита взял бутылку и стал её разглядывать – Да! А щучьих голов с чесноком и блинов с икрой – нет!

Никита поставил бутылку и замолк.

...Встал, походил по комнате. Подошел к компьютеру, постучал пальцем по клавиатуре.

– Вот ты говоришь – дверь. Действительно, всегда была дверь, которую нельзя было открывать. И в сказках и былинах эта тема неоднократно муссируется. То там одно за ней, то Кощей, то ещё какой-либо персонаж. Ети его!

Она же проходит и у других народов, тут тебе и шкатулки, и ларцы, и Пандора, будь она не к ночи вспомнута.

Ну, сделали – сделали! А сейчас она есть? Эта «дверь»!

Он опять прошел к столу.

– Я думаю – есть! Теперь это «дверь» в уже знакомое. В прожитое уже нами.

И опять же, ты правильно заметил, вокруг тысячи предупреждений – не возвращайтесь туда, где вам было хорошо. Но тысячи и тысячи лезут туда переосмысливать и переоценивать то, что уже было и с ними, и с другими.

Этакая отвлекалочка для слабых духом, как очаг на стенке. А где-то, конечно, есть и другая.

Может, даже требуется кулаки поломать. Но эта – проще. Её все видят. Она знакомая. А самое главное – за то, что ты по ней колотишь, тебе ничего плохого не будет. Только хорошо – пар выпустишь. Тот же «бой с тенью».

Я выразительно посмотрел на бутылку, давая понять, что «его три» – не «моя одна».

– Давай! Но у нас стайерская дистанция! – поддержал меня Никита.

– Допустим, что дверь – есть! – он жевал квашеную капусту, прищурив один глаз. – Где Карл? Полкан где?

...И как бы ты её назвал?

Дверца «свобода слова» – открыта.

«Свобода вероисповедания» – открыта.

«Свобода перемещения» – открыта.

«Свобода пола» – открыта.

«Свобода на свое личное время» – открыта.

«Свобода убеждения» – открыта.

Все открыто. Заходи – не хочу!

Мы сидели друг против друга за одним столом.

...Познакомившись когда-то в «Сайгоне», проматывая время в «Висле», зависая в «Кишке» и в «Керамике», мы смотрели друг на друга, зная абсолютно все друг о друге, и боясь оба того, что я могу сказать вслух то, о чем мы оба думаем.

– Дверь, на которой написано: «Свобода – не для всех! Свобода – не всего!»

...– Я так и знал! Я так и знал, что ты скажешь эту херню. Так и знал! Просил же тебя – «давай не будем ругаться». Просил?! Молчи, а то подерёмся. Молчи, сучий потрох, молчи. Молчи, молчи! Не надо развивать мысли. Не надо. Не надо, не на-до!

Молчи!

Я молчал. Никита встал и стал одеваться.

– Ты куда? – я тоже встал.

– Пойду к Карлу, к Полкану. Потом вместе в магазин. Да и хрен с ней, с вашей «скорой». Хочешь – пойдём с нами. Нет – сиди тут. Обезьяна!

Я оделся, и мы пошли к Полкану с Карлом. Потом в магазин. Шли по рыхлому снегу: Никита, Полкан, Карл и чуть за ними я.

Новый-старый год

Такой легкий снег бывает только в этот удивительный период – послепраздничества, когда человек, устав, потом отдохнув, собирается с мыслями, строит планы и трепетно лелеет надежду, что – «а вот в наступившем году... Много будет всего хорошего!»

Примерно так я думал, разгребая снег, полный уверенности в том, что со дня на день такой снег пойдет. Я даже знал, что на Старый Новый год он придет обязательно и будет извиняться за то, что «а вот так получилось... Замотался... Понимаете...»

С дури насыплет на кусты целые ворохи, которые при первой же оттепели начнут, спекаясь, ломать нежную поросль того года.

Поэтому я ходил меж кустов, подгребая под них то небольшое количество, которое он мне давал, чтобы веткам было на что опереться, а самое главное, чтобы весной мои питомцы случайно оттепель не приняли за приход весны.

Вот растает снег под ними – вот тогда и пусть радуются солнышку.

...Тихо к дому подъехала машина.

– Никита и Витька! – ёкнуло сердце и в правой стороне под ребрами.

Но из машины вышел Полкан, потом Карл с какими-то пакетами и сумками и какой-то парень лет двадцати пяти-семи, тоже с двумя большими сумками и большим белым пакетом.

Полкан сразу пошел ко мне, слегка покачивая задом, не забыв на правом столбике калитки оставить сообщение всем, что «он дома». Он, извиваясь, шел по тропинке, подметая ушами остатки снега после моей лопаты.

– Смотрю – ты! Чаем напоишь? Тут я тебе подарок привез. К себе успею. Привет, здорово. Смотрю – живой. А я вот... ...Подойдешь? Мы пойдём. Это Павлик. Потом. Ну, мы пошли. Пусть Полкан с тобой побудет. Хорошо, что не выл ещё в этом городе-то. Дома лучше, – сказал Карл и, не дожидаясь моей реакции, пошел ко мне домой. За ним пошел «Павлик».

– Минут через двадцать подходи, – сказал он с крыльца то ли мне, то ли Полкану.

– Случилось что? – спросил я Полкана, на что тот ничего не ответил, поскольку был занят обходом и осмотром моей работы.

...Когда мы зашли с Полканом в дом, то в это время в «своем» кресле, молча, сидел Карл, у печки – этот Павлик, у двери стояли пакеты, сумки, сверху на них лежала куртка и шапка Карла.

Павлик сидел в расстегнутой куртке, в шапочке, из-под которой торчало ухо с двумя-тремя беленькими сережками.

Я поглядел на стол, боясь там увидеть то, что соответствует такой обстановке. Гроба не было, а стояла пустая бутылка из-под водки и лафетничек.

– А... смотрю у тебя в буфете, там, на самом виду, стоят остатки былой роскоши – подумал, что всё равно природа ничего не придумала эффективнее, как токсины в организме заменить на другой яд – спирт. Природе виднее. Сижу, жду... пока заменит.

...А у тебя, смотрю, здоровый румянец. Конечно, окислительно-восстановительные процессы на воздухе и в движении идут быстрее... Дышать в это время надо больше. Ведь эта гадость через легкие тоже выходит. Кислород в кровь, а эта... из неё. Если, конечно, кровь двигается.

...Ты сам поставь чайник-то. А то... Где тут, что тут у тебя... Поесть бы надо. А ты, Павлик, раздевайся, – сказал Карл, и мне показалось, что он задремал.

– Давай раздевайся. Вот сюда и давай за стол, – сказал я Павлу и пошел выполнять распоряжение.

– Полкана кормили ли? – спросил я гостей. Они молчали. Я посмотрел на Павлика, тот пожал плечами.

Я оглядел «что Бог послал» в холодильнике, там ничего стоящего для Полкана не было.

– Будь другом, дойди до магазина, купи там что-нибудь нам и Полкану. Тут недалеко. И молока обязательно, – сказал я Павлу.

– А что конкретно? – спросил меня тот, одеваясь.

– Да что будете сами есть, то и купи. Продавщице скажешь, что что-нибудь для Полкана, они там знают. И молока купи.

– И две бутылки водки не дешевле ста семидесяти, – добавил Карл, не пошевелившись.

Павлик стоял одетый и смотрел на меня.

Взгляд его был хоть и не выразительный, но я всё понял, достал деньги и протянул ему.

– Что случилось-то? И кто этот Павлик? – спросил я Карла, когда тот вышел.

... – А хрен его знает, что случилось! А хрен его знает, что такое Павлик! Только, понимаешь... Он сын одного моего хорошего знакомого... Вот.

...А ты должен понимать, как честный человек, что хороших знакомых «бывших» не бывает... Они либо есть, либо их никогда в твоей жизни не было! Правильно я говорю? – Карл покрутил в воздухе рукой, дав мне понять, что он не спит.

В принципе, я был с ним согласен, но собирать на стол мне было одному скучно, и я с легкой иронией спросил его о том, нет ли в его сумках чего-нибудь на стол.

– Есть! – сказал Карл и пошел разбирать ворох у дверей.

– Вот! – сказал он и поставил на стол трёхлитровую бутылку водки и какие-то пакеты. – Её тебе передали, а в пакетах... так. ...Даже не знаю что.

И он опять сел в кресло, вытянув ноги на середину кухни.

– Слушай! Вот это ты бы мог делать у себя дома, – сказал я, стараясь говорить строго.

– А ты там протопил? – спросил он и поднял голову.

– Утром, – ответил я и перестал резать колбасу.

– Значит, там сейчас нежарко.

– Но и не настолько холодно, чтоб сидеть здесь в кресле, – сказал я и опять стал резать колбасу.

Карл встал и подошел к столу. Пробка на «бадье» хрустнула.

– Вдруг тебя отравить хотели! – сказал он, поставил на стол уже пустой лафетничек, взял из-под ножа колбасу и хлеб.

– ...Веришь ли – устал! Устал, как... как Полкан. Ты не сердись. Я за десять дней первый раз расслабился. Вот сидел сейчас, а внутри что-то трясется. А я должен знать, что. Я – врач! А у врача незнаний о том, что трясется быть не должно. А у меня сомнения. И сомнения во всем. И насколько сильны сомнения в одном, настолько же сильна уверенность в другом. И это я не вычитал – это я сам понял вот сейчас здесь у тебя в своём кресле. Понял! – сказал он совершенно трезвым голосом с совершенно трезвым лицом.

– Теплая вода есть? Давай-ка я побреюсь пока, – он пошел к печке, а потом к раковине.

...Павлик вернулся, когда мы уже сидели за столом, Полкан съел почти всю колбасу, а мы ели квашеную капусту. Карл вслух мечтал о молоке и говорил, что «нет ничего полезнее, чем чистить

себя квашеной капустой с молоком или солеными огурцами с молоком», что «эта роскошь доступна только городским, а деревенским – только летом и ночью». Начал улыбаться, но о причинах своего настроения не проронил ни слова.

Мне было хорошо видно, что его поведение похоже на поведение боксера в раздевалке в последние минуты перед выходом на ринг.

А я хорошо знаю, чем кончаются ринговые схватки, и давно пришел к мнению о влиянии «ринга» на развитие общества в целом. Кроме этого имел устойчивое мнение о зрителях за рингом, поэтому, не видя соперника и предполагая, что схватка будет внутренняя, даже с каким-то интересом наблюдал за, можно сказать, ритуальными действиями Карла.

– Вот, – сказал, войдя, Павлик, приподняв у дверей два пакета и глядя на нас.

– Хорошо, что сам вернулся, – сказал Карл и встал, чтоб забрать пакеты. – А молоко? – сказал он, выкладывая какие-то свертки на стол.

– Бли-и-и-и! Забыл! – сказал Павел, застыв в наполовину снятой куртке.

– Иди за молоком, – сказал Карл.

Ручаюсь, что вот такую же энергетику, те же интонации я уже слышал в каком-то фильме. Только там женщина говорила своему бывшему пьяному мужу, пришедшему к ней ночью: «Чё пришел? Кто звал?»

– А это... А у меня деньги кончились... – тихо сказал Павлик.

– ...И если не будет в магазине, спросишь у людей, у кого можно купить, найдешь банку... А тут, – Карл показал взглядом на веерок денег в руке, – хватит привезти молоко из славного города Парижу.

Павлик с недоумением смотрел то на него, то на меня. Я с недоумением – только на Карла.

...Дело в том, что еще день назад я представить себе не мог бы подобной сцены. Все что угодно, от банального «да и хрен с ним» или «позднее к соседке схожу» до какого-нибудь «ну вот, а голову не забыл, а водку...».

– А водку? – сказал Карл.

– А водка в карманах, – сказал Павлик.

– По кой хрен она в карманах? – Карл недоуменно посмотрел на меня.

Тот пожал плечами, достал водку, протянул её Карлу, опять натянул куртку и свою круглую черную вязаную шапочку и вышел.

Я с недоумением смотрел на Карла. Он с некоторым высокомерием на меня.

– Врачи! – сказал он и поставил бутылки рядом с «бадьёй».

– Сдохнешь, – сказал я, глядя на эту «троицу».

– Что так сдохнешь, что этак... А так на душе спокойнее!

Жалко, нет Никиты с Витькой! Как они? Что говорят? Были ли? Глядя на тебя – были.

– Не было, слава Богу. Но будут. Не знаю когда, но чую – неладное приближается. А что у тебя? Колись.

– Давай по рюмке, и я тебе расскажу сюжет для небольшого романа, – Карл отставил «новеньких» и схватил за горло «бадью».

–...В девяностых, – начал он, – мне пришлось тесно общаться с военными. Хотя не с ними только.

Как-то вдруг психиатр стал нужен многим. Репутация у меня была... Ну, какая может быть репутация у человека, который пишет отзывы на докторские диссертации коллег и сам определяет репутацию других – умных и маститых?..

Стали меня привлекать как независимого эксперта для участия в различных мероприятиях – экспертизах. Время уже было такое, что ни о каких «справках на совместительство» речь не шла. Давал заключение – получал деньги.

Но в нашей работе есть кое-какие тонкости. Тут не сразу все объяснишь неспециалисту, но суть сводилась иногда к тому, что требовалось плотное общение с обследуемым. Он, конечно, иногда знал об этом, иногда нет, но для специалиста это не играет роли. Одним словом, приходилось иногда по нескольку дней жить среди этих людей, общаться с ними.

Не секрет, что мы, медики, люди военные. И также давали присягу, и нас также всегда могли подвести «под ремень и фуражку», так что я особо не комплексовал, когда в звании полковника, а это моё фактическое звание, находился иногда среди них.

Суть не в этом, а в том, что вот там-то я и познакомился с одним офицером и его семьёй. Вот этот Павел – сын того офицера, с которым мы как-то сошлись и подружились.

Сейчас уже многое не секрет, а скоро будет их ещё меньше, но военным тогда пришлось туго. У большинства-то с головой всё

было в порядке, а тут такое... «Кому присягу давал? Кому служу? Кто мне деньги платит? В кого стреляю? Кто в меня стреляет?»

Одним словом, тяжело им было.

А работу делать надо! А с оружием делать должны работу люди какие?.. Правильно – психически устойчивые. Приказ отдавать – это одно. Получать – другое. Да и отдавать-то... тут знаешь... не тому не тот приказ... всякое могло быть.

А потом стали эти люди воевать по контракту. Что такое «по контракту», думаю, понимаешь. Тут тебе ни... Одним словом, тут тебе одно: «приказ – выполнение».

У кого не получилось – ушли. Кто остался – решили как-то себя обеспечить. Рвались стрелять хоть куда, хоть в кого.

У нас ведь нет такой науки и не было, мы даже и вопрос никогда не рассматривали, что психически здоровый человек может в другого стрелять за деньги. За Родину – да! За Свободу – да! А за деньги... не было такой науки.

...Вот у этого офицера и была мечта – заработать денег, построить дом и жить в нем с женой, дочкой и сыном. Жить как все люди. Но время такое попало, что деньги заработанные дешевели на глазах. Рвал себя, но построил дом. Небольшой, но построил. Вернее, недостроил... и уехал опять. Чтоб вернуться и достроить. Но не вернулся.

Жена – туда, сюда. Не мне тебе рассказывать.

Друзья мужа – «да мы... да всегда... брат!..»

Это ты тоже знаешь.

В итоге – баба с двумя детьми в недостроенном двухэтажном доме, а вокруг никого, кто бы хотя бы слышал, что она говорит... о чем она говорит им... тем, кто её слышать должен.

Нырнула в своих детей, в работу... Всё как у всех!

Прёт этот воз. Молчит. А как закричишь – губы закушены. Допёрла детей до взрослости.

Девка в институт поступила. Правда, потом бросила, но это уже другое.

Павлу – специальность, да не одну, в руки дала.

А тут у детей... А как у детей, сам знаешь. Своя жизнь у них началась. Девка замуж вышла, пацана родила. Там своя семья – свои законы.

Пашка? Ты видишь сам. Кстати, не курит, не выпивает, спортсмен. Под два метра. Симпатичный. На гитаре, на фоно к тому же играет. Где-то там в ансамблях. Толком не знаю...

Одним словом, – «ко мне не лезьте – сами с усами».

От армии прятался.

А тут так случилось, что сошлась она с мужиком каким-то. А у того – тоже дом, жизнь своя. Она к нему жить переехала, и остался Павлик один в двухэтажном доме хозяином.

Естественно, там какая-то девка появилась. Любовь-морковь. Потом другая! Потом третья!

Слова ему не скажи – «Сам с усам. Умен и приятен».

Мать махнула рукой на все, говорит: «Вы хоть дом-то оформите, да хоть как-то разберитесь с ним между собой. Отец для вас себя порвал». А тем не надо, некогда. У одной детки у другого девки.

...И тут у Павлика – новая любовь. Девка из Москвы. Для отмазки от армии очень даже удобно. В Москве у неё квартира, от бабушки досталась. У мамы девки – своя квартира где-то рядом. Пашка к ним, как к себе домой, стал ездить.

Мать – ему: «Работать надо, дом достраивать, жить пора, хватит собак гонять».

А ему... – любовь! Понимаешь!

В итоге. Женился он. Забеременела девка.

Какая в Москве беременность? Перебралась к нему.

Московскую квартиру решили сдавать, а на эти деньги жить. Мама стала приезжать. Потом и мама оказалось беременной. Работу тут нашла. Также прописалась, понравилось ей – не в этой Москве грязной. Водопровод в дом провели. Кое-что поделали еще по мелочи в доме-то. Дом оформили. И тут девка на развод подала. Повод был, не был – не знаю.

Паше – фиолетово.

А вот тут... и оказалось, что в собственности дома и земельного участка Пашке с сестрой и матерью, на всех троих, приходится пять процентов от общей стоимости.

А объект неделим. И суд присудил владельцам большей части собственности выплатить причитающуюся Павлику с сестрой и матерью сумму. А тех понудил в судебном порядке к заключению договора на продажу своей части в неделимом имуществе.

Вот и всё!..

– А юристы-то что говорят? – мне было непонятно всё это.

– А юристы говорят, что «мы слуги закона, и, как все слуги у нас в стране, должны получать больше, чем хозяева. Платите». А чем им платить?

...Мы давай-ка выпьем, да закончу эту историю я тебе тем, чем маринованным и не снилось... – Карл поднял лафетничек.

– Ну и на хрена им этот дом? Бросили в Москве две квартиры, – сказал я.

– А на суде-то и выяснилось, что нет у мамы с дочкой никакой иной собственности, пригодной для проживания, на всём белом свете. Что родились они обе где-то в Тверской глубинке. Приехали в Москву на заработки. Что они теперь обе мамы. А квартиры в Москве? Квартиры снимали, наверное.

Давай повторим, да я закончу, – Карл поднял опять рюмку.

Я ждал.

– А тут и мама «любви» Павлика уехала в Москву судиться с каким-то ухарем-бабахарем по признанию отцовства её ребенка.

А там обвинила того, что она вынуждена была скрываться от него, поскольку тот хотел её убить! – Карл довольно посмотрел на меня.

– Так им по сколько лет? – вырвалось у меня.

– Ну... Тёще Пашкиной, я знаю, тридцать восемь.

– Надеюсь, это всё? – спросил я.

– Ну, если не считать, что Пашке на суде вручили повестку в армию под расписку, то почти всё.

– Что, ещё что-то есть? – я уже не знал, что тут может быть.

– Так их же всех лишили регистрации. С Пашкой ясно – тут армия, от которой он у меня сейчас и прячется. А вот с сестрой его проблема. Оказалось-то, что они с мужем живут в гражданском браке, а собственником квартиры, в которой они живут, является мать сожителя, которая внука-то прописала, а её пока отказывается прописывать.

– Ну, а мужик сеструхи Пашкиной-то что говорит?

– А что он может сказать? Он прописан в коммуналке, в которой когда-то родился, а дом – под снос, и всем должны выделить муниципальное жильё. А дом пока не сносят. Но и не регистрируют в нём.

– А теперь ты мне скажи, что с матерью их что-то случилось... По жанру, так сказать!

– С ней нормально. Если не считать того, что этот Павлик с сестрой стали орать на неё, что «она им плохо всё объясняла, плохо воспитала, почему не заставила их, она – мать, обязана была ...» Ну, сам всё знаешь.

...Мы сидели с Карлом и смотрели, молча, друг на друга.

Молча, смотрел на нас и Полкан, видимо, довольный, что ему досталась наша колбаса.

– ...Ты вот это всё не придумал? – спросил с надеждой я, вспомнив легкий утренний снежок.

– Нет. Не придумал, – грустно сказал Карл.

– Вот тебе и Новый год, – подумал я.

–...Какой мужик был! Какой мужик! Я про Пашкиного отца говорю!

...Как врач тебе говорю: «Больные мы все! Больные!»

О! Слышь, молоко идет, – Карл поднял палец.

Открылась дверь, и на пороге показалась довольная рожа Никиты.

Витька выглядывал из-за спины.

У меня под правым ребром что-то ёкнуло.

– А я смотрю – нас ждут! – Никита улыбался, как новогодний шарик на ёлке.

– Полкан, дружище, вот кому я рад, так рад. Ты даже не представляешь себе, Полкан, что это из-за тебя приехали. Из-за тебя. Это же сколько народ стал жрать! А сколько выбрасывать!.. А я увижу и говорю всем: «Заверните для моего друга Полкана», – Никита сидел перед Полканом и тербил его уши.

Витька стал вытаскивать из пакетов какие-то свертки.

– А вы что, как тати в ночи, крадучись? – грустно спросил я.

– Да мы на повороте вышли. Под колеса такси какой-то «лось» с серьгой в ухе бросился, визжал, что ему край надо куда-то. Таксист доволен – развернулся. Мы-то ему уже двойной тариф заплатили, а тут ещё подарок. А и хорошо. Новый год всё-таки.

– Хорошо, если за молоком в Париж ломанул, а не куда-нибудь... – задумчиво сказал Карл.

– Молоко! Мы в этот раз взяли в признанном вами отношении – один к двум, где один – водка.

Но, половина с вас, а свою долю молока, пять литров, мы захватили, захватили с собой. Да, Полкан? А то опять будем по деревне ходить молоко спрашивать. А народ пугать не надо, да, Полкан, не надо народ пугать.

Народ, ой, как пуглив по утрам бывает. Чтоб их... И руки трясутся...

– Ну, за встречу, что ли, да начнём потихоньку готовиться к празднику, чтоб его... А снежок такой хороший на улице, – Никита потер руки.

Я выглянул в окно, – шел снег.

– Успел! – подумал я про снег под кустами и со вздохом представил ближайшие дни.

– Давайте, давайте! А то я тоже ещё дома не был, пойду, протоплю да поговорю с ним. Хоть скажу, что всё нормально у нас с Полканом-то. Что у наших в городе тоже. Что привет передавали, – Карл поддержал Никиту.

Я жалобно посмотрел на Витьку и стрельнул глазами на стол, покрытый бутылками.

–...Нет! Можно подумать, что тебя свяжут, и будут бить сапогом, приговаривая – «пей, пей». Нужен ты кому!.. Иди снегом на улице займись, пока мы тут... – сказал Витька и достал из банки огурец.